

РУССКАЯ РЕЧЬ

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР

ОСНОВАН В 1967 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

№ 4

№ 9888
ИЮЛЬ — АВГУСТ

1967

В номере

1917 — 1967

- Г. В. Гасилов. Ликвидация безграмотности в Советской России 3
Г. И. Миськевич. Комсомолия, пионерия 6

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА

- Лев Озеров. Лад и склад «Стихотворений в прозе» 9
Л. З. Фрадкин. Персонажи Сухово-Кобылина 17

СОВРЕМЕННОЕ СЦЕНИЧЕСКОЕ ПРОИЗНОШЕНИЕ

- Г. В. Кристи. Культура слова в театре 22

100 ЛЕТ «ТОЛКОВОМУ СЛОВАРЮ»

- В. И. Чернышев. О словаре В. И. Даля 26
Е. В. Ухмылина. «Собирал человек слова» 35
Ю. М. Костинский. Домик в Луганске 36

КУЛЬТУРА РЕЧИ

- Эр. Ханпира. Мнимые алогизмы 41
Л. П. Калакуцкая. Всем ли безразлична Гекуба? 44

НОВЫЕ СЛОВА

- К. А. Логинова. Названия новых наук 50

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Н. А. Еськова. Звуки и буквы 52

ОРФОГРАФИЯ И ПУНКТУАЦИЯ

- А. И. Моисеев. О суффиксе -щик после т 56
Б. С. Шварцкопф. Внимание: кавычки! 60

вито, продуманно. В частности, продумайте все, что касается поощрения передовых культармейцев».

Заканчивая беседу, Надежда Константиновна встала из-за стола и, мягко улыбаясь, сказала:

«Я договорилась с секретарем Райкома о том, чтобы меня тоже записали культармейцем, Вас же прошу иметь это в виду и в нужном случае привлекать меня к работе. Ильич любил говорить: „В организации — гвоздь социализма!“ — помните об этом».

Предельная требовательность и в то же время мягкость в обращении с людьми, умение видеть все трудности предстоящей работы и уверенность в конечном успехе дела — таков был стиль работы Надежды Константиновны Крупской.

Ликбез в Бауманском районе был объявлен в сентябре 1928 года. Инициатором и застрельщиком похода стал Районный комитет комсомола. С самого начала мы старались вовлечь в работу самые широкие слои советской общественности. Помня слова Крупской, мы четко определили для себя задачи культпохода.

1. Ликвидируя безграмотность, проводя культурную и просветительную работу, разъяснять населению директивы партии, вовлекать в активное социалистическое строительство новые тысячи армии трудящихся.

2. Дать решительный отпор классовым врагам пролетариата, пытающимся спекулировать на культурной отсталости некоторой части населения.

В то время Бауманский район занимал огромную территорию. От Чистых прудов он тянулся к Электрозаводу, Черкизову, Щербаковке и Марковке. Поэтому на ликвидацию безграмотности была брошена целая армия общественников-просветите-

лей — 2115 человек. Большая часть из них занималась непосредственным обучением грамоте, остальные вели организационную и политпросветработу, обслуживали детские комнаты при ликпунктах (было в те времена и такое слово).

Работу культармейцы начали с огромным, истинно революционным энтузиазмом. И все же поначалу нам приходилось очень трудно. Не был проведен достаточно точный учет неграмотных. Выделенных средств оказалось явно недостаточно. Но главной нашей трудностью было отсутствие учебников (в Госиздате их тоже не оказалось). Приходилось самим заказывать книги в типографии, а для этого нужна была бумага, деньги.

И здесь необходимо сказать о той неоценимой помощи, которую постоянно оказывали бауманцам Надежда Константиновна Крупская и нарком просвещения РСФСР Андрей Сергеевич Бубнов.

В 1928/29 году штаб культпохода наметил обучить 20 тысяч неграмотных. Это была огромная цифра. Ведь в 1927/28 году было обучено менее 2 тысяч человек. Естественно, вставал вопрос: реальны ли наши планы. Однако необходимость скорейшей ликвидации неграмотности брала верх в спорах, которые иной раз возникали в штабе. И культармейцы с удвоенной энергией продолжали работу. Результаты её не замедлили сказаться. Правда, плана своего мы не выполнили, но все же культармейцы Бауманского района обучили 11 200 человек.

Одновременно среди населения района велась и культурно-просветительная работа. За зиму 1928/29 года более 100 тысяч человек посетили кино, театры, сходили на экскурсии.

Еще более успешно проходила работа в 1929/30 году. Мы уже имели достаточный опыт, постарались учесть все недостатки, которые были в работе культармейцев. В культпоходе уже принимало участие 2800 добротольцев-общественников, которые обучали грамоте свыше 18 тысяч человек. Было собрано более 150 тысяч книг и организовано много рабочих библиотек.

Работа культармейцев давала себя знать во всех областях жизни. Когда взрослые уходили учиться, дети не могли оставаться без присмотра. И вот в районе было вновь организовано 67 детских садов, 27 дворовых площадок, 72 вечерних комнаты при ликпунктах. 8 тысяч дошкольников и 12 тысяч ребят школьного возраста были окружены вниманием и заботой участников культпохода.

Примечательно и радостно было то, что культпоход всколыхнул весь район: люди тянулись к знаниям, целыми семьями уходили по вечерам на занятия кружков ликбеза. Одновременно повысилась активность и сознательность населения в массе. Например, на создание детских садов, дворовых площадок и т. п. требовались деньги, а государство не всегда могло их предоставить штабу похода. В результате работы, проведенной культармейцами среди населения, было собрано более 500 тысяч рублей. Одновременно количество подписавшихся на государственные займы увеличилось на 50 процентов. Резко возросла активность рабочих на собраниях. Особенно это стало заметно во время выборной кампании в Районный Совет депутатов трудящихся.

Как видим, иногда культпоход давал самые неожиданные результаты. Впрочем, если вспомнить слова Владимира Ильича Ленина, понимаешь, что все это не так уж неожиданно.

В 1921 году на II Всероссийском съезде Политпросветов В. И. Ленин говорил: «...Пока у нас есть в стране такое явление, как безграмотность, о политическом просвещении слишком трудно говорить... Безграмотный человек стоит вне политики...» (Полное собр. соч. Т. 44, стр. 174). И вот теперь мы могли видеть блестящее подтверждение ленинской мысли: рабочий, получивший грамоту, шел в политику, становился активным членом социалистического строительства.

Работники штаба культпохода старались всячески разнообразить формы работы. Например, мы решили организовать заочное обучение и действовать самообразованию жителей района. Для этого были созданы специальные консультационные пункты, которые сразу стали популярны среди рабочих, служащих, красноармейцев, строителей — всего населения Бауманского района. На консультпунктах к 30 апреля 1930 года занималось уже около 2 тысяч человек. На пункте при Рязанском трамвайном парке проводились занятия по электротехнике. На консультпункте при 36-й школе, который в основном посещали женщины, давались консультации по кройке и шитью. Некоторые пункты постепенно перерастали в рабфаки, которые занимались подготовкой рабочих в техникумы и высшие учебные заведения.

Опыт работы культармейцев Бауманского района скоро стал достоянием всей страны. Их успехи были отмечены в решениях XVI съезда партии. А накануне съезда в Кремле состоялось II Всесоюзное партийное совещание по народному образованию, где произошла встреча бауманцев с участниками культпохода в Саратове, начатого примерно в то же время, что и в Москве.

С большой речью на совещании выступила Надежда Константиновна Крупская — вдохновитель и организатор культпоходов саратовцев и бауманцев. Надежда Константиновна тепло говорила о тех успехах, которых добились культармейцы Москвы и Саратова, выдвинула перед ними и перед всеми общественниками-просветителями конкретную задачу — начать массовый поход за ликвидацию неграмотности по всей стране. В заключение, обращаясь к саратовцам и бауманцам, Н. К. Крупская сказала: «Вы прокладываете новые пути. Позвольте пожелать вам на пути завоевания культуры добиться как можно больше успехов, позвольте пожелать, чтобы и в дальнейшем вы были образцом для других районов. Горячий вам привет».

Сейчас культпоходы за ликвидацию безграмотности — уже далекая и славная наша история. Молодому читателю, наверное, даже трудно себе представить, что были такие времена, когда у нас в стране, где чуть ли не каждый учится, где на вечера поэзии собирается тысячная аудитория, безграмотность была таким же страшным бичом, как холера или сыпняк. Да, так оно и было. И сейчас мне самые добрые слова хочется сказать о тех рядовых тружениках культурного фронта, которые, не щадя своих сил и времени, несли знание в массы. Советская Россия никогда не забудет их подвига.

Г. В. ГАСИЛОВ,
зав. Москворецким РОНО,
заслуженный учитель РСФСР,
член КПСС с 1928 г.

В 20-е годы от личных основ имен существительных с неожиданно ожившим суффиксом *-ия* (абсолютно непродуктивным уже для языка XIX века и выделяемым лишь в одном слове — *братия*) образовалась группа новых собирательных существительных: *комсомолия, пионерия, рабкория, селькория, юнкория, военкория*. Об этом пишет академик В. В. Виноградов: «В революционную эпоху на короткое время стал продуктивен суффикс *-ия*, служащий преимущественно для обозначения группы лиц, объединенных принадлежностью к одной организации, к одной профессии. Этот суффикс сочетается с основами имен существительных. Например: *комсомолия, пионерия, рабселькория* и т. д.» (В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 130—131). Любопытно заметить, что «умерший» суффикс присоединялся лишь к основам, являющимся новообразованиями для того периода жизни языка.

Новые образования вошли в язык как семантические дублеты, как варианты однокоренных образований множественного числа: *комсомольцы — комсомолия, пионеры — пионерия, рабкоры — рабкория, селькоры — селькория, юнкоры — юнкория, военкоры — военкория* и т. д. Как элементы вариантного ряда *комсомольцы — комсомолия, пионеры — пионерия*, существительные *комсомолия* и *пионерия* с самого начала своей жизни в языке получают стилистическую нагрузку и четкую жанровую прикрепленность.

Наблюдения над языком 20-х годов показывают, что слова *комсомолия* и *пионерия* заключают в себе в какой-то степени экспрессию «высокости», книжности и получают преимущественное употребление в языке прессы. Ср.: «Московская комсомолия... ведет победоносную борьбу на фронте социалистического строительства» («Комсомольская правда», 21 ноября 1929); «Смычка с мировой комсомольней» (заголовок «Комсомольская правда», 21 ноября 1929); «По пионерии» (заглавие отдела, посвященного обзору пионерского движения в «Комсомольской правде» и «Пионерской правде» в 20-е годы. Пример взят из кни-

КОМСОМОЛИЯ, ПИОНЕРИЯ

ги А. М. Селищева «Язык революционной эпохи»). Ср. также: «Их провожал оркестр... Сами ребята решили шагать до станции пешком — всего семь километров, а провожающих — вся комсомолья города» (Б. Горбатов. Донбасе).

Стилистическая нагруженность, окраска письменной речи, воспринимаемая достаточно отчетливо, преимущественное употребление в языке газеты характеризуют бытование слов *комсомолья* и *пионерия* и в языке наших дней. Ср.: «Но идет наш рабочий класс, идет наше крестьянство, идет комсомолья — все они идут в бой за новое, за революцию, за Советскую власть с высоко поднятой головой» («Правда», 26 апреля 1963); «На Северном полюсе отпраздновали день рождения любимца корабля, вожака корабельной комсомольи Павла Чикина. Ему в тот знаменательный день исполнилось двадцать три года» («Известия», 29 января 1963); «Но как могли не поддержать свою комсомолью, скажем, в колхозе „Россия“, если ребята брались построить новый клуб, красные уголки на фермах, три бани!» («Комсомольская правда», 3 февраля 1959).

«И как бы в ответ на эти слова, проникнутые заботой о нашей юной смене, послышались звуки фанфар. Зал расцвел белоснежными блузами и алыми галстуками. Это — московская пионерия и октябрята, счастливые и радостные, пришли приветствовать своих матерей, сестер, бабушек» («Правда», 9 марта 1964); «Немного узнает посетитель музея и о Дворце пионеров на Ленинских горах. Уникальный комплекс сооружений для нашей пионерии представлен всего лишь шестью разрозненными листами рабочих черте-

жей» («Известия», 3 февраля 1965). Ср. также: «Встречи с берлинцами, как личные, так и общие, скажем, встреча нашей делегации и проводы ее, оставили впечатление, что население, особенно молодежь, а также пионерия, горячо любит Советский Союз и рада всякой встрече с советскими людьми» (Е. Д. Стасова. Страницы жизни и борьбы).

В последнее время в газетах употребление этих слов очень активизировалось. В публикациях о съезде комсомола или о пионерских слетах они встречаются весьма часто: «Послушайте, говорит комсомолья!» (заголовок. «Известия», 19 мая 1966); «Комсомолья священной волгоградской земли всегда — и в военные годы и в днистроек — была в первых рядах молодых бойцов и создателей» («Комсомольская правда», 24 мая 1966); «В совместном заявлении ЦК ВЛКСМ, представляющего 23-миллионную советскую комсомолью, и Комитета молодежных организаций СССР сказано: „Юноши и девушки Советского Союза снова и снова заявляют: мы с вами, вьетнамские братья!“» («Правда», 11 июля 1966); «Комсомолья — племя спортивное» (заголовок. «Правда», 22 мая 1966).

«Со стороны Манежа выезжает машина. На ней — огромный макет ордена Ленина, ордена, которым страна наградила пионерю» («Вечерняя Москва», 19 мая 1966); «Начинается парад... Идет пионерия, рапортуя о своей готовности искать, дерзать, творить, о своей готовности принять эстафету старших братьев и сестер» («Известия», 19 мая 1966); «Командующий парадом член Московского городского штаба пионеров Сергей Улин рапортует о том, что... делегаты пионерии союзных респуб-

лик и городов-героев к параду готовы» («Вечерняя Москва», 19 мая 1966); «Выше флаги страны пионеры! Заметки с пленума ЦК ВЛКСМ» (заголовок. «Правда», 5 февраля 1967).

Из всей группы слов, так активно появившихся и употреблявшихся в языке 20-х годов, выжили только *комсомол* и *пионер*. Остальные (рабкория, селькория, юнкория, военкория) забылись, перестали употребляться. Поскольку собирательные существительные на -ия пришли в язык как стилистические дублиеты соответствующих однокоренных образований существительных множественного числа, «прочность» их места в языке, их жизненность в значительной мере обуславливаются постоянством синонимических связей с однокоренными существительными.

Существительные *комсомолцы*, *пионеры* активно живут и употребляются в языке. Употребление же существительных *рабкоры*, *селькоры*, *юнкоры*, *военкоры* жадрово ограничено (могут встречаться в газетах: *селькоры* — в сельских, *юнкоры* — в «Пионерской правде», *военкоры* — в военных). Закономерно, что их стилистические дублиеты: *рабкория*, *селькория*, *юнкория*, *военкория* — вышли из употребления. А слово *инженерия* (ср.: инженеры), появившееся несколько позже, продолжает жить в языке, и его употребление характеризуется той же стилистической нагруженностью, которая свойственна остальным новым образованиям этого типа: «На этой почве сложилась глубоко своеобразная отрасль прикладного языкознания, исследователей которой часто называют лингвистической инженерией» (из выступления академика Н. И. Конрада).

Оба слова, *комсомол* и *пионер*, давно уже вошли в современные толковые словари. Несмотря на то, что их «возраст» превышает тридцать лет и жизнь в языке достаточно активна, толковые словари не едины в рекомендациях, характеризующих употребление этих слов. Так, семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка» к слову *пионер* дает помету «разг.», а к слову

комсомол — помету «шутл.». В качестве иллюстрации к тому и другому слову словарь дает случаи употребления их в речи персонажей в произведениях художественной литературы, причем шутливое употребление в приведенном примере возникает контекстуально, благодаря помещению «книжного» слова в контексте разговорной речи: «— Ждем вот, Катюша, не дождемся, когда ты к нам [в колхоз на уборку урожая] свою *комсомолку* приведешь. Бирюков. Чайка»; «— Будешь проводить пионерские костры... Выводи *пионерию* в лес, сами рубите дрова, жгите костры до самого неба. Первенцев. Честь смолodu».

С такой же стилистической характеристикой выступают эти слова и в четырехтомном «Словаре русского языка». Следует, вероятно, высказать сомнение в возможности рассматривать эти характеристики принадлежащими двум разным источникам, так как оба словаря употребление слова *пионер* иллюстрируют одним и тем же примером; примеры употребления слова *комсомол* в «Словаре русского языка» не приводятся. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова слова *комсомол* и *пионер* не сопровождаются стилистическими характеристиками; правда, здесь отсутствуют и иллюстрации к ним. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова этих слов мы не находим.

Приведенные наблюдения над современным языком показывают, что существительные *комсомол* и *пионер*, новообразования советского периода, имеют определенную стилистическую выразительность и жадровую прикрепленность. Современные толковые словари не обнаружили этой специфики, так как анализировали слова *комсомол* и *пионер* на текстах не характерной для них стилистической сферы. Свойственные им особенности отчетливо выявляются при анализе их употребления в языке газеты.

Г. И. МИСЬКЕВИЧ,
научный сотрудник Института
русского языка АН СССР

ЛАД И СКЛАД

«СТИХОТВОРЕНИЙ В ПРОЗЕ»

ЛЕВ ОЗЕРОВ

поэт, переводчик

«Где границы между прозой и поэзией, я никогда не пойму; хотя есть вопрос об этом предмете в *словесности*; но ответа нельзя понять. — Поэзия — стихи. Проза — не стихи; или: поэзия — все, исключая деловые бумаги и учебные книги»

Эти строки Льва Николаевича Толстого взяты из его дневника 1851 года. Коренной и убежденный прозаик, стихов не писавший, он тем не менее задумывался над природой двух литературных стихий. Что касается Ивана Сергеевича Тургенева, то он, как известно, был и поэтом и прозаиком. Сверх того, имя его первым приходит на память, когда мы говорим о стихотворениях в прозе. Это он заставил всех нас думать над новыми возможностями русского поэтического слова на границе стиха и прозы.

В творчестве Тургенева и во всей русской литературе «Стихотворения в прозе» занимают особое место. После них немного было создано произведений в этом роде, редко поэты и писатели обращались к этому труднейшему виду литературного творчества. Вместе с тем «Стихотворения в прозе» оказали сильное влияние на прозаиков, склонных к лиризму, и на поэтов, выступавших против набивших оскомину шаблонов канонического стихотворчества. Эти миниатюры оказали ощутимое воздействие на нашу литературу от современников Тургенева до Бунина, Пришвина, Паустовского, Соколова-Микитова, Фраермана, до самых молодых писателей, авторов лирической прозы, ищущих новизны в окраске и звучании русского самобытного слова. Уроки и заповеди Тургенева-мастера остаются существенно важными для нашей литературы. Мы не можем, не имеем права проходить мимо них, если хотим сберечь и умножить наши художественные ценности.

«Стихотворения в прозе» — это краткий курс мастерства для каждого русского писателя вне зависимости от жанра, в котором он работает, для любого педагога-словесника. В предельно сгущенном виде предстает в них опыт нашей литературы в области поэтической стилистики и художественного вкуса, окрыленного лаконизма и лирической выразительности. Это не среднеарифметическое между прозой и стихом,

не механическое их сочетание, а принципиально новая поэтическая порода. Непринужденность и легкость письма, льющаяся импровизационная речь, дневниковая исповедальная тональность — все это кажется легко достижимым. Но как в каждом великом искусстве, за его естественностью и открытостью здесь стоит опыт жизни, усилие мысли, постоянство труда и душевная пристальность.

Стих — это «человеческая речь, ритмизованная таким образом, чтобы ее можно было спеть... нет ни поэзии, ни стиха вне пения» (Теодор де Банвиль). Стихия бельканто коснулась не только поэзии, но и прозы Тургенева. Если существует стихотворная кантилена Пушкина и Лермонтова, Анненского и Блока, то существует и прозаическая кантилена Тургенева и Гоголя, Пришвина и Паустовского, Бабея и Олеси. Их прозаическая мелодика впечатляет как музыка.

Слова тургеневских «Стихотворений в прозе» как бы растворены в музыке, отчего получают большую, чем в обычной речи, протяженность, подчас элегичность, подчас торжественность. Слова здесь приобретают характер фермата, подчеркнутой длительности и тающей, сходящей на нет звучности.

У нас немало писалось о стихотворениях Тургенева и об интересе, проявленном к ним и к некоторым «Стихотворениям в прозе» нашими композиторами. В «Собрании сочинений» Тургенева (т. 10. М., 1956) Б. М. Эйхенбаум в специальный раздел выделил «Стихотворения для романсов». Здесь собраны стихи, сочиненные и переведенные Тургеневым для Полины Виардо. Эти романсы издавались в виде особых альбомов в 60—70-х годах XIX века. Первый альбом вышел в Петербурге в 1864 году: «Двенадцать стихотворений Пушкина, Фета и Тургенева, положенные на музыку Полиной Виардо Гарсиа».

Как стихотворец, пишущий для музыканта, для пения, Тургенев добивался от своего слова полногласия. Постоянно слышимое пение Виардо, постоянная забота о текстах, пригодных для распева, внутренне присущая Тургеневу музыкальность — все это нашло отражение в творчестве автора «Стихотворений в прозе».

Русских поэтов, конечно, очень условно, можно разделить на приверженцев полногласия, кантилены, распева (Батюшков, Пушкин, Лермонтов, Блок):

О, память сердца, ты сильней
Рассудка памяти печальной

(Батюшков)

Я помню чудное мгновенье

(Пушкин)

О, я хочу безумно жить

(Блок)

и противников его, сторонников скопления согласных звуков, как бы подчеркнутой антикантилены (Державин, Некрасов, Маяковский, Пастернак):

Дрожит земля, дождь искр течет

(Державин)

От ликующих, праздно болтающих,
обагривших руки в крови

(Некрасов)

И прислушивался сфинкс к Сахаре

(Пастернак)

Из прозаиков к первым должен быть отнесен Тургенев, ко вторым — Толстой.

Мы не занимались статистикой гласных и согласных в «Стихотворениях в прозе», но впечатление мелодического полногласия не оставляет нас ни при чтении отдельно взятой миниатюры, ни при чтении всей книги в целом. Возьмем некоторые зачины: «Я сидел у раскрытого окна... утром, ранним утром первого мая» («Посещение»); «Вблизи большого города, по широкой проезжей дороге шел старый, большой человек» («Милостыня»); «Я стоял на вершине пологого холма; передо мною — то золотым, то посеребренным морем раскинулась и пестрела спелая рожь» («Голуби»); «Мне снилось, что я вошел в огромную подземную храмину с высокими сводами» («Природа»). Зачины тургеневских миниатюр подобны музыкальной теме, выраженной кратко и ждущей разработки. Их образное и интонационное полногласие различно, но тем не менее оно всегда выразительно и ощутимо. Орловский говор, среднерусское речевое начало, песенная открытость — все это запечатлелось в мелодическом строе «Стихотворений в прозе», еще больше упрочивших и утвердивших в отечественной литературе напевность и полногласие.

Рассуждение о плавности и размеренности тургеневской речи носит хрестоматийный характер. На деле же все обстоит гораздо сложнее. Мастерство Тургенева потому и велико, что он руководствовался не правилами школьной поэтики, а внутренней жизнью образов, глубоко выверенным художественным чутьем.

Первые три абзаца миниатюры «Сфинкс» (1878) даны в раздумчиво-описательных тонах, они передают картину песчаного моря и высящейся над ним головы сфинкса:

«Изжелта-серый, сверху рыхлый, исподнизу твердый, скрипучий песок... песок без конца, куда ни взглянешь!

И над этой песчаной пустыней, над этим морем мертвого праха высится громадная голова египетского сфинкса.

Что хотят сказать эти крупные, выпяченные губы, эти неподвижно-расширенные, вздернутые ноздри — и эти глаза, эти длинные, полусонные, полувнимательные глаза под двойной дугой высоких бровей?»

Это плавное течение словесных периодов, напоминающих движение песчаных волн, прерывается аккордом («Ба!»), и ритмика стихотворения в прозе круто меняется, становится энергичной и упругой, чувствуется почти физическое усилие проникнуть мыслью в тайну пустыни.

«Ба! Да я узнаю эти черты... в них уже нет ничего египетского. Белый, низкий лоб, выдающиеся скулы, нос короткий и прямой, красивый белозубый рот, мягкий ус и бородка курчавая, и эти шп-

роко расставленные небольшие глаза... а на голове шапка волос, рассеченная пробормом... Да это ты, Кари, Сидор, Семен, ярославский, рязанский мужичок, соотчик мой, русская косточка! Давно ли попал ты в сфинксы?»

Неуследимое, не поддающееся точному определению ритмическое богатство поэтической прозы Тургенева — в множественности интонационных оттенков, в подчиненности ритма фразы интонации высказывания, в слитности значения и звучания. У Тургенева нет догматически проводимой размерности, певучести и текучести речи. Гармония — в осмысленной слаженности разнородных ритмических приемов. В сочетании плавности и ударности, в чередовании той и другой.

Ритмика и интонационный строй «Стихотворений в прозе» оказываются сейчас намного более актуальными, чем в пору Тургенева.

Как известно, в 1912—1914 годах композитор М. Ф. Гнесин вел занятия по «музыкальному чтению» в театральной студии В. Э. Мейерхольда в Петербурге. Об этом опыте рассказывает в своей статье «О „музыкальном чтении“ М. Ф. Гнесина» литературовед С. М. Бонди: «„Музыкальное чтение“ М. Ф. Гнесина — это такое чтение, произнесение поэтического текста, которое, не переставая быть речью, не превращаясь в пение или в речитатив, является тем не менее музыкой, строится по законам музыкального искусства». Иными словами: все многообразие слогов, пауз, акцентов должно быть ритмически организовано мелодикой, должно строиться, «не просто подчиняясь стихийной, художественно не упорядоченной эмоции актерской речи, а по законам музыкального ритма и метра с его строгими и точными отношениями длительностей и акцентов» (сб. «М. Ф. Гнесин. Статьи, воспоминания, материалы». М., 1961, стр. 80—101). Именно это гармоническое, хотя и не во всем такое же симметричное и структурное, как в стихе, соотношение «длительностей и акцентов» важно при определении мелодического строя и «Стихотворений в прозе».

«Музыкальное чтение», или «ритмическое чтение», М. Ф. Гнесина открывало новые пути обогащения исполнительского искусства чтецов, как бы раскрывало новые черты, органически присущие тексту, по ранее не замечавшиеся и не подчеркивавшиеся при анализе.

Говоря о музыкальной основе «Стихотворений в прозе», мы должны хотя бы ориентировочно определить характер этой музыкальной основы. Ближе всего «Стихотворения в прозе» к циклически многочастной форме сюиты. Они и отличаются напоминающим сюиту свободным расположением разрозненных частей — миниатюр. Каков принцип расположения этих внешне как бы не связанных друг с другом частей-миниатюр? «Деревня» — зарисовка, переходящая в песнь во славу русской деревни. «Разговор» — философская беседа в веках двух гор, двух альпийских вершин. «Старуха» — рассказ о пиццей, идущей по следу автора, о старухе, ко-

торая при ближайшем рассмотрении оказывается смертью. «Собака» — о глядящих друг на друга животном и человеке. «Соперник» — о тени умершего соперника, явившейся автору в час бессонницы. «Нищий» — о рукопожатии вместо милостыни и о благодарности за это рукопожатие, которое «то же подаяние». «Услышишь суд глупца...» — размышление, толчок к которому дан этой пушкинской строкой...

Эти и идущие за ними миниатюры расположены хронологически в свободной последовательности сюиты, и легко заметить, что автор следил за сменой регистров, за тем, чтобы разные, подчас контрастные тональности, сменялись друг другом. Для восприятия целого такая чересполосица важна, она имеет в виду психологический и художественный эффект: на стыке серьезного и забавного, медлительного и быстрого, раздумчивого и экстатического читательское внимание становится острее и восприятие углубляется.

Музыковед Т. В. Попова пишет: «Существенная особенность большинства сюит состоит в непосредственной связи их с народно-национальными традициями, с песенными интонациями, танцевальными ритмами, картинами природы и быта» («Сюита». М., 1963, стр. 4).

В «Стихотворениях в прозе», представляющих своеобразную поэтическую сюиту, мы улавливаем много общего с традициями народно-песенной образности. В одних случаях эта связь явная, в других — опосредствованная: через философию, историю, легенду.

Приведу одну из самых коротких тургеневских миниатюр:

«То не ласточка щебетунья, не резвая касаточка тонким крепким клювом себе в твердой скале гнездышко выдолбила...

То с чужой жестокой семьей ты понемпогу сжилась да освоилась, моя терпеливая умица!»

Миниатюра построена как народная песня, она даже использует народно-песенные зачины. Вспомним в этой связи хотя бы славную русскую песню, сочиненную Стромилловым и положенную на музыку Варламовым:

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит;
То мое сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит.

Помимо образно-интонационного параллелизма, здесь слышится и общность музыкального рисунка, элегического в своей основе.

У Тургенева в его прозаическом периоде можно легко наметить ритмические единицы — такты:

То не ласточка щебетунья,
Не резвая касаточка
Тонким крепким клювом себе
В твердой скале
Гнездышко выдолбила...

Характерны дактилическое и гипердактилическое окончания («касаточка» — «выдолбила»), встречаемые в народной поэзии. Мужское окончание внутри периода («себе» — «скале») делает эту ритмическую вставку особо подчеркнутой, выделяющейся из общего музыкального рисунка. Этот период можно читать или даже петь на два голоса.

Точно так же и во второй фразе нетрудно почувствовать и наметить ритмические единицы — такты:

Тс с чужой жестокой семьей
Ты понемаюгу сжилась
Да освоилась,
Моя терпеливая умница!

Паузы в тургеневской мелодике играют весьма важную роль. Они так же, как цезуры в стихе, позволяют перевести дыхание и делают возможным распев-кантилену. Собственно говоря, эти паузы определяют внутреннюю (внешне не выявленную, как в стихе) строфику прозаических периодов Тургенева. Песни-миниатюры в тургеневской сюите движутся одна к другой, идут в музыкальном потоке, дополняя и варьируя друг друга.

В книге «Стихотворения в прозе» реализованы основные положения Тургенева о языке писателя, о языке народа. Здесь же, отшлифованная до ясности и резкости алмазной грани, предстает перед нами сама поэтическая речь Тургенева. Забота о чистоте и гармонии русской речи — это не только завет писателя потомкам, но прежде всего его творческое кредо.

Во все русские хрестоматии вошел тургеневский гимн русскому языку. Эта песнь сопровождает человека от школьных лет до глубокой старости:

«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

В языке «Стихотворений в прозе» так же, как в других наиболее зрелых произведениях, Тургенев стремился к гармонии жизни и слова, к естественности, к правде чувств, воплощенных в языке. Тургенев в этом смысле был хранителем речевого огня, зажженного Пушкиным. Он свято продолжал пушкинские языковые традиции; об этом писатель говорил в своей знаменитой речи на открытии памятника Пушкину в 1880 году: «Возвратимся к Пушкину... нет сомнения, что он создал наш поэтический, наш литературный язык и что нам и нашим потомкам остается только идти по пути, проложенному его гением» («Русские писатели о языке». Л., 1954, стр. 280).

Музыка русской речи «Стихотворений в прозе» и услаждает наш слух и учит нас верному речевому строю, гармоническому выражению мысли. Новые поколения, вслушиваясь в тургенев-

скую песню, тем самым определяют правильный тон для современного звучания ее. Словесная пластика и мелодика Тургенева, долгота и плавность его фразы, внутреннее изящество, с которым она произносится, — разве это не обогащает наш мир, не внушает нам возвышенные мысли о человеке, о его жизни, о его возможностях?!

До сих пор тургеневские «Стихотворения в прозе» остаются образцом мастерского владения русским словом. Писатель знал тайну и художественного и — одновременно — этического внушения, умел волновать не только красотой, но и совестью своего таланта. Скупая сдержанность слога при щедрости мыслей и красок, устранение всего лишнего и мешающего целостному восприятию произведения, простота при глубине — все это читатель находит в «Стихотворениях в прозе». Здесь достигнуто мастерство высшего типа: слов меньше, чем образов.

О работе Тургенева над языком «Стихотворений в прозе» интересные факты сообщает в книге мемуарных очерков видный судебный деятель и литератор А. Ф. Кони. Осенью 1882 года Тургенев разрешил М. М. Стасюлевичу показать Кони «Стихотворения в прозе» в рукописи. Рукопись дана была поздно вечером и, как свидетельствует А. Ф. Кони, он провел «всю ночь, читая и несколько раз перечитывая эти чудные вещи, в которых не знаешь, чему более удивляться — могучей ли прелести русского языка или яркости картин и трогательной нежности образов. Я высказал все это в письме Стасюлевичу, выразив лишь сомнение, правильно ли в „Конце света“ употреблено слово „круч“ вместо „круча“, а он, как оказалось, послал мое письмо в подлиннике Тургеневу. „Спасибо за сообщенное мне письмо Кони, — писал ему [Стасюлевичу. — Л. О.] 25 сентября 1882 года Иван Сергеевич. — Очень оно меня тронуло, и я буду хранить его, как документ. И „круч“ — и „круча“ существуют; но „круча“, я думаю, грамматически правильнее“» (А. Ф. Кони. Воспоминания о писателях. Л., 1965, стр. 156). Реакция Тургенева — еще одно свидетельство постоянной, пристальной, кропотливой работы писателя над каждым малым словом, над каждым его поворотом.

Стиль «Стихотворений в прозе» — предмет не только любования, но и изучения поэтами и прозаиками, теоретиками литературы и историками языка. Новые явления отечественной литературы и родной речи заставляют всякий раз взглянуть на далекую, но отчетливо видную, сияющую вершину тургеневского творчества. Обратимся к авторитету трех ученых — Пешковского, Томашевского и Виноградова, сосредоточивших свое внимание на проблемах, непосредственно вытекающих из существования такого явления, как тургеневские «Стихотворения в прозе».

А. М. Пешковский стремился подойти к изучению стиха и прозы со стороны обыденной разговорной речи, ее ритмической структуры, он проникал в природу ритма стихов и прозы в их взаимной противоположности, говорил о ритмических единицах — тактах, фонетических предложениях и периодах, устанавливал с этой по-

зиции различия между стихом и прозой. Эти принципы были положены А. М. Пешковским в основу изучения ритмики «Стихотворений в прозе». Ученый пришел к выводу, что «объединение фонетических предложений в более крупные единицы играет в ритмике художественной прозы едва ли не большую даже роль, чем объединение тактов в фонетические предложения» (сб. «Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики». М.—Л., 1930, стр. 163).

Эту точку зрения, равно как и точку зрения Б. В. Томашевского, полагавшего, что «ритм есть спектр синтаксиса», оспаривает академик В. В. Виноградов в своей книге «О языке художественной литературы» (М., 1959): «Стихи и проза — не две замкнутых системы. Это два типа, исторически размежевавших поле литературы, но границы их размыты и переходные явления возможны. Поэтому естественнее и плодотворнее рассматривать стих и прозу как два полюса, два центра тяготения, вокруг которых исторически располагались реальные факты» (стр. 27).

Характерно, что ученые-языковеды, изучая проблемы ритмики стиха и прозы, ставят вопросы поэтики в тесную связь с вопросами развития языка. Явления диффузии стиха и прозы даются ими на фоне истории русской речи. Это показывает, что «Стихотворения в прозе» являются не только вехой в истории русской литературы, но и живым явлением истории русского языка.

Ритмико-синтаксический, интонационный и образно-речевой лад и склад «Стихотворений в прозе» оказали большое влияние на нашу литературу. Особенно это относится к лирической прозе нашего века (обращает на себя внимание даже самый термин «лирическая проза»). Влияние это заметно и на верлибр нашего времени, на его импровизационную манеру выражения, породившую с песенно-лирическим распевом. Можно сказать еще шире: тургеневская книга оказала влияние на нашу поэтическую стилистику, идет ли речь о стихах или о прозе.

Лад и склад «Стихотворений в прозе» — увлекательная глава русской поэтической стилистики, глава, еще более приближающая нас к познанию природы русской речи.

Бельканто (итальянское *bel canto*) — музыкальный термин, относящийся к традиционной итальянской манере пения; свободное владение всеми регистрами голоса, легкость и красота звука.

Верлибр (французское *vers libre* «свободный стих») — один из видов французского стиха, строящийся главным образом на интонационно-синтаксической, а не слоговой (характерной для французского стиха) основе.

Гипердактилическая рифма — рифма, в которой после конечного удар-

ного слога идут три и более безударных слога.

Дактиль (греческое *daktylos* «палец») — стихотворный размер, стопы которого в античном стихосложении состоят из одного долгого и двух кратких слогов; в русском стихосложении — из трех слогов с ударением на первом слоге (например: тучки небесные, вечные странники).

Кантилена (латинское *cantilena* «песня, рассказ») — 1) старинная лирико-эпическая французская народная песня; 2) плавная, певучая мелодия.

ПЕРСОНАЖИ СУХОВО-КОБЫЛИНА

Кандидат искусствоведения
Л. З. ФРАДКИН

А. В. Сухово-Кобылин, подобно Гоголю, Грибоедову, Островскому, часто выбирал для героев своей трилогии (пьесы: «Свадьба Кречинского», «Дело», «Смерть Тарелкина») имена и фамилии, имеющие вполне определенное и очень важное смысловое значение. Имя могло указывать на черты характера, биографию, образ жизни, внешний облик, особенности поведения. Это помогает глубже понять и вернее оценить действующих лиц трилогии.

Например, тетку Лидии Муромской зовут Атуевой. Эта фамилия не в первый раз появляется в русской драме. Ее носит один из чиновников в комедии «Ябеда» Капниста. Вполне возможно, что эта фамилия создана по аналогии с охотничьим: «Ату его!», но в применении к пьесам Сухово-Кобылина более вероятным представляется другое толкование. В словаре Даля мы находим объяснение, вполне подходящее для характеристики Атуевой. Помимо сигнала травли «ату его», Даль приводит и другое значение слова *ату*: «восклицание нетерпения, досады, укора за глупость, недогодливость, неугомонство и пр. *Ату, какой непоседа. Ату, дурень*». Конечно, это значение слова *ату* прямо относится к Атуевой, жен-

щине ограниченной, тупой, вздорной, упрямой и неугомонной. Она по малейшему поводу и без всякого толка вступает в пререкания с Муромским.

Фамилия другого действующего лица — Нелькин — происходит, по-видимому, от слова *неличь*, которое, по словарю Даля, обозначает 'что невзрачно, неказисто, некрасиво, чего нельзя показывать лицом'. Это толкование представляется нам вполне вероятным, так как рядом с представительным, эффектным Кречинским скромный, застенчивый и неловкий Нелькин явно проигрывает. Атуева вспоминает, как Нелькин вел себя на балу: «...залез в угол, да и торчит там, выглядывает оттуда, как зверь какой...». А Муромский ей отвечает: «...застенчив, свету мало видел. Это не порок» («Свадьба Кречинского»). Пренебрежительно отзывается о Нелькине и Кречинский: «...ни швец, ни жнец, ни в дуду игрец». А между тем именно Нелькин и оказывается по ходу интриги разоблачителем Кречинского. Только благодаря энергии и находчивости Нелькина свадьба расстраивается. Образ действия Нелькина заставляет вспомнить пословицу: «Клячонка неличь, а неистомчивая» (т. е. 'неутомимая'). Слово *неличь*, как отмечает Даль, имеет и другое значение — 'нелицеприятный, беспристрастный, правдивый'. Такое толкование слова вполне приложимо к характеру Нелькина — открытого и честного человека, который без всякого стеснения говорит правду в глаза.

Совершенно очевидно, что фамилия главного действующего лица комедии — Кречинский — происходит от слова *кречет*. Это, по указанию Даля, 'самая ценная из всех ловчих птиц, вид сокола... он не только никогда не берет добычи с земли, но не хватает ее и на лету, а бьет сверху... надсаживая ее под крылом...'. Образ действия Кречинского дает немало оснований для сравнения с этой хищной птицей. Кречинский бросается на свою добычу и наносит ей ошеломляющие удары. Интересно отметить, что намек на это толкование находим и в тексте пьесы. Федор говорит о Кречинском: «... Соколом сидит барин...»

Фамилия другого главного действующего лица — Расплюев, — как нам представляется, имеет, может быть, несколько корней. Они хорошо согласуются между собой и взаимно дополняют друг друга. В словаре Даля:

1. Слово *плевое* 'пустое или ничтожное'. Именно в этом смысле оно и применяется, например, Кречинским, когда он говорит о плевой сумме денег (действие второе, явление IV). Расплюев — ничтожество.

2. *Плювки* 'помой, ополосковины'. Расплюев — один из самых грязных персонажей русской комедии.

3. *Расплювать* 'разбранить, разругать'. Вспомним, что Расплюева постоянно бьют и ругают. Известна пословица: «Сладок будешь расклюют, горек будешь — расплюют».

4. *Плевать* 'ставить ни во что, небрежь чем, презирать кого-либо'. Даль приводит такой пример применения этого слова:

«Вишь, расплевался». Иногда говорят: «плюет на все». Расплюев терпеливо переносит побои, не обращает никакого внимания на оскорбления и сам удивляется своей живучести.

5. *Расплёва* 'мелкая рыбка, лишь для навару'. Федор говорит о нем: «Хорошие-то товарищи, то есть бойцы-то, поотстали, а вот паявался нам на шею этот Расплюев. Ну, что из него толку-то?...».

6. *Расплюснуть* 'расколотить, раздавить, раскатать'. В таком «расплюснутом» виде и появляется впервые Расплюев в комедии «Свадьба Кречинского» (действие второе). Выход избитого Расплюева живо напоминает этот корень его фамилии. Такие же воспоминания вызывает рассказ: «Ну, народится же такой, барабан,— и колотят его с ранней зари и до позднего вечера!...».

7. *Расплюхать* 'расплескать через край'; 'проболтаться'. Расплюев очень болтлив. В разговоре с Муромским болтовня Расплюева создала опасность разоблачения интриги Кречинского. «...У тебя во вранье всегда передел бывает»,— предупреждает Расплюева Кречинский.

Образ Расплюева — один из лучших в русской классической комедии — отличается поразительным богатством красок, многогранностью и динамичностью. При всей остроте комедийных ситуаций он не раскрывается до конца в «Свадьбе Кречинского» и получает новую жизнь в «Смерти Тарелкина» и в сатире М. Е. Салтыкова-Щедрина. По мере развития действия образ Расплюева поворачивается и сверкает новыми гранями, помогая читателю и зрителю улавливать новые смысловые оттенки этой столь многозначной фамилии. Можно сказать, что она чрезвычайно удачно выбрана драматургом.

Легко объяснить фамилию одного из действующих лиц «Свадьбы Кречинского» — Щебнева. Она происходит, конечно, от слова *щебень* 'битый камень для мостовых'. Купец без всякой надобности требует немедленного погашения долга, не соглашается подождать хотя бы несколько дней и угрожает опозорить Кречинского, как неисправного должника. «Да камень вы этакий, чёрт возьми!» — восклицает Кречинский, глубоко возмущенный бессмысленной жестокостью Щебнева.

Вполне очевидна семантика фамилии судебного чиновника Варравина. Выражение *Варравин суд* обозначает в фольклоре и литературе 'суд неправый, пристрастный, подкупленный'. Варравина зовут Максимом. Выбор этого имени, как нам кажется, тоже не случаен. Максим по «святцам» значит 'величайший'. Таким образом драматург подчеркивает служебное положение Варравина, его высокий ранг. Он обозначен и в списке действующих лиц, где отмечено, что Варравин занимает пост правителя дел «какого ни есть ведомства» и имеет чин действительного статского советника (что соответствует на военной службе чину генерал-майора).

А Сухово-Кобылину как раз очень важно было подчеркнуть, что его сатира направлена не против мелких чиновников, а против высших руководителей государственных учреждений. В списке

действующих лиц выше Варравина обозначено еще два персонажа: Важное лицо и Весьма важное лицо. Их имена нигде не указаны. И это тоже очень показательно. Они как бы обезличены, и это дает возможность читателю и зрителю предполагать, что Весьма важное лицо — сам император или особа императорской фамилии. Показывать их на сцене строжайше запрещалось цензурой. Вот почему Сухово-Кобылин пишет о Весьма важном лице: «Здесь все, и сам автор, безмолвствует».

Рядом с Варравиним стоит его ближайший помощник Кандид Тарелкин. Имя *Кандид* очень редко встречалось в России. Тем больше оснований предполагать, что оно выбрано не случайно. По-гречески *Кандид* 'чистосердечный, наивный'...Злая ирония! Тарелкин — один из самых лживых, отвратительных персонажей Сухово-Кобылина. Он, пособник Варравина в его злодеяниях, без колебания выполняет самые гнусные поручения. Назвать такого человека чистосердечным значило подчеркнуть по контрасту истинные свойства его характера. Семантика имени Тарелкина очень остроумно обыгрывается по ходу действия. Слово *чистосердечный* несколько раз повторяется в одном из драматичных эпизодов комедии «Смерть Тарелкина». Расплюев рассказывает приставу Оху о том, как он допрашивал Тарелкина после самого тяжелого истязания — пытки жаждой:

Расплюев. Сначала вертелся, а потом и сознался...

Ох. Что же — и он это чистосердечно говорит?

Расплюев. Помилуйте, как же не чистосердечно: ведь другой уж день не пойм, так тут всякое чистосердечие наружу полезет. (Разрядка моя.— Л. Ф.)

Рядом с Тарелкиным в списке действующих лиц драмы «Дело» значится экзекутор (заведующий хозяйственной частью) Живец — лстивый, заискивающий и подбострастный чиновник. При каждом удобном случае он старается показать начальству свое рвение и преданность. Порою Живец становится надоедливым, назойливым. «Только отстань», — перебивает его рапорт Важное лицо. Можно предположить, что фамилия Живец происходит от слова *живица* 'смола, вытекающая из хвойных деревьев' (употребляется для производства терпентинового масла и канифоли). Живец, как смола, пристаёт к начальству.

Фамилии двух чиновников — Чибисова и Ибисова — происходят, конечно, от названий болотных птиц — чибиса и ибиса. Сравнение учреждений столицы с болотом находим мы и в тексте пьесы «Дело». Нелькин говорит о Тарелкине: «Это особого рода гадина, которая только в петербургском болоте и водится».

Чиновник Касьян Касьянович Шило — честный человек. Его язвительные остроты делают вполне ясным семантическое значение фамилии. *Касьян* по-гречески 'порожний, т. е. бедный'. Из пьесы видно, что Шило терпит крайнюю нужду и даже не имеет средств на пропитание. Вспомним в связи с этим, что в фольклоре

Касьян — традиционное и типичное имя неудачника. Даже именины Касьяна бывают 29 февраля — один раз в четыре года. И в пьесе Шило показан неудачником. Его уже выптали из двух ведомств, против него ведут интригу Тарелкин и другие чиновники, которым он мешает.

Интересно отметить, что слово *шило* связано с двумя поговорками, которые имеют прямое отношение к характеристике этого неудачника и сюжету драмы. Первая из них: «Шила в мешке не утаишь». И, действительно, чиновник Шило становится поперек дороги своим сослуживцам, мозолит им глаза, вызывает их лютую и метительную злобу. «С удовольствием бы повесил», — говорит о нем Чибисов, а Ибисов прибавляет: «А я бы веревку кушил». Тарелкин жалуется Варравину: «Опять язва завелась...», «...его выгнать надо...», «...он карбопарий, он ничего не признает». По мнению Варравина, Шило — умный чиновник, но «...такая ракалия, что двух дней держать пельзя...».

Менее популярна вторая поговорка, относящаяся к Шилу: «Шилом моря не нагреешь». Но именно она имеет прямую связь с замыслом драматурга: честный человек остается в одиночестве, его протест бесплоден, а судьба предрешена.

Последним среди чиновников обозначен в списке действующих лиц Омега. Он, по словам драматурга, «имеет и состоянище и сердце доброе; но слаб и в жизни не состоятелен». Значение фамилии в данном случае совершенно очевидно: омега — последняя буква греческого алфавита.

Бывают случаи, когда по ходу действия один и тот же персонаж появляется под двумя фамилиями, причем их значения как бы дополняют одно другое. Например, Варравин в «Смерти Тарелкина» фигурирует и под фамилией Полутатаринков. Конечно, семантика этой фамилии тесно связана с воспоминанием о татарском иге. (С аналогичной целью пользуется татарскими фамилиями и А. Н. Островский: Уланбекова — «Воспитанница», Гурмыжская — «Лес», Мурзавецкая — «Волки и овцы»). Выбор таких фамилий дает ему возможность в обход цензуре провести сравнение между крепостным правом и татарским игом.)

В данном случае причина выбора фамилии столь же очевидна. Она находит подтверждение и в третьем действии пьесы «Дело». Иван Сидоров говорит: «Было на землю нашу три нашествия: набегали т а т а р ы, находил француз, а теперь ч и н о в н и к и облегли; а земля наша что? и смотреть жалостно: проболела до костей, прогнила насквозь, продана в с у д а х, проита в кабаках...» (разрядка моя. — Л. Ф.).

Гневная сатира Сухово-Кобылина проявилась не только в словах и действиях героев его пьес, но, несомненно, и в выборе их имен. Иногда одним словом создается художественный образ, который возбуждает фантазию читателя и зрителя, вызывает ряд ассоциаций и тем самым углубляет восприятие пьесы, делает более ясным и впечатляющим идейный замысел драматурга.

КУЛЬТУРА С Л О В А В Т Е А Т Р Е

Кандидат искусствоведения
Г. В. КРИСТИ

Как литература хранит и развивает культуру письменной речи, так и театр призван быть хранителем культуры устной речи. Часто и справедливо сценическое произношение признается образцом общенародного произношения. На сцене, писал Гете, «...должна царить только чистая немецкая речь, насколько ее образовали и уточнили вкус, искусство и наука» (Собрание сочинений. Т. X. М., 1937, стр. 507).

Хранителем чистоты национального языка К. С. Станиславский считал театр: «Я думаю, что к законам речи относится и орфоэпия, которая может быть сохранена только в театрах. Московский язык в жизни пропадает» (Собрание сочинений. Т. 3. М., 1955, стр. 463).

Московская речь, особенности которой хорошо изучены, издавна признавалась образцом русского литературного произношения. Но речь в наше время уже значительно отличается от старой московской. Иногда отклонения от прежних орфоэпических правил в устной разговорной речи настолько велики, что ставят под сомнение само правило. Некоторые ревнители чистоты языка считают эти отклонения досадным недоразумением, следствием малограмотности и предлагают вести с ними непримиримую борьбу. Конечно, с искажением основных правил произношения в устной речи нельзя мириться, так же как с засорением разговорной и сценической речи всевозможными вульгаризмами, жаргонными выражениями, небрежностями словообразования и прямыми ошибками семантического характера. Но нельзя впадать и в другую крайность: не считаться с естественной эволюцией разговорной речи, которая приводит к образованию новых слов и форм, к постоянному обновлению и пересмотру старых орфоэпических правил.

Нормы современного литературного произношения регламентируются орфоэпическими справочниками, которые учат нас говорить правильно. Но проблематика сценической речи выходит далеко за пределы усвоения правил, предписанных литературной нормой, так как со сцены звучит речь людей образованных и необразованных, речь литературная и диалектная, речь различных исторических эпох, разной социальной, возрастной и профессиональной принадлежности.

Поэтому круг языковедческих вопросов, связанных со сценическим произношением, чрезвычайно широк и многообразен. И здесь необходимо

Из готовящегося к печати учебного пособия «Воспитание актера школы Станиславского».

сотрудничество языковедов и деятелей сцены. Об этом писал в свое время академик Л. В. Щерба, считая, что в изучении законов произношения особенно важная роль принадлежит актерам, так как «по существу вещей они могут и должны не просто отображать жизнь в ее бесконечном разнообразии, а ее типизировать, что особенно важно в деле орфоэпии» (Избранные работы по русскому языку. М., 1957, стр. 112).

Л. В. Щерба отметил важное для сцены сосуществование различных стилей произношения, зависящих от условий, в которых находится говорящий, и его взаимоотношений с партнером. Полемизируя с профессором Д. Н. Ушаковым, он замечал, что нельзя считать нормой произношение, свойственное быстрому диалогу давно знающих друг друга людей, понимающих партнера с полуслова. Только при скороговорке, говорил он, слова *часы* и *пятак* превратятся в *чисы* и *пита́к*, тогда как при медленном и внятном произнесении они будут звучать почти так же, как пишутся, с большим или меньшим приближением безударных *а* и *я* к звуку [e].

Большую трудность для сцены представляет не только собственно орфоэпия, но и ударение. Известно, что в современной разговорной речи (если не считать явно ошибочных случаев) многие слова практически употребляются с разными ударениями. В изданных за последние годы словарях русского языка в ряде спорных случаев дается несколько вариантов ударения в одном и том же слове. Разрешение вопроса о том, какой из этих вариантов предпочтительнее, отдается на усмотрение читателя. Но по этому поводу часто возникают споры даже между специалистами, одни из которых предпочитают говорить через *ре́ку*, а другие — через *рекú*; *одно-вре́менно* и *одновре́менно*; *родíлся* и *родилсý*. Как же решать эти вопросы актеру, если даже языковеды затрудняются дать на них определенный ответ?

Чтобы выполнить свою миссию — быть хранителем чистоты русского языка, театру необходимо опираться на более четкую научную основу. Нужно разобраться, в каких случаях какое произнесение слова предпочтительнее и чем определяются различные варианты ударений. Ведь они, так же как и произносительные варианты, придают слову иной стилистический и экспрессивный оттенок. Так, в «Горе от ума» А. С. Грибоедова Чацкий говорит:

Вообразите, тут у всех
На мой же счет поднялся смех.

А. С. Пушкин в «Сказке о царе Салтане» написал:

Сын на ножки поднялся...

Ударение на последнем слоге в слове *поднялся* придает ему народный оттенок, свойственный и старомосковскому говору.

Очевидна роль ударения и при создании социальной и возрастной характеристики персонажа. В «Горе от ума», например, представители старшего и младшего поколений по-разному произносят одни и те же слова: для Фамусова и старой графини — *ба́бы*, *судь́и*, для Чацкого и Молчалина — *балы́*, *судьи*. Так же значимы социальные и фонетические варианты слова, например, *клуб* и *клоб* (старое). В романе «Отцы и дети» И. С. Тургенев

подчеркивает разницу в произношении слова *принцип* у отцов и детей (*принсип* и *прынцып*). Представители старой интеллигенции до сих пор произносят слова *социализм*, *революция*, *Франция* со смягченным *ц*, приближающимся по звучанию к [ть], ставят ударение в слове *библиотека* и *буржуазия* на третьем, а не на четвертом слоге и т. д.

Различные ударения в одном и том же слове определяются подчас причинами метро-ритмического порядка, что составляет одну из малоисследованных закономерностей русского языка. Так, в сочетаниях слов *дэвица* — *красавица* и *шла девица за водой* ударение в слове *девица* перейдет с первого на второй слог, и никем это не будет восприниматься как искажение языка ради соблюдения стихотворной формы. В равной мере естественно воспринимается ударение на слове *поле* в песне «Ай, во поле липонька», как и снятие его и перенос на предлог в песне «Во поле береза стояла». В одном случае мы говорим *казаки*: в сочетании слов *донские казаки*, а в другом *казáки* — *кубáнские казáки*: сокращая количество безударных слогов между ударными.

Какой же чуткостью к звучанию родной речи должен обладать актер, чтобы избирать всякий раз нужное ударение, нужный фонетический вариант слова? И может ли он при этом руководствоваться только своей интуицией? Театральная школа призвана прививать будущим мастерам сцены вкус к познанию своего языка, настраивать слух к особенностям его звучания. Для этого необходимы надежные научно-справочные пособия, которых пока еще в ее распоряжении нет.

Большую помощь в изучении языка и преодолении недостатков речи может оказать магнитофон, на котором легко воспроизвести образцы как правильного, так и неправильного произношения. Это тем более важно, что пользоваться условными транскрипционными обозначениями различных звуков речи для актера чрезвычайно затруднительно. Следовало бы создать фонотеки записей различных местных говоров и наречий (вожского, сибирского, донского, старомосковского, петербургского и т. п.), особенностей языка эпохи Грибоедова, Островского, Чехова, которые становятся все менее ощутимы для наших современников.

Сопоставляя разговорную речь представителей старшего и младшего поколений, нетрудно убедиться в том, что, например, чеховский герой говорил иначе, чем наш современник, с точки зрения ритмики, мелодики и динамики речи, не говоря уж о лексических тонкостях. Его речевая манера определялась особым укладом жизни тихих дворянских усадеб, где происходило действие чеховских пьес, близостью их обитателей к природе, их склонностью к мечтательности, безотчетной тоской и неудовлетворенностью жизнью, заставляющей чутко прислушиваться и к своему внутреннему голосу и к голосу собеседников. Поэтому-то вульгарные, резкие интонации Наташи казались оскорбительными для трех сестер, а грубоватая прямолинейность речи Лопухина шокировала хозяев вишневого сада. В чеховских спектаклях МХАТа возникали интонационные контрасты, которые обостряли воплощение авторского замысла. В пьесах Островского в Малом театре воспроизводилось все речевое богатство эпохи и разнообразие языка

различных ее представителей. Индивидуальная особенность речи была непременным условием создания сценического образа.

Актер должен улавливать стиль и характер речи изображаемого лица, проникая через внешнюю форму выражения мыслей и чувств в его внутренний мир, постигая особый склад его мышления. Это не означает, однако, что во всех случаях нужно воспроизводить на сцене всевозможные диалекты, индивидуальные недостатки речи, реставрировать выходящий из употребления язык и архаическое произношение. В погоне за бытовой и исторической достоверностью речи нетрудно впасть в натурализм, уводящий внимание слушателей от внутренней сути в сторону внешних, отвлекающих подробностей. Необходимо ли, например, воспроизводить особенности волжского окающего произношения при исполнении роли Егора Булычова? Следует ли передавать присущую В. И. Ленину картавость при создании его образа на сцене? Придерживаться ли особенностей языка пушкинской поры, исполняя, например, партию Ленского в опере «Евгений Онегин», где в строке «паду ли я стрелой произенный» должно бы звучать *е*, а не *ё* [ʲo] в слове *произенный*? Все эти спорные вопросы решаются по-разному. Здесь нельзя предписывать единственно верное и обязательное для всех решение. Оно зависит от общего постановочного замысла спектакля, трактовки образа, от художественного такта и вкуса исполнителей, состава зрителей и т. п., но во всех случаях характерные особенности речи должны помогать воплощению художественного замысла автора, а не создавать дополнительные трудности в восприятии спектакля.

Об этом верно писал профессор В. А. Филиппов в предисловии к книге Г. О. Винокура «Русское сценическое произношение» (М., 1948): «Звучащее слово может и должно характеризовать персонаж и эпоху, в которую он действует, но оно должно быть понятно и доступно современному зрителю. Вместе с тем, когда актер или театр, уничтожив особенности произношения персонажей пьес Фонвизина, Грибоедова, Гоголя, Сухово-Кобылина, Островского, Тургенева, Чехова, Горького, унифицируют по современной произносительной норме речь действующих лиц,— произведения этих крупнейших художников будут лишены значительной доли их народности». Эту же мысль высказывает и профессор Е. Ф. Саричева в книге «Техника сценической речи» (М., 1939): «Актеру совершенно необходимо овладеть тончайшими оттенками этих особенностей языка, а стало быть, изучить законы произношения и речи разных слоев общества».

Сохранение этого важного раздела орфоэпии в программе театрального образования помогло бы вооружить актера новым, чрезвычайно острым оружием для достижения исторической, социальной сущности и индивидуальной неповторимости сценического образа, для воплощения характера изображаемого лица. Театральные школы призваны обеспечить решение этой важной задачи, не ограничиваясь краткими сведениями и навыками по орфоэпии, которые даются ученикам на занятиях по технике сценической речи. Для создания полноценных учебных и справочных пособий необходимо объединить усилия деятелей театра и языковедов.

О СЛОВАРЕ В. И. ДАЛЯ

Член-корреспондент АН СССР

В. И. ЧЕРНЫШЕВ

В. И. ДАЛЬ

Скульптурный портрет

И. П. Овчаренко и П. Л. Бунина

«...» Ровесник и друг Пушкина, надолго его переживший (родился в 1801, скончался в 1872 году), по происхождению — обрусевший датчанин, по образованию — врач-хирург, учившийся в Дерптском университете вместе с Н. И. Пироговым (который признавал В. И. Даля очень одаренным человеком), известный писатель, под псевдонимом «Казак Луганский» (по месту рождения: Луганский завод бывшей Екатеринославской губернии), В. И. Даль с молодых лет увлекся собиранием слов народного, точнее «крестьянского» языка, сделал эту работу главной целью своей жизни и лет за десять до своей смерти оформил все собранные им материалы в виде знаменитого монументального труда: «Толковый словарь живого великорусского языка», первое издание в четырех томах (1861—1866), содержащее около 200 000 слов русского языка. Для сравнения, определяющего лексическое богатство Толкового словаря Даля, укажем, что последний полный академический «Словарь церковнославянского и русского языка», изданный в 1847 году, включает в себе только 114 749 слов.

Лексическое богатство Толкового словаря Даля объясняется тем, что его составитель широко и правильно понимал задачи своего труда. В словаре Даль хотел представить

весь «живой» русский язык, народный и литературный, язык городов, сел и деревень, речь всех классов общества: привилегированных — дворян, чиновников, духовенства, купечества, и непривилегированных — крестьян и мещан. Но Даль не сузил свою цель охватом одного только «живого» языка. Он использовал академические и другие словари своего времени и, таким образом, дал русским читателям полную картину всего русского языка, «живого» и книжного, литературного. При широком образовании, особенно знании наук о человеке и природе (Даль составил хорошие учебники по ботанике и зоологии), автор Толкового словаря также хорошо знал языки (например, немецкий, латинский), обладал незаурядным литературным талантом, имел большие наклонности и способности к разного рода техническим работам, был, как говорится, «мастером на все руки»; при всех этих знаниях и способностях, при большом, здравом практическом уме, при многостороннем вдумчивом жизненном опыте, при упорном труде Даль превосходно справился с необычными задачами лексиколога и лексикографа, который собственно должен понимать и истолковывать все. Не будучи филологом по научной подготовке, даже — несколько манерно — отрицаясь от грамматики, В. И. Даль оказался настоящим филологом в

своей практической работе над словарем русского языка, всегда точно разъяснявшим основное и необходимое во всяком лингвистическом слове: слово, его форму, значение и употребление.

Подобно широко образованным филологам, Даль изучал русское слово во всех реальных его проявлениях. Ему принадлежат капитальные работы по собиранию памятников народного творчества: былины, разнообразных народных песен, сказок, легенд. Даль собрал и издал самый полный сборник русских пословиц, более 30 000. Им также составлена ценнейшая коллекция русских народных картин, замечательная и по рисункам и по текстам, которая находится теперь в Библиотеке имени Салтыкова-Щедрина (шесть томов картин и, кроме того, много иллюстрированных старопечатных сказок). Даль оставил ценные работы по этнографии, касающиеся крестьянского быта и народных суеверий. Еще более замечательны труды Даля по диалектологии русского языка. Даль интересовался также историей русского языка, изучая древние памятники и документы, отыскивая в них древние слова и объясняя их на основании данных народного языка.

Все эти знания и работы Даля, недоступные ни для кого другого в такой сложности, дали ему возможность в таком необыкновенном богатстве и точности представить по-

Талантливый педагог и ученый, член-корреспондент АН СССР Василий Ильич Чернышев (1867—1949) высоко ценил деятельность Владимира Ивановича Даля и особенно его «Толковый словарь живого великорусского языка». «Большая часть трудов, которыми занимался В. И. Даль, была и мне лично всегда близка и дорога», — писал Василий Ильич.

Публикуемая статья является частью большой работы В. И. Чернышева «В. И. Даль и его труды в области изучения русского языка и русского народа», написанной в 1947 году к 75-летию со дня смерти В. И. Даля. Рукопись хранится в Институте русского языка Академии наук СССР и вскоре будет полностью напечатана в двухтомнике «Избранные труды» В. И. Чернышева, издаваемом в издательстве «Просвещение». Материал публикуется впервые. Текст статьи подготовил кандидат филологических наук И. Ф. Протченко.

Редакционные примечания даны в квадратных скобках [], сокращения текста — в угловых <...>.

исчерпаемые лексические запасы русского языка в своем Толковом словаре. Вот почему Толковый словарь Даля, высоко оцененный со времени его появления, был необходимым настольным пособием для писателей и ученых и вышел до революции в четырех изданиях. <...> Значение Толкового словаря Даля признано первым авторитетом нашего времени, вождем нашей революции В. И. Ленин, который 18 января 1920 года писал А. В. Луначарскому: «Тов. Луначарский! Педавно мне пришлось — к сожалению и к стыду моему, впервые — ознакомиться с знаменитым словарем Даля. Великолепная вещь...» <...> [В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 51, стр. 121—122]. В Советской России Словарь Даля переиздан в 1935 году. [Последнее издание Словаря Даля вышло в 1955 году]. Понятно, что словарь русского языка, составленный в эпоху, так отдаленную от нас не только по времени, но еще более — по государственному строю, политической идеологии, развитию науки и техники, не может удовлетворить всем нуждам нашего времени. Но пока мы пользуемся дореволюционной литературой, пока сталкиваемся с русским народным языком, Толковый словарь Даля оказывается для нас необходимым пособием.

<...> И. С. Тургенев в своей критической заметке о сочинениях Даля, вышедших в 1846 году, говорит: «Г-н Даль, должно быть, провел некоторые годы своей жизни на юге и на востоке России... да, впрочем, где он не бывал!» (И. С. Тургенев. Собрание сочинений. Т. 11. М., 1956).

В. И. Даль и сам говорит о себе, что «разнородность занятий и службы: морской, военной, врачебной, гражданской, в различных частях шшего управления, наклонность к наукам естественным и ко всем ремесловым работам познакомили его, по языку и по понятиям, с бытом разных сословий и состояний, наук и знаний» («Папутное слово» — Предисловие к «Толковому словарю»)).

<...> Заметим еще, что В. И. Даль обладал большими техническими способностями. Он не только чинил крестьянам бороны, как вспоминает

об этом П. И. Мельников [см.: «Критико-биографический очерк» В. И. Даля. — «Полное собрание сочинений В. Даля», Т. 1. СПб. — М., 1897]. В походе в 1831 году Даль за неимением инженера, по приказанию командования навел мост через Вислу, спустил его вниз по реке к другому месту и разрушил его, когда это было нужно.

<...> Замечательно начало Толкового словаря Даля, о котором в «Критико-биографическом очерке» Даля П. И. Мельников рассказывает так: «Морозным вечером, в марте 1819 года, по дороге из Петербурга в Москву... ехал молоденький мичман. Мичманская одежда с иголки плохого его грела. Молоденький мичман жался в сани. Ямщик из Зимогорского Яма (дело было в Новгородской губернии) поглядел на небо и в утешение продрогнувшему до костей моряку указал на пасмурневшее небо — верный признак перемены к теплу. — Замолаживает! — сказал он. По-русски сказано, а мичману слово ямщика не вразумелось. — Как замолаживает? — спросил он. Ямщик объяснил значение незнакомого мичману слова. А тот, несмотря на мороз, выхватывает из кармана записную книжку и окочевившим от холода руками пишет: „Замолаживать — иначе пасмурнеть — в Новгородской губернии значит: заволакиваться тучками, говоря о небе, клониться к ненастью“» (там же, стр. XVI—XVII).

Эта запись сделана, когда нашему будущему лексикографу было всего 17 с небольшим лет, но уже тогда он: 1) записывает областное слово тотчас же, 2) придает записанному слову словарную форму, 3) точно объясняет его значение и 4) указывает место записи. Замечу, что собранный потом Далем словарный материал был так громаден, что он не мог вполне его использовать. В тексте Толкового словаря данное слово не показано, между прочим, как новгородское.

Затем в течение почти всей своей жизни, от юности до старости, Даль собирает материалы для своего главного труда. Интересны условия собирания Далем лексического материала для Толкового словаря. В книге «Солдатские досуги» Даль, обра-

щаясь к своим читателям, говорит, что он предлагает им книжку для чтения, написанную человеком, «который сам сживал с вами за огоньком, пил из одной с вами манерки, ел казенные сухари и видел солдата не только в казарме да на ученье, видел его и в чистом поле». Словом, В. И. Даль был человек, который, по старинному выражению, «терпел голод и холод и всю нужду солдатскую». Итак, первое условие, при котором производилось Далем собиранье лексических материалов для своего Толкового словаря,— близость к народу, непосредственное с ним общение. Об этом собирании мы скажем его собственными словами: «Нигде это не было так удобно, как в походах. Бывало, на дневке где-нибудь соберешь вокруг себя солдат из разных мест, да и начнешь расспрашивать, как такой-то предмет в той губернии зовется, как в другой, в третьей; взглянешь в книжку, а там уже целая вереница областных речений» (П. И. Мельников, там же, стр. XX). П. И. Мельников, объезжавший иногда с Далем удельные имения в бывшей Новгородской губернии, говорит о расположении к автору Толкового словаря крестьян, об умении его с ними обращаться. Они не хотели даже верить, что Даль — не природный русский человек. «Он ровню в деревне взрос, на палатках вскормлен, на печи вспоён», — говорили они. — «И до всякого-то <...> до крестьянского дела какой он дотошный». Даль, приехав в деревню, обойдет всех больных как врач: кому сделает операцию (особенно много делал он глазных операций), кому даст врачебный совет, кого снабдит лекарством. Он и больную починит, и научит, как делать, чтобы в избе не было угару, чтобы зимой не текло с окон, и больную скотину полечит...

Громадный труд Даля по собиранию словарных материалов стал наконец формироваться в Толковый словарь. Эта работа по приведению в порядок, по оформлению чрезвычайно большого материала требовала очень усердного труда и отнимала много времени. Даль еще не применял наших приемов разнесения слов, значений и примеров на карточки. Он писал свой материал под-

ряд, разрезал его на полоски, затем раскладывал в нужном порядке и склеивал. Исправления текста, перестановки его были при таком приеме работы очень затруднительны. К счастью, Даль писал каллиграфически, чрезвычайно мелким и четким, «бисерным» почерком. Целые годы шли на то, чтобы приготовить громадную рукопись Толкового словаря к печатанию. Окончательно отредактировать текст Толкового словаря нашему автору удалось уже в старости, а издать его он мог только в последние годы своей жизни (1861—1866).

Труд Даля по собиранию материалов и их обработке был великий. Не менее труда было положено и на его оформление в рукописи и печатание. Это был настоящий подвиг ученого, писателя и гражданина. Автор иногда изнемогал над громадностью своей работы, но никогда не приходил в отчаянье, сознавая глупую и многостороннюю важность своего труда.

Силы труженика слабели, а работы оставалось еще очень много.

30 июня 1857 года Даль писал М. П. Погодину: «Посоветуйте, как быть мне: сил для службы не достает, хмлею со дня на день — а хотелось бы поработать... над Словарем, который дошел только до „З“. Но, вышедши в отставку, я могу рассчитывать всего-навсего только, и с пенсией, на две тысячи дохода: как с этим прожить со своей семьей в Москве?» (Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 15. СПб., 1898, стр. 312). Конечно, здесь говорится о годовом доходе.

Освободившись наконец от службы и пересехав в конце 1859 года в Москву, Даль привез Толковый словарь в обработанном виде до буквы «П» включительно. О последующей работе биограф его П. И. Мельников говорит: «В Москве недуги Даля усилились, а он работал, работал неутомимо, иногда до обмороков. Он часто, бывало, говаривал: „Ах, дожить бы до конца Словаря! Спустить бы корабль на воду!“» (П. И. Мельников, там же, стр. LXVI). Затем с окончанием Толкового словаря в рукописи возникли новые заботы и тревоги об издании этого огромного труда. Здесь на первых порах при-

исчерпаемые лексические запасы русского языка в своем Толковом словаре. Вот почему Толковый словарь Даля, высоко оцененный со времени его появления, был необходимым настольным пособием для писателей и ученых и вышел до революции в четырех изданиях. <...> Значение Толкового словаря Даля признано первым авторитетом нашего времени, вождем нашей революции В. И. Лениным, который 18 января 1920 года писал А. В. Луначарскому: «Тов. Луначарский! Недавно мне пришлось — к сожалению и к стыду моему, впервые — ознакомиться с знаменитым словарем Даля. Великолепная вещь...» <...> [В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 51, стр. 121—122]. В Советской России Словарь Даля переиздан в 1935 году. [Последнее издание Словаря Даля вышло в 1955 году]. По-настоящему, что словарь русского языка, составленный в эпоху, так отдаленную от нас не только по времени, но еще более — по государственному строю, политической идеологии, развитию науки и техники, не может удовлетворить всем нуждам нашего времени. Но пока мы пользуемся дореволюционной литературой, пока сталкиваемся с русским народным языком, Толковый словарь Даля оказывается для нас необходимым пособием.

<...> И. С. Тургенев в своей критической заметке о сочинениях Даля, вышедших в 1846 году, говорит: «Г-н Даль, должно быть, провел некоторые годы своей жизни на юге и на востоке России..., да, впрочем, где он не бывал!» (И. С. Тургенев. Собрание сочинений. Т. 11. М., 1956).

В. И. Даль и сам говорит о себе, что «разнородность занятий и службы: морской, военной, врачебной, гражданской, в различных частях низшего управления, наклонность к наукам естественным и ко всем ремесловым работам познакомили его, по языку и по понятиям, с бытом разных сословий и состояний, наук и знаний» («Напутное слово» — [Предисловие к «Толковому словарю»]).

<...> Заметим еще, что В. И. Даль обладал большими техническими способностями. Он не только чинил крестьянам бороны, как вспоминает

об этом П. И. Мельников [см.: «Критико-биографический очерк» В. И. Даля. — «Полное собрание сочинений В. Даля». Т. I. СПб. — М., 1897]. В походе в 1831 году Даль за неимением инженера, по приказанию командования навел мост через Вислу, спустил его вниз по реке к другому месту и разрушил его, когда это было нужно.

<...> Замечательно начало Толкового словаря Даля, о котором в «Критико-биографическом очерке» Даля П. И. Мельников рассказывает так: «Морозным вечером, в марте 1819 года, по дороге из Петербурга в Москву... ехал молоденький мичман. Мичманская одежда с иголочки плохого его грела. Молоденький мичман жался в сани. Ямщик из Зимогорского Яма (дело было в Новгородской губернии) поглядел на небо и в утешение продоргнувшему до костей моряку указал на пасмурнее небо — верный признак перемены к теплу. — Замолаживает! — сказал он. По-русски сказано, а мичману слово ямщика не вразумелось. — Как замолаживает? — спросил он. Ямщик объяснил значение незнакомого мичману слова. А тот, несмотря на мороз, выхватывает из кармана записную книжку и окочевевшими от холода руками пишет: „Замолаживать — иначе пасмурнеть — в Новгородской губернии значит: заволакиваться тучками, говоря о небе, клониться к ненастью“» (там же, стр. XVI—XVII).

Эта запись сделана, когда нашему будущему лексикографу было всего 17 с небольшим лет, но уже тогда он: 1) записывает областное слово тотчас же, 2) придает записанному слову словарную форму, 3) точно объясняет его значение и 4) указывает место записи. Замечу, что собранный потом Далем словарный материал был так громаден, что он не мог вполне его использовать. В тексте Толкового словаря данное слово не показано, между прочим, как новгородское.

Затем в течение почти всей своей жизни, от юности до старости, Даль собирает материалы для своего главного труда. Интересны условия собирания Далем лексического материала для Толкового словаря. В книге «Соддатские досуги» Даль, обра-

щаяся к своим читателям, говорит, что он предлагает им книжку для чтения, написанную человеком, «который сам сжижал с вами за огоньком, пил из одной с вами манерки, ел казенные сухари и видел солдата не только в казарме да на ученье, видел его и в чистом поле». Словом, В. И. Даль был человек, который, по старинному выражению, «терпел голод и холод и всю нужду солдатскую». Итак, первое условие, при котором производилось Далем собиранье лексических материалов для своего Толкового словаря,— близость к народу, непосредственное с ним общение. Об этом собирании мы скажем его собственными словами: «Нигде это не было так удобно, как в походах. Бывало, на дневке где-нибудь соберешь вокруг себя солдат из разных мест, да и начнешь расспрашивать, как такой-то предмет в той губернии зовется, как в другой, в третьей; взглянешь в книжку, а там уже целая вереница областных речений» (П. И. Мельников, там же, стр. XX). П. И. Мельников, объезжавший иногда с Далем удельные имения в бывшей Новгородской губернии, говорит о расположении к автору Толкового словаря крестьян, об умении его с ними обращаться. Они не хотели даже верить, что Даль — не природный русский человек. «Он ровно в деревне взрос, на палатах вскормлён, на печи вспоён», — говорили они. — «И до всякого-то <...> до крестьянского дела какой он дотошный». Даль, приехав в деревню, обойдет всех больных как врач: кому сделает операцию (особенно много делал он глазных операций), кому даст врачебный совет, кого спадит лекарством. Он и боролу починит, и научит, как делать, чтобы в избе не было угару, чтобы зимой не текло с окон, и больную скотину полечит...

Громадный труд Даля по собиранию словарных материалов стал наконец формироваться в Толковый словарь. Эта работа по приведению в порядок, по оформлению чрезвычайно большого материала требовала счастия усердного труда и отнимала много времени. Даль еще не применял наших приемов разнесения слов, значений и примеров на карточки. Он писал свой материал под-

ряд, разрезал его на полоски, затем раскладывал в нужном порядке и склеивал. Исправления текста, перестановки его были при таком приеме работы очень затруднительны. К счастью, Даль писал каллиграфически, чрезвычайно мелким и четким, «бисерным» почерком. Целые годы шли на то, чтобы приготовить громадную рукопись Толкового словаря к печатанию. Окончательно отредактировать текст Толкового словаря нашему автору удалось уже в старости, а издать его он мог только в последние годы своей жизни (1861—1866).

Труд Даля по собиранию материалов и их обработке был великий. Не менее труда было положено и на его оформление в рукописи и печатание. Это был настоящий подвиг ученого, писателя и гражданина. Автор иногда изнемогал над громадностью своей работы, но никогда не приходил в отчаянье, сознавая глупую и многостороннюю важность своего труда.

Силы труженика слабели, а работы оставалось еще очень много.

30 июня 1857 года Даль писал М. П. Погодину: «Посоветуйте, как быть мне: сил для службы не достаёт, хилею со дня на день — а хотелось бы поработать... над Словарем, который дошел только до „З“. Но, вышедши в отставку, я могу рассчитывать всего-навсего только, и с пенсией, на две тысячи дохода: как с этим прожить со своей семьей в Москве?» (Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 15. СПб., 1898, стр. 312). Конечно, здесь говорится о годовом доходе.

Освободившись наконец от службы и переехав в конце 1859 года в Москву, Даль привез Толковый словарь в обработанном виде до буквы «П» включительно. О последующей работе биограф его П. И. Мельников говорит: «В Москве недуги Даля усилились, а он работал, работал неутомимо, иногда до обмороков. Он часто, бывало, говаривал: „Ах, дожить бы до конца Словаря! Спустить бы корабль на воду!“» (П. И. Мельников, там же, стр. LXVI). Затем с окончанием Толкового словаря в рукописи возникли новые заботы и тревоги об издании этого огромного труда. Здесь на первых порах при-

шло на помощь Обществу любителей российской словесности при Московском университете. Толковый словарь Даля начали печатать и окончили при жизни его автора, под его постоянным, неутомимым руководством. В. И. Даль был и автором, и редактором, и корректором своего Толкового словаря.

Не говоря уже о громадном труде собрания, обработки и приготовления к печати Толкового словаря, необходимо обратить внимание и на труды автора только по одному печатанию. Как кропотлива и сложна была эта работа, достаточно определяет один факт: для того чтобы окончательно просмотреть и подготовить к печати свой словарь, Даль должен был лично держать до четырнадцати корректур трехсот тридцати печатных листов большого формата. И на всю эту громадную работу, которая, однако, представляет лишь последний видимый нам шаг в издании словаря, на всю эту работу употреблена была, как сам составитель выражается, одна пара старых глаз.

Если припомним дату первой записи для Толкового словаря, в марте 1819 года, и сопоставим ее с выходом в свет IV, последнего, тома в 1866 году, то увидим, что Даль отдал своему Толковому словарю около 47 лет своей трудовой жизни.

<...> Как же был встречен и оценен этот памятник русского языка, Толковый словарь Даля, и какое он имел и имеет значение?

Еще до печатания Толковый словарь Даля был высоко оценен Обществом любителей российской словесности. Председатель этого Общества А. С. Хомяков в своей речи на публичном заседании Общества 6 марта 1860 года говорил: «Я счастлив тем, что могу поздравить наше Общество с успехами и приобретениями, сделанными нами в последнее время. Наш сочлен В. И. Даль захотел соединить с именем нашего Общества честь и, скажу более, славу многолетнего своего предприятия — Русского словаря. Ревностный и просвещенный наш сочлен А. И. Кошелев доставил Обществу средства для этого дорогого и трудного издания»... Предупредив,

что сам В. И. Даль выступит в данном собрании с сообщением о задаче и цели своего Словаря, Хомяков продолжал: «Конечно, никто не может лучше самого автора объяснить его взгляд на труд, им совершенный; но позвольте мне от себя сказать несколько слов, которых он не скажет. Богатство слов и верное их определение составляют бесспорно великое достоинство в Словаре, но еще важнее внутренний его характер. Словарь В. И. Даля резко отличается от всех, появившихся прежде его: это будет Словарь не языка книжного и письменного, но языка устного; не языка мертвого, а живого: в нем выступит ясно и отчетливо все богатство, вся своеобразность, вся затейливость Русского слова. В нем... увидим не простое собрание слов, но самую ту живую мысль, которую привыкли называть языком народных» (Н. Барсуков. Кн. 17, стр. 426).

По выходе в свет Толкового словаря академик М. П. Погодин писал в Академию (т. е. Отделение русского языка и словесности): «Словарь Даля кончен. Теперь русская Академия наук без Даля немислима. Но вакантных мест ординарного академика нет. Предлагаю: всем нам, академикам, бросить жребий, кому выйти из Академии вон, и упразднившееся место предоставить Дально. Выбывший займет первую, какая откроется, вакансию».

Конечно, подобная жеребьевка была немислима. В. И. Даль был вместо этого предложен в почетные члены Академии [наук] и избран единогласно. По отзыву академика Я. К. Грота, содержавшему критический разбор Толкового словаря Даля, Академия наук присудила автору этого труда Ломоносовскую премию.

Общество любителей российской словесности единогласно избрало В. И. Даля как автора Толкового словаря своим почетным членом и отправило к нему депутацию во главе с председателем и многими членами с просьбой: «Сделать Обществу высокую честь — принять звание почетного его члена».

Родной для Даля Дерптский университет прислал ему за Толковый

словарь диплом и присудил премию, назначенную для наград «за знаменитые успехи в области языкознания».

«...» Главная задача Толкового словаря, как ставил ее сам автор: дать в возможно более полном объеме лексику всего живого русского языка, литературного и народного, оказалась, как мы это видели раньше, невыполненной.

Стремясь включить в свой Толковый словарь наличные лексические фонды словарей Академии наук и других, Даль нередко, вопреки своей задаче, давал в Толковом словаре место не только словам чисто книжным, но также словам отжившим, архаизмам и славянизмам, отличающим поэтический язык, и т. п.

Задача составления Толкового словаря живого русского языка в силу практических надобностей подменилась другой, более широкой, почти всеобъемлющей: дать справочный лексикон всех русских слов, разговорных и книжных.

В самом деле, чтобы охватить, например, язык одного Пушкина (а об этом трудно забыть, составляя словарь русского языка), нельзя было пропускать в Толковом словаре такие неживые славянизмы, как: *алкать, глаголет, гласит, рек, глагол (слово), дабы, да (пусть), заемлет, зрит, подьемлет, приемлет, отверзлись, отторгать, убиенный, почто, токмо* и т. д., и т. д. Ясно, что составителю Толкового словаря приходилось в данном случае широко пользоваться академическим Словарем 1847 года, построенным на чисто книжной, церковной и русской литературной лексике. Конечно, Даль не должен был задаваться [целью] и физически не мог исчерпать и истолковать язык писателей во всей его книжной части, но, несомненно, он хотел дать все для него возможное в этом отношении. Это возможное, очевидно, заключалось в пределах его памяти, а эти пределы были весьма обширны.

Мы взяли выше несколько славянизмов из текстов Пушкина без какого-либо подбора, случайно, и оказалось, что все они находятся в Толковом словаре Даля. Объяснения подобных слов здесь очень ин-

тересны. В редких случаях такие слова стоят у Даля одиноко с пометой *церк.* (церковное). В большинстве он находит для них соответствие в народном языке (например: *почто*, церк. и обл. [областное], *пошто* и *пошто*: *Почто ты пришел?*), или же указывает близкие к ним живые слова производные, или дает пословицы с подобными словами.

Таким образом, наглядно обнаруживаются признаки живучести многих старых славянизмов в полном словаре русского языка, особенно родство их с другими «живыми» словами. Например, при слове *алкать* даются хорошо известные и в разговорном языке прилагательные *алчный*, обл. *алашный*, существительное *алчность*, пословица *Алчен в кушарне, жаден в пивоварне...* и т. п.; при мертвом *глас* показаны распространенные живые производные: *гласный, гласность*, обл. *Гласится, ему не сдобровать*, орл. [орловское] *Слышится, молва идет*; при *заимать, зять* даются народные формы: *не заимай, не замай — не тронь, дай покой* и, очевидно, областной пример: *Много места зьял*; при *зреть* (смотреть) приведена распространенная поговорка: *Гляди в оба, зри в три*; при *отторгать* дается пример: *Отторгать тесницы от решетил* (очевидно, взятый из живого народного языка). По поводу таких слов и примеров А. Н. Пышин выставлял требование: обязательно указывать, где и от кого слышано всякое новое, неизвестное в живом и книжном обращении народное слово. Даль возражал, что, записавши в течение 40 лет более 80 тысяч слов, он не всегда имел возможность это сделать, потому что ему приходилось хватать слова на лету, в непринужденной беседе, при случайных встречах и т. п.

Со своей стороны, я думаю, что если даже Даль и составил такой пример по памяти, то мы все-таки можем верить его знанию русского народного языка и тем более его научной добросовестности. Подобные слова мы часто слышим в народе, например в ленинградском просторечии, с пропуском конечно-го заднебного основы слова перед н имеем: *вторнуть, торни* 'всунуть', 'сунь'. И мы много потеряли бы, если

бы автор Толкового словаря, подвергнув жесткому отбору содержание своего Словаря, выбросил из него все слова, которые он не мог, так сказать, точно документировать, т. е. при каждом народном слове писать, как он сам несколько проинически говорит: «Слышано в деревне Поцовой Семеновского уезда Нижегородской губернии от крестьянки Макаровой».

Вторая задача Толкового словаря Даля — дать в нем полное собрание слов народного языка **главным** образом в той мере, в какой они собраны в течение 40 лет жизни нашего лексикографа, выполнена с исключительным вниманием и редкими талантами наблюдателя и лексиколога.

Есть, впрочем, указание Я. К. Грота (см. его «Записку о Толковом словаре Даля» в «Сборнике статей ОРЯС» (Отделения русского языка и словесности). Т. 7, № 10. СПб., 1870), что народные слова из печатных источников, а также из русских писателей Даль не исчерпал. Несмотря на это, такого богатого и точного Словаря русского народного языка мы не имеем в русской лексикографии до настоящего времени.

Мысли о пользе и важности собирания и изучения народной лексики высказывались у нас давно. В «Вестнике Европы» еще в 1811 году было сделано замечание, что многие слова, употребляемые теперь только в простонародном языке, некогда могли быть «благороднейшими выражениями», в 1817 году в том же журнале говорилось: «Нельзя не заметить, что во многих словах, совершенно забытых в языке старого общества, но сохранных где-нибудь между крестьянами, скрываются объяснения на историю нашего отечества».

И. Ф. Калайдович в 1824 году в «Трудах Общества любителей российской словесности» уже прямо указывал, что «весьма бы не худо было собрать словарь языка простого народа и показать грамматические отличия оного от чистого, общепотребительного паречия». Подобным образом высказывались еще раньше Калайдовича Ф. Н. Глинка, М. П. Макаров, Н. И. Греч

(см. В. В. Виноградов. Язык Пушкина. М.—Л., 1935, стр. 393—394). Дело, однако, сводилось только к собиранию небольших списков областных слов, которые печатались с начала 20-х годов в «Трудах Общества любителей российской словесности» и в других изданиях. Один только В. И. Даль взялся за это дело с необыкновенной энергией, обдумал его глубоко и выполнил в самом широком плане, отдав своему Толковому словарю сорок семь лет своей трудовой жизни.

Правда, Отделение русского языка и словесности Академии наук издало еще в 1852 году весьма ценный «Опыт областного великорусского словаря» и в 1858 году «Дополнение» к нему, превышающее своим объемом этот «Опыт», по материалам, собранные Далем, оказались и богаче и точнее.

При этом В. И. Даль, критически используя данные двух названных **областных словарей** Академии наук, соединил их с материалами своего Толкового словаря и, таким образом, дал в нем самое полное и для нашего времени собрание во едино всей, известной ему по собственным наблюдениям и по основным печатным источникам, диалектной и народной лексики.

Третья задача Даля состояла в объединении словаря, народного и литературного, на основе живого языка народа и образованного русского общества.

Мысль о том, что народный язык должен быть включен в полный словарь русского языка, казавшаяся в свое время плодом увлечения и домыслом дилетанта, в последующее времяшла для себя теоретическое подтверждение и осуществление в Словаре самой Академии наук. Именно по проекту работы над академическим «Словарем русского языка», составленному академиком А. А. Шахматовым и принятому Отделением русского языка и словесности Академии наук, было установлено, «что в основу Словаря должен быть положен современный наш живой язык... Таким образом „Словарь русского языка“ по своему объему и своим задачам приближается к „Толковому словарю живого великорусского языка“ Даля».

По поводу того, что в Словаре Даля впервые соединены два языка — язык письменный и живой язык современных русских говоров, Отделение русского языка и словесности признало, что «это несколько не умаило его значения, как справочного руководства: он удовлетворяет вполне и научным и практическим требованиям» (см.: Предисловие к «Словарю русского языка», Т. II, СПб., 1907). С изданием Толкового [словаря] для Даля несколько исполнились и заветная его мечта — дать пособие для преобразования литературного языка по источникам и образцам народного. Правда, сам В. И. Даль представил эту цель слишком прямолинейно, но мысль об использовании в литературном языке живой русской народной речи проводилась в русской литературе передовыми ее писателями давно и последовательно еще со времен Крылова и Пушкина.

<...> Впрочем, едва ли одни только какие-либо книжные пособия и источники собственно могли создавать и питать это направление: необходимо было прежде всего непосредственное сближение с народом, получение писателями народной лексики из первых рук, как это видим и теперь, например, в произведениях М. А. Шолохова.

<...> Толковый Словарь Даля охватывает с возможной для него полнотой весь русский народный язык, а не только областной, провинциализмы, диалектизмы.

Толковый словарь Даля необыкновенно полон и в отношении предметного его содержания. В. И. Даль не ограничивает объем своего Словаря какими-либо избранными отдами лексики. Он стремится охватить всю жизнь народа, все стороны его деятельности и общественных отношений, весь запас его знаний, весь его быт, все его понятия и верования, вообще все, что выражается русским словом.

Если язык, в понимании большинства славян, — народ, то и словарь каждого из их языков, в том числе и русского языка, должен быть картиной жизни этого народа. И Толковый словарь Даля дает нам в значительном, основном содержании

богатую картину жизни русского народа, выраженную в его необязательно распространенном по Европе и Азии языке, в пределах СССР.

Русский народный язык Даль захватил в эпоху его наибольшей сохранности, описал точно и обширно и, таким образом, сохранил для нас многие особенности нашего живого языка, которые теперь уже утрачены или совсем или в значительной мере. Такие «забытые» или «полузабытые» слова мы можем еще встретить в некоторых памятниках русского языка, в литературных произведениях старшей эпохи, но без подтверждения их данными живого языка, которые мы находим в Словаре Даля, такие «местные» слова иногда могут оказаться совершенно непонятными. Даль собирал слова русской народной жизни в крепостной, технически отсталой России, где господствовали первобытные ручные промыслы, где сохранялся весьма старый быт народа, совершенно необразованного, но тем более сохранявшего старину жизни и понятий, веками сидевшего на старых местах своего жительства.

В условиях того времени русские диалекты были более замкнуты и хорошо сохраняли старый народный язык. Лексикону таких диалектов и собирал В. И. Даль. Он собирал ее страстно, жадно, неутомимо в течение многих лет своей жизни, от молодости до старости, до того времени, когда закрепил ее навсегда в своем монументальном, знаменитом труде: «Толковый словарь живого великорусского языка», который является драгоценной сокровищницей живой русской речи, насколько она сохранилась во время жизни ее собирателя. Самое главное в словарной работе Даля — полнота, прочная обоснованность и многосторонность. С самого начала своего труда Даль понимал, что словарь русского языка не есть простое собрание русских слов и выражений. В его представлении такой словарь был системой взаимно связанных слов и выражений с определенными значениями, с прикреплением к времени и месту собранных с соблюдением всех условий точного наблюдения и описания фактов языка.

<...> В некоторых отношениях

Словарь Даля дает такой материал, на который наши лексикографы обращали очень мало внимания. Это, так называемые, «условные» языки торговцев и ремесленников, «тайный» язык воров, школьные жаргоны учащихся и т. п. Как наблюдательный писатель, Даль если не первый, то один из первых обратил на них внимание уже в своих ранних литературных произведениях.

В написанном в 30-х годах рассказе «Мичман Поцелуев» (глава V) Даль говорит: «Поцелуев, по крайней мере, обогатил в корпусе знание русского языка; и вот вам целый список новых слов, принятых и понятных в морском корпусе; читайте и отгадывайте: *бадяга, бадяжка, бадяжник, новичок, неглаенный, копчинка, старик, старина, стариковать, кутило, огуряться, огурыло, отказной, отчаянный, чугунный, жила, жилить* и т. п.». Здесь автор указывает, что *огуряться* вошло в корпус от новгородцев, поступавших туда прежде в большом числе. Такое же областное происхождение можно указать и в некоторых других словах, указанных здесь [в рассказе] автором в качестве «школьных». Некоторые из «школьных» слов и выражений вошли потом в широкое общее употребление. Таково, например, введенное <...> Далем выражение: «втереть очки». По воспоминаниям П. И. Мельникова, указанные <...> Далем 34 слова кадетского жаргона приведены им не по записи, а по памяти. Жаль, что автор тут же их не объяснил. В Толковом словаре находим: *бадяжник* «шут, ...проказник, ...весельчак»; *бадяжничать* «шутить, ...дурачиться» (но эти слова и значения показаны и в академическом Словаре 1847 года); *отказной вор* «отчаянный, отбившийся от рук». Вообще же значение этих 34-х слов во многих случаях остается для нас закрытым.

В рассказе «Петербургский дворник» говорится, что старший дворник Григорий понимал отчасти язык петербургских мошенников и учил ему младшего дворника Ивана. *Стырить камлук*, т. е. «украсть шапку»; *перетырить жулику коньки и грабли*, т. е. «передать помощнику — мальчишке [украденные] сапоги и перчатки»; *...увести скамейку*, т. е. «по-

шадь», — все это понимал Григорий без перевода и однажды больно насмешил веселого Ивана, когда... небольшая шайка [воров] проходила... от разъезда театра и, увидев товарища, поставленного для наблюдения за *ширманам* (т. е. «за карманами») пешеходов, встретила его вопросом: *что клею?*, т. е. «много ли промыслил?» А Григорий отвечал преспокойно: *бабки, веснухи да лепень*, т. е. «деньги, часы да платок»; и мошенники с недоумением посмотрели на Григория, не зная, *мазурик* ли это, т. е. «товарищ», или предатель.

Даль в своем Толковом словаре дает при разных словах небольшие списки слов из лексикона таких профессиональных языков или жаргонов, например, под словами *байков* (байковый язык или музыка — язык воров); *афёня* (офёня, офёнский язык — язык корабельников, бродячих торговцев тканями и мелкими товарами); *мазурик* (образцы языка воров); *шерстобит* (язык костромских шерстобитов); *прасол* и др. Мы уже указали, что слова из таких искусственных, арготических языков, жаргонов частью вошли в литературный язык. Так, например, слово *жулик* на офенском языке значит «ножик». Шире они распространены в областных говорах, например, во владимирских: *клевое* «хорошо» и т. п. — от корабельников. Специалисты давно указали в таких «искусственных» языках слова нерусских наших соседей, свидетельствующие о древних торговых международных связях. Так, в офенском языке, особенно счете, обнаружены слова греческие. Сам В. И. Даль указывает в языке конских барышников (под словом *конский*) татарские слова и счет. Это — следы давних торговых сношений с народами Востока.

В статье «О русском словаре» Даль указывает, что в «Областном словаре» Академии наук десятками вставлены наряду с русскими офенские слова. В Толковом словаре, благодаря большой осведомленности автора с подобными языками-жаргонами, такие ошибки не встречаются и в этом его большое научное достоинство.

1947 г.

«СОБИРАЛ ЧЕЛОВЕК СЛОВА...»

Фольклорист М. А. Булатов (1913—1963) и писатель В. И. Порудоминский написали интересную и полезную для школьников среднего и старшего возраста повесть о В. И. Дале «Собирал человек слова...» (М., издательство «Детская литература», 1966). Словесники могут рекомендовать ее своим ученикам для внеклассного чтения, использовать на занятиях кружка русского языка.

Образ Владимира Ивановича Даля, лексикографа, фольклориста, писателя, этнографа, врача, моряка, даже чиновника, — великого трудолюбца, по словам П. И. Мельникова (Печерского), — обладает огромным воспитательным потенциалом. Содержательная, богатая событиями жизнь В. И. Даля — Казака Луганского дает возможность придать его биографии художественную, занимательную форму, что вполне удалось авторам.

Книга имеет большое познавательное значение, способствует воспитанию любознательности, интереса к родному языку. Она знакомит читателя не только с поучительными фактами биографии и творчества В. И. Даля, но и с жизнью разных слоев общества и разных мест России прошлого столетия, с историческими событиями, с эпизодами из жизни А. С. Пушкина, Н. И. Пирогова, П. С. Нахимова. Читатель получит также интересные сведения о русских народных говорах, о лексике и фразеологии русского языка, об устном народном творчестве, о словарях русского языка.

Привлекает композиция повести, ее богатый, образный язык, довольно удачно передающий речевую практику самого В. И. Даля. В повествование уместно вводятся афоризмы, многие главы заканчиваются пословицей — своеобразным резюме, к некоторым главам прилагаются словарики, подобранные по тематическому признаку пословицы, поговорки, загадки, приметы.

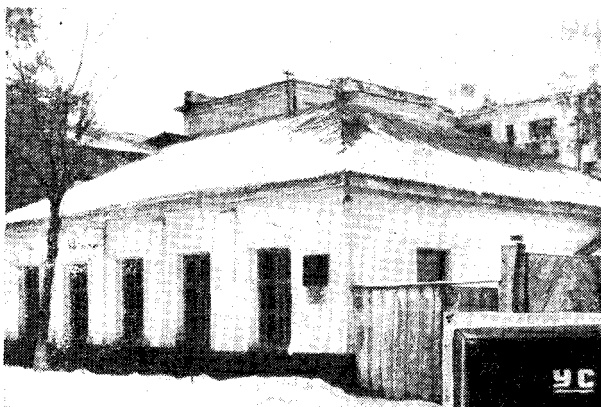
Книга со вкусом оформлена художницей М. Борисовой-Мусатовой. В книге дана хорошая фотография с известного портрета В. И. Даля работы В. Г. Перова.

В целом прекрасная, повесть вызывает и некоторые замечания. Главное замечание — статичность созданного авторами образа В. И. Даля. Меняется место действия, занятия, одежда, возраст, но В. И. Даль остается на протяжении всей книги чудачковатым собирателем, накопителем слов: «главным-то делом его жизни было чудачество — собирание слов» (стр. 5). Не показано, как Даль из собирателя-любителя превратился в ученого-лексикографа, специалиста по русскому языку. Авторы не сопоставили свою оценку Даля-чудака с такой же (разумеется, внешней) оценкой его нижегородскими обывателями и не согласовали с собственными рассуждениями о «подвиге В. И. Даля». Странно звучит навязчивое сопоставление Даля с Пушкиным: «... но какая разница — Пушкин и Даль!» (стр. 130) и с Гоголем: «Даль не написал „Мертвых душ“. Он не написал гениальной „Шинели“» (стр. 168). Ни к чему, с нашей точки зрения, и элементы снисходительного отношения к великому труду: «Простим Далю два десятка промахов на двести тысяч слов. Он не был ученым-специалистом. Всю жизнь он творил свой подвиг по велению сердца» (стр. 213).

Имеются в книге отдельные мелкие неточности, не всегда удачно отображены жизненные факты в книгу для детей: так, спор о пользе грамотности современным детям может быть непонятен.

В целом же появление книги — помощницы в работе словесника — надо приветствовать и способствовать ее встрече с юными читателями.

Е. В. УХМИЛИНА,
доцент Горьковского гос.
университета

ДОМИК В ЛУГАНСКЕ

«Комната русского культурного человека — это стол, стул и Даль».

М. А. РЫБНИКОВА.
О словарях русского языка

На тихой и недлинной улице (на снимке — занесенной снегом, а летом — густо зеленой, в акациях и кленах, с заброшенным и уютным бульваром) стоит дом с высокими окнами и на низком, как бы ушедшем в землю фундаменте. К фасаду в строгом порядке — одна над другой — прибиты две доски.

На улице нечасто гудят машины, но если они появляются, то обычно из гаража, расположенного во дворе этого дома. В нескольких комнатах с высокими не по-современному потолками на просиженных диванах и старых, но не старинных стульях заседают работники конторы; стоит шум, дым, стучат машинки, коридор пере-

секают во всех возможных направлениях служащие с бумагами — нужно достаточно сосредоточиться, чтобы почувствовать себя в историческом месте.

И однако же еще задолго до этой конторы (а до нее — лесничества и еще одной конторы, а дальше след теряется) в этом доме родился замечательный деятель русской культуры, писатель, известный под именем Казака Луганского, и собиратель, хранитель русского слова Владимир Иванович Даль, подвиг которого — его «Толковый словарь живого великорусского языка» — повторить, кажется, никому не дано. Здесь он провел свои ранние годы. И поэтому, разворачивая ленту его жизни от конца к

началу — Москва (завершил свой словарь и умер 22 сентября 1872 года, похоронен на Ваганьковском кладбище), Нижний Новгород (управляющий удельной канторой, т. е. императорским недвижимым имуществом), Петербург (удельная кантора и — частично — тайная канцелярия министра внутренних дел), Оренбург (чиновник по особым поручениям), Петербург (военно-сухопутный госпиталь, хирург-окулист), Дерпт (казеннокоштный студент медицины), города Черного моря (служба во флоте), Кронштадт («ненавистной памяти» морской корпус), Николаев (юность), а «в промешутках» Турецкий, Польский, Хивинский походы, многочисленные экспедиции, разъезды и перевезды по России, — через все города и места, происшествия и годы мы приходим к этому дому на Английской (переименованной в Юного Спартака, 12) в рабочем поселении Лугань рубежа XVIII и XIX веков Славяносербского уезда Екатеринославской губернии.

Россия нуждалась в пушках для крепостей и судов Черноморского флота: недавно был завоеван Крым, по-прежнему угрожала Турция. Доставлять оружие с северных и уральских заводов, по тем временам конной тягой или на волах, было и долго и дорого. Решено было построить завод на юге, близ сырья — угля и руды, и отливать пушки не из меди, а из чугуна (много дешевле). Во главе завода стали английские специалисты. Сюда же приехал доктор медицины Иоганн Христиан Даль.

Отец В. И. Даля (в России он писался Иваном Матвеевичем), датчанин по происхождению, был образованным человеком. Знал новые европейские языки, а также греческий, латинский, древнееврейский. Закончил богословский факультет Иенского университета. Екатерина II вызывает Иоганна Христиана Даля в Петербург на должность библиотекаря императорской библиотеки. По разным причинам он вскоре возвращается в Иену, проходит курс медицинских наук и приезжает в Россию уже как доктор медицины. До конца жизни работал практикующим врачом. Умер в Николаеве.

Об И. М. Дале, безусловно интересном человеке, дважды отказавшемся от царских милостей — долж-

ности придворного библиотекаря и врача при наследнике Павле, — известно немного. Естественно, что на родине В. И. Даля не только пропагандируют своего великого земляка, но и разыскивают материалы, связанные с жизнью (и, в частности, с пребыванием в Луганске) И. М. Даля.

Последнее пятилетие в культурной жизни Луганска смело можно назвать «далевским». В 1962 году скульптор Илья Пантелевич Овчаренко, работающий над галереей знаменитых людей (К. А. Булавин, В. М. Гаршин, М. А. Максимович и др.), связанных тем или иным периодом жизни с Луганщиной, создал в содружестве со скульптором Николаем Леонтьевичем Буниным первый скульптурный портрет В. И. Даля. В 1963 году скульптура В. И. Даля в искусственном камне экспонировалась в Киеве на республиканской выставке. Она отмечена жюри выставки и приобретена Министерством культуры УССР. Второй экземпляр скульптуры (тонируемый гипс) подарен авторами Луганскому медицинскому институту. Эту голову В. И. Даля И. П. Овчаренко подарил кабинету языкознания Луганского пединститута. (Модель скульптуры после отливки из-за отсутствия места для хранения, к сожалению, была разбита.)

От И. П. Овчаренко «болезнь Далем» передалась Валентину Васильевичу Нестайко, завкафедрой патанатомии Луганского мединститута. В. В. Нестайко — по профессии врач, а по своей второй страсти — безусловно, историк, коллекционер в области культуры, увлеченно изучающий то, что находится на стыке медицины и культуры, и отдельно историю медицины и культуры. Он разыскивает материалы о ранении А. С. Пушкина, о И. Е. Репине, своем земляке и дальнем родственнике, а теперь о В. И. Дале и его отце И. М. Дале. В его изложении В. И. Даль прежде всего, конечно, врач. Он подчеркивает «патологоанатомическую эрудицию» Даля, но неизбежно вторгается и в другую область — собственную филологическую. Недавно В. В. Нестайко выступил по украинскому телевидению и в областном лектории с лекциями о В. И. Дале и его отце. На своей кафедре в прозекторной он сотворил настоящий алтарь Далей. Здесь стоит,

В. В. Нестайко со студентами на кафедре патанатомии

может быть, единственный в Советском Союзе далевский стенд с разнообразными, большей частью малоизвестными материалами. В прошлом художник, В. В. Нестайко интересно проиллюстрировал жизненный путь Далея.

В его кабинете над заключенным в стеклянную коробку черепом половца из кургана XII века, над планом этого кургана и картой знаменитой битвы князя Игоря с половцами в 1185 году висит портрет И. М. Далея работы луганского художника Григория Степановича Домненко. Но, безусловно, венцом этого алтаря является скульптурный В. И. Даль, монументально застывший в светлом, отгороженном конце коридора среди горшков с бегонией и банок с заспиртованными аномалиями. Студенты, раньше недолюбливавшие прозекторную, «мертвячину», легко идут на все далевское. Сыновья В. В. Нестайко, студенты-медики Олег и Глеб, прочитали доклады об И. М. Дале на английском и немецком языках.

Через дорогу, в пединституте, В. И. Далем увлечены завкафедрой физиологии С. М. Дианесов и кандидат педагогических наук А. Я. Лурье-Дерский, последний выступил в мест-

ной газете со статьей «Памятник — великому земляку».

Вы спросите, почему же нет памятника? Почему В. И. Даль украшает лишь прозекторную города? К сожалению, в городе не нашлось в свое время средств для изготовления постаментов (скульптуру авторы готовы были передать безвозмездно).

В. В. Нестайко переписывается с М. К. Далем, заслуженным деятелем науки УССР, главным патанатомом Министерства здравоохранения УССР, потомком Ивана Матвеевича Далея. Михаил Константинович немногое сообщил о себе. Лишь то, что И. М. Даль — его прапрадед, что он датчанин, сын рыбака, родился в 1755 году, умер в 1821 году, похоронен в Николаеве; что о нем писали в «Русском Архиве» (1877), в отчете Академии наук (1871) и других источниках; что И. М. Даль имел большое влияние на Владимира Далея. Михаил Константинович прислал копии с миниатюр-портретов И. М. Далея и его жены Марии Даль (Фрейтаг). Поражает сходство М. К. Далея с В. И. Далем (у В. В. Нестайко есть фото 1945 года: М. К. Даль и харьковский патанатом профессор Г. Л. Дерман в селе Вишня Винницкой области реставрируют

нарушенное оккупантами набальзамированное тело хирурга Н. И. Пирогова).

В архивах Луганска вместе с В. В. Нестайко работал врач-онколог Юрий Алексеевич Ененко. Они обнаружили интересные материалы. Владимир Даль в разные периоды жизни безуспешно пытался «доказать», что он русский подданный. Искал ли он какие-нибудь документы — трудно сказать, но если и искал, то, очевидно, не нашел, так как в своей автобиографии он неправильно указывает дату принятия И. М. Далем русского подданства: 1797 год. В. В. Нестайко и Ю. А. Ененко нашли в архивах литейного завода то самое «клятвенное заверение», которого так недоставало В. И. Далю: «Я нижеименованный родом из Дании обещаюсь и клянусь... Присягал доктор Иван Даль. Приводил к присяге священник Ияков... декабря 14 дня 1799 года».

В архивах обнаружен и рапорт доктора Даля в правление литейного завода, в котором он указывает на причины заболевания рабочих: антисанитарные условия быта, нехватка продуктов и др. По тем, радищевским, временам, это была смелая записка. Стиль и характер рапорта позволяют думать, что И. М. Даль, если и не общался с А. Н. Радищевым, то, вероятно, был знаком с его сочинениями:

«Мастеровые живут со многочисленными семьями в весьма тесных казармах и не радуют о чистоте и сухости оных. Съестные припасы, воду и жидкости, также телят помещают тут же, от чего испаряющиеся влаги оседают на стены, гниют и заражают воздух запертый и теплою, испарением и дыханием семейства и скота уже довольно испорченный и ни чрез какие кроме дверей отверствия не возобновляемый...».

Полный текст этого рапорта и «клятвенного заверения», безусловно, должен быть опубликован.

Знакомясь с материалами, собранными В. В. Нестайко и Ю. А. Ененко, я обнаружил некоторые противоречия в датах и фактах. В составленной В. В. Нестайко хронологической летописи жизни И. М. Даля многие даты были указаны лишь приблизительно, что не позволяло точно определить годы, проведенные И. М. Далем, а

следовательно, и Владимиром Далем в Луганске. Биографы В. И. Даля не указывают дату переезда семьи Далеи в Николаев. В. И. Даль родился в Луганске, но сколько лет он прожил здесь?

В Луганском областном архиве, просмотрев дополнительные материалы, я получил ответ на поставленные вопросы. В деле № 123 (фонд 1, опись 1) указана точная дата приезда И. М. Даля в Луганск — 15 августа 1798 года. На следующий день после приезда (16 августа) Даль попросил денег: задолжал с дороги. Интересным представляется перечень некоторых дат, сделанный И. М. Далем в прошении о предоставлении ему русского подданства «на вечные времена» (1798 год — 1, 1, 134) и затем повторенный в анкете, перебеленной писцом (1799 год — 1, 1, 142):

«Иван Матвеев сын Даль, из датских офицерских детей...»;

«...в российской империи медицинскую практику управлять позволено» 8 марта 1792 года;

в гатчинской волости — с 1 ноября 1792 года, уволился 15 февраля 1796 года;

в Петрозаводск на литейный завод определен 10 апреля 1796 года; переведен на Луганский литейный завод (зачислен в штат) 9 мая (по другому документу — 1, 1, 123 — 7 мая) 1798 года.

Приняв от штаб-лекаря Ивана Ратча «оную команду больных равно при оных (неразборчиво) и вещи», И. М. Даль, строго говоря, первым врачом-терапевтом Луганска не был, но был, безусловно, первым с дипломом доктора медицины.

И. М. Даль «имеет похвальные аттестаты: 1) Гатчинской волостной конторы, 2) Олонецкого губернского правления, 3) управляющего Олонечкими заводами коллежского советника Полторацкого, 4) Петрозаводского городничего коллежского assessора Триммера и 5) Петрозаводского (неразборчиво) земского суда» (1, 1, 142). Новороссийская врачебная управа отмечает «неусыпное его старание, прилежность и усердие в службе» (1799 год — 1, 1, 134).

И. М. Даль не стал русским помещиком: в графе «сколько имеет во владении мужеского пола душ» ответ — «не имеет». В 1799 году — он женат, детей не имеет.

Но самым неожиданным оказался обнаруженный в анкете от 14 февраля 1799 года (1, 1, 142) возраст И. М. Даля — «34-х лет». Следовательно, И. М. Даль не 1755, а 1765 или 1764 года рождения. И если «медическую практику» в России он стал «управлять» с 1792 года (как в двух местах повторено), т. е. 27 лет, то тогда он в раннем возрасте успел закончить богословский факультет в Иене, проработал какое-то время (очевидно, недолгое) в императорской библиотеке и вернулся в Иену для прохождения курса медицинских наук.

Удалось установить и время отъезда семьи Далея из Луганска. В деле «Указы берг-коллегии, за 1805» (1, 1, 349) хранится письмо директора литейного завода Карла Гаскойна в правление:

«Правлению
Луганского литейного завода
Предложение

Его Сиятельство министр финансов Граф Алексей Иванович Васильев мне знает дает, что состоящий при сем заводе Доктор г-н Даль определен г-ном министром внутренних дел инспектором в черноморскую медицинскую управу; почему гребует, чтоб по удовольствовании жалованьем по 15-е минувшего марта его отправить к должности в Николаев.

Апреля 13 дня

1805 года

Карл Гаскойн».

Очевидно, в апреле или мае И. М. Даль из Луганска уехал, проработав на литейном заводе почти семь лет. Владимиру Далю тогда шел четвертый год.

Таковы некоторые из новых далаевских материалов, обнаруженных в Луганске. К сожалению, мы до сих пор многого не знаем о других периодах жизни В. И. Даля и его отца, например о гатчинском и николаевском периодах жизни И. М. Даля, о том, чем занимался Владимир Даль после отставки из флота в 1823 году и до поступления (сначала вольным слушателем) в Дерптский университет (1825). Дополнительные сведения об этих периодах обогатят наше «далеведение».

В заключение хочется предложить в луганском домике организовать музей В. И. Даля. Создание такого музея стало бы важным событием в культурной жизни нашей страны. Это был бы не только первый музей лингвиста в стране, но и музей русского, «действительно народного» (по определению Тургенева) писателя и общественного деятеля. Это был бы не только музей, но и дом литераторов, аудитория для студентов, класс для школьников; здесь, в далаевском домике, «где бы самый воздух... был пресыщен русской филологией» (В. М. Лазаревский), они могли бы встречаться, слушать лекции.

Для организации такого музея потребуется лишь незначительный внешний и внутренний ремонт здания. Академия наук СССР, центральные библиотеки и архивы ряда городов (Горького, Оренбурга, Николаева и др.) помогли бы укомплектовать его фонды. Напротив музея нашла бы место скульптура В. И. Даля.

Дело за общественными организациями Луганска.

Время подоспело — 100 лет, как окончен «Толковый словарь».

Ю. М. КОСТИНСКИЙ,
аспирант Института русского языка
АН СССР

**В следующем номере
„РУССКОЙ РЕЧИ“
читайте статью о языке
КОЛЬЦОВА**

МНИМЫЕ АЛОГИЗМЫ

Кандидат филологических наук

Эр. ХАНПИРА

Немало писем приходит в Институт русского языка с протестами против нелогичности выражения *большая половина*. И не только в письмах протестуют. Протестуют и в книгах. Это выражение считается неправильным потому, что оно якобы нелогично.

Но дело в том, что *половина* здесь употребляется не в значении 'одна из двух равных частей', а в значении 'одна из двух частей' (именно из двух!). *Половина* получила новый оттенок смысла, более общий, менее конкретный, чем прежний.

У Льва Толстого читаем: «Через неделю Пьер выдал жене доверенность на управление всеми великорусскими именьями, что составляло *большую половину* его состояния...» («Война и мир»). Так писали Достоевский и Глеб Успенский. Так писал Ленин: «А Индия и Китай кипят. Это — свыше 700 миллионов человек. Это, с добавлением окрестных и вполне подобных им азиатских стран, *большая половина* населения земли» (Полное собрание сочинений. Т. 45, стр. 174); «...вопрос, затрагивающий самым непосредственным образом интересы *большой половины* населения в любой стране» (там же, стр. 32. Курсив всюду мой. — Э. Х.)

А ведь не одно такое выражение в языке. Разве нельзя обвинить в «нелогичности», скажем, сочетания *ужасно нравится*, *страшно похорошела*? И обвиняют. В письмах. В статьях. И в книжках. «Совершенно недопустимы выражения: *страшно нравится* или *ужасно привлекает* и т. д.», — пишет И. Блинов в брошюре «О культуре речи» (М., 1958).

Обратимся к словарю под редакцией Д. Н. Ушакова:

- Страшны́й. 1. Вызывающий, внушающий чувство страха... || Внушающий опасения, изобилующий опасностями, опасный... 2. Крайне сильный по степени проявления чего-нибудь, весьма значительный (разг.) ...*Она вдруг страшно похорошела*. Тургенев.
- Ужасны́й. 1. Вызывающий ужас, страшный... || Очень плохой (разг.)... 2. Чрезвычайный, крайний в своем проявлении (как о чем-нибудь страшном, неприятном, дурном, так и о хорошем, приятном; разг. фам.) ...*Ужасно приятно прожить хоть несколько времени не боясь*. Салтыков-Щедрин.

Как видим, у этих прилагательных, кроме первоначальных, первичных значений, есть и другие, более отвлеченные, вторич-

ные, носящие в данном случае разговорный оттенок. (Напомним: разговорными считаются слова, употребляемые в разговорной речи и не нарушающие литературных норм.)

Почему же запрещают применять эти слова в этих значениях? Почему наши агитаторы, учителя, ученики должны все время говорить и писать только по-книжному?

В неоконченном романе «Княгиня Лиговская» Лермонтов рассказывал: «Баронесса... была русская, но замужем за курляндским бароном, который каким-то образом сделался *ужасно богат*...». В. Г. Белинский сообщал И. С. Тургеневу: «Некрасов написал недавно *страшно хорошее* стихотворение». В. И. Ленин писал В. А. Карпинскому: «Посылаем Вам *ужасно* (курсив В. И. Ленина.— Э. Х.) *важную* вставку в брошюру. Пожалуйста, понаблюдайте, чтобы вставили ее без ошибок» (Полное собрание сочинений. Т. 49, стр. 134—135). В другом письме В. И. Ленин сообщал В. А. Карпинскому: «Дорогой В. К.! Посылаю „Journal de Genève“. *Ужасно рад*, что нашлось...» (там же, стр. 147). В письме к И. Ф. Арманд В. И. Ленин писал: «*Страшно важно*, чтобы... раздался голос за единство *против* (курсив В. И. Ленина.— Э. Х.) деления рабочих по нациям...» (там же, т. 48, стр. 277). Н. К. Крупская вспоминала: «Ходили несколько раз в Художественный театр. Раз ходили смотреть „Потоп“. Ильичу *ужасно понравилось*». А. Макаренко писал жене: «Море — *страшно богатая штука*». М. Ф. Андреева вспоминала о прогулке с Маяковским по лесу: «*Страшно радовался*, что находил много брусники». Горький говорил, что Лондонский съезд партии его (Горького) «*ужасно хорошо* начинал». Из письма С. Есенина к А. А. Берзине: «...Сегодняшний вечер у нас свободен, был бы *страшно рад* Вас видеть...». Из письма Б. Пастернака к С. Чиковани: «Мне группа ваших академиков прислала *страшно трогательную* и незаслуженно лестную телеграмму». «*Ужасно хочется* чуда...» — так называется стихотворение Ильи Сельвинского.

Так почему бы нам по-тургеновски не сказать: «*Страшно похорошела* наша земля»? Почему бы нам по-ленински, по-щедрински не сказать: *ужасно приятно* или *ужасно рады*? Чем отлучать от литературного языка, накладывая запрет на такие словосочетания, полезнее разъяснить их стилистическую окраску и показать, где они уместны, а где — нет.

И действительно ли все это нелогично? Теперь, когда мы так подробно рассмотрели эти выражения, когда увидели, что это уже не та *половина*, какой она была при своем появлении, не те *ужасно* и *страшно*, чем они были сначала, мы можем утверждать, что нет в этих выражениях и им подобных никакого конфликта с логикой, никакой нелогичности. Здесь своеобразная «аберрация зрения» — в этих словах многие видят только старое, первичное значение и не видят другого, переносного; не видят, что в этом переносном значении *ужасно* и *страшно* вполне логично соседствуют с *красивый*, *большая* — с *половиной* точно так же, как *чернила*

бывают *красными* и *стреляют* давно уже не *стрелами*, а *пулями*, *снарядами*, *торпедами*, *ракетами*.

«Некоторые наблюдатели языка, обыкновенно не являющиеся специалистами-языковедами, склонны критиковать отдельные слова и выражения в языках как нелепые. Повод для такого рода замечаний иногда языки, действительно, дают, но почти всегда только в случаях, где критикующий этимологическое, т. е. историческое, значение слова или оборота смешивает с его фактическим, образ, лежащий в основе слова — названия, — с его значением. То и другое — разные вещи», — писал видный языковед член-корреспондент АН СССР Л. А. Булаховский в специальном параграфе своей книги «Введение в языкознание» — «О „нелогичном“ в принятых словах и выражениях» (ч. II. М., 1954, стр. 24).

То, что принято языком, вошло в него, не может быть нелогичным. Нелогичной может быть речь человека. Но за эту нелогичность отвечает сам человек, его мысль, а не язык, на котором он говорит. Когда Гоголь замечает о Чичикове, что тот любил, «чтобы все было благородно, т. е. чтобы столы были лакированные», — это алогизм. Это — передача мысли Чичикова. Это — средство разоблачения ханжества «херсонского помещика», его скудоумия.

«Одну и ту же мысль можно выразить разными словами, в которых заключены различные оттенки мыслей. С развитием человеческой практики отдельные слова могут утратить свои первоначальные значения и выражать новые мысли... В целом мышление выступает как наиболее революционная и подвижная сторона в системе духовных связей людей. По сравнению с языком мышление, как правило, богаче и тоньше, подвижнее и активнее. Наши мысли заключаются в образовании различных связей между представлениями, понятиями в мозгу. Эти связи все время меняются, т. е. наши мысли все время „текут“. В словах же они закрепляются, делаются устойчивыми. В этом смысле слова консервативнее понятий» (см.: В. Ф. Кузьмин. Философская категория сознания и современная наука. М., 1964, стр. 83—84).

Течение мыслей, логику мышления отражают все эти *красные чернила*, *золотое перо*, *голубое белье*, *большая половина*, *пара слов*, *зал встал*, *шипенье пенистых бокалов*, *чайник кипит* и т. п. Как же может отражение логики мышления быть нелогичным?

С. Я. Маршак вспоминал об одном из своих гимназических учителей, который, увидев в работе ученика сочетание «глубокая мысль», тотчас писал на полях: «Глубокой может быть только яма». Именно таких свирепых пуристов, свирепых невежд (а в основе пуризма, запретительства лежит невежество) высмеял поэт Н. Старшинов:

Поэт сказал: «Звезда упала в пруд».
Но кригик подвернулся тут как тут.
И он съязвил: «Поплите водозлазов,
пускай они звезду
в пруду
найдут».

Но тут же о романе Шедрина
воскликнул критик: «Это — глубина!»
На что поэт, естественно, заметил:

А вы ныряли?
И достигли дна?

(«Поэт и критик»)

«Пурист боится новых форм и новых значений. Он не понимает явлений полисемии, многозначности слова, приобретаемой словом на службе многосторонней, изменяющейся социальной практики. Пурист — лингвистический аскет», — верно заметил В. Гофман в своей книге «Язык литературы» (М., 1936).

ВСЕМ ЛИ БЕЗРАЗЛИЧНА ГЕКУБА?

Кандидат филологических наук
Л. П. КАЛАКУЦКАЯ

О, здесь гораздо глубже, чем я
предполагал...
Р. Ш е р и д а н

В газете «Известия» (12 апреля 1966) была напечатана статья С. Маллера «Что ему Гекуба!». Автор обращает внимание на различного рода изменения, происходящие в передаче заимствованных собственных имен в русском языке. Этот важный лингвистический вопрос вызывает живой интерес широкой общественности. Впрочем, интерес вполне оправдан, так как значительное число людей испытывает большие неудобства от его нерешенности.

Если вы читаете переводную художественную литературу, то, несмотря на всю вашу занятость, вам может грозить опасность дважды прочесть или купить одну и ту же книгу, потому что нужно обладать большой проникаемостью, чтобы понять, что, например, *Р. Хайнлайн* и *Р. Гейнлейн* — один и тот же автор. Биограф может стать в тупик перед необходимостью признать писателя *Хаксли* внуком известного биолога *Гексли*. Но сложнее всего библиографам, им надо иметь способности Шерлока Холмса, чтобы обнаружить «неизвестных», проникших в русские издания под шестью или семью разными фамилиями. Лишь в результате головоломнейших умозаключений удастся установить, что: *Ланман*, *Лэнман*, *Ленман*, *Ленмэн*, *Лэнмэн*, *Леймен*, *Лэнмен* — одно и то же лицо, так же как: *Схрэйнен*, *Схрэйнен*, *Схрейнен*, *Шрейнен*, *Шрийнен*, *Шрейнен*, *Шрийнен*. Очевидно, настало время для практического разрешения этого запутанного вопроса, но прежде необходимо в нем разобраться.

Заемствуемые собственные имена в какой-то мере можно считать самыми интернациональными словами, так как они одновременно бытуют во многих языках. Причем эта группа имен постоянно пополняется новыми, точно так же постоянно выбывают неупотребительные более имена.

Особую сложность представляют изменения, происходящие в «костюмах» собственных имен — в их передаче на русский язык, в том, что в лингвистике называется транскрипцией. Изменения в транскрипции не случайны, как это может показаться на первый взгляд. Они могут быть связаны с целым рядом объективных причин.

Например, раньше мы не всегда получали имена собственные, как и другие заимствования, непосредственно из их родного языка. Очень часто они приходили в русский через какой-либо другой язык (как говорят лингвисты, через язык-посредник). Таким языком-посредником был в определенную эпоху латинский. Например, названия стран *Англия, Франция, Дания, Норвегия* получили окончание *-ия* (отсутствующие в языках, которым принадлежат эти названия) благодаря латинскому влиянию. Позднее в качестве языков-посредников чаще других выступали немецкий и французский: так, привычные для многих музыкальные термины *арпеджио, сольфеджио, адажио* были восприняты из немецкого, в родном же для них итальянском языке они звучат, как *арпеджо, адажо, сольфеджо*. Во времена А. С. Пушкина в России величайшего поэта Италии называли *Дантом*:

«Суровый Дант не презирал сонета», — писал Пушкин. Именно так прочли это итальянское имя по законам французского произношения. Позднее сочли более правильным передавать его в соответствии с особенностями произношения родного для поэта языка; так появился новый вариант. У В. Я. Брюсова читаем:

О, Данте! О, отверженец великий, —
Воистину ты долго жил в аду!..
И я спросил, дрожа, кто он таков.
Но тотчас понял: Данте Алигери.

(«Данте в Венеции»)

Влиянием французского языка объясняется и конечное ударение в именах *Нельсón* и *Гамлёт*, принятое в начале XIX века. Например, в первоначальном варианте шестой главы «Евгения Онегина» были стихи:

Как наш Кутузов иль Нельсón
Иль в ссылке, как Наполеон...

Всем известный «Гамлет» Шекспира пришел на русскую сцену в переводе Н. Полевого с ударением на последнем слоге имени — *Гамлёт*:

...она супруга дяди,
который так походит на отца,
Великого Гамлэта, короля, как я на Геркулеса..
Ты должен оправдать Гамлэта имя...

Впоследствии имя Гамлета стало произноситься с ударением на первом слоге, в соответствии с оригинальным произношением, и в таком виде, ставшем для нас привычным, оно встречается у поэтов XX века:

Я — Гамлет. Холодеет кровь,
Когда плетет коварство сети...

(А. Блок. Я — Гамлет...)

О! Весь Шекспир, быть может, только в том,
Что запросто болтает с тенью Гамлет.

(Б. Пастернак. Брюсову)

...мой Гамлет приходит с угарным дыханьем,
пропахший бензином, чужими духами...

(А. Вознесенский. Песня Офелии)

С течением времени существенно менялся сам подход к передаче иностранных собственных имен. В XVIII — начале XIX века было «модно» передавать письменную форму имени. Такая передача называется транслитерацией. Во времена Ломоносова и Пушкина привычный нам теперь *Ньютон* назывался *Невтоном* (в соответствии с тем, как его имя писали в английском языке):

Из бедного седого простяка
Панкратий вдруг в Невтоны претворился.

(А. С. Пушкин. Монах)

Дидро в то время именовался *Дидеротом*; в стихах А. К. Толстого находим:

Madame, при вас на диво
Порядок расцветет,—
Писали ей учтиво
Вольтер и Дидерот...

(«История государства Российского»)

Разница между передачей *Дидерот* — *Дидро* и *Дант* — *Данте* становилась тем большей, что с окончанием на -о, -е эти имена не могут склоняться (как не склоняются в современном языке слова типа *метро*, *кашне*), с окончанием же на согласный они могли свободно склоняться (как слова *пилот*, *фант*). Насколько существенной была разница между транслитерацией и транскрипцией собственного имени, можно судить по такому факту: роман Вальтера Скотта «Айвенго» назывался в XIX веке «Ивангое». В связи с этим произошла забавная ошибка: в «Литературной энциклопедии» (1925) сказано, что у Вальтера Скотта есть два разных (!) романа «Айвенго» и «Ивангое».

Итак, в XVIII — начале XIX века заимствованные собственные имена, как правило, транслитерировались. Но элементы транслитерации сохранялись и значительно позже; именно этим можно объяснить передачу итальянских фамилий *Боккаччио*, *Джиотто* и др. с *и*, встречающуюся до сих пор. Между тем в итальянском языке это *и* не произносится, а лишь означает определенное произношение предыдущей согласной.

При современной передаче заимствованных собственных имен пытаются по возможности сохранить не письменный облик, а произношение, используя для этого лишь буквы русского алфавита. Такую передачу называют обычно практической транскрипцией. От каких-либо добавочных графических введений для передачи специфики произношения собственных имен предостерегал еще М. В. Ломоносов. «Ежели для иностранных выговоров вымышлять новые буквы, то будет наша азбука с китайскую», — писал он в «Российской грамматике». «...Лучше стараться выражать эти имена сколь возможно ближе и вернее звуками русского язы-

ка»,— рекомендовал и В. Г. Белинский в статье «Упрощение русской грамматики».

В результате перехода от передачи письменного облика собственного имени к передаче его произношения изменились и приводившиеся уже фамилии: Невтбн — Ньётон, Дидерот — Дидро, Боккаччио — Боккаччо, Джиготто — Джотто, и т. д.

Сейчас эта система принята как будто окончательно. Почему же до сих пор так часто встречается разноречие в передаче одного и того же имени? С. Маллер полагает, что авторам подобных преобразований безразлично то, что они творят, что, мол, им Гекуба!

Но дело в том, что на протяжении последнего столетия во многих языках мира действует закон, который требует возможно более точной передачи произношения собственного имени. Русский язык здесь не исключение. Даже французский и английский языки, которым было более свойственно стремление переделывать на свой лад заимствуемые собственные имена, в последнее время стали стремиться сохранять специфику произношения. Действие этого закона не может распространяться только на новые заимствования, так как тогда они не согласовались бы с собственными именами, пришедшими в язык ранее. Поэтому происходит постоянное уточнение, упорядочение транскрипции всей системы имен. И если русский язык по каким-либо причинам вдруг будет противиться действию закона (например, из вполне объяснимого желания сохранить ранее принятую и поэтому более привычную передачу), то тем самым он сразу окажется отгороженным китайской стеной от других языков. Причем этот разрыв с каждым днем будет становиться все больше.

Сложность положения усугубляется еще и тем, что произношение наиболее хорошо освоенных русским языком и наиболее употребительных собственных имен (так называемых традиционных собственных имен) зачастую противоречит принятым в настоящее время нормам транскрипции.

Конечно, такие собственные имена, как: Англия, Франция, Норвегия, Париж, Рим, Лондон, Вена, Неаполь, Шекспир, Гейне и др.— должны сохраниться в русском языке в их привычном виде. Тем более, что чаще всего от них уже образовались нарицательные: парижанин, парижские моды, парижский шик; римлянин, римское право, римский папа (однако: романские языки); венская оперетта, венские стулья, венский вальс; неаполитанец, неаполитанские песни; английская соль, английская булавка, англист, англиканская церковь, английские фунты; французы, французская булка; шекспироведение, шекспировед, шекспировский театр, шекспировские образы и т. д. «Неужели же... надо разводить *дейчландских овчарок*, покупать *винские стулья*, принимать *инглендскую соль*, изучать *ромское право*, раздумывать над имевшей хождение теорией „Москва — третья Рома?“» — спрашивает профессор А. А. Реформатский (сб. «Транскрипция географических названий». М., 1960).

Разумеется, делать этого не стоит. Имена, ставшие традиционными, должны в языке сохраниться в привычном виде. Но не следует впадать и в другую крайность — неправомерно расширять круг традиционных имен, считая ими все более или менее привычные или употребительные собственные. Представление о традиционности всего, что попало в произведения

классиков, также недостаточно верно. Иначе нам до сих пор пришлось бы говорить: *Дант, Дидерот, Нельсón, Гамлёт, Бейрон* или даже *Бирон* (вместо *Байрон*). Ведь Репетиллов в «Горе от ума» А. С. Грибоедова произносил:

Я сам, как схватятся о камерах, присяжных,
о Бейроне, ну о матерях важных,
Частенько слушаю, не разжимая губ...

А ведь изменение этих имен в настоящее время вряд ли у кого может вызвать возмущение или протест. Кроме того, традиционность фамилии *Шекспир* отнюдь не распространяется на его имя или инициал его имени. Поэтому замена привычного *В.* на *У.* на титульном листе Собрания сочинений Шекспира была вполне оправданной, так как сейчас именно буквой *у* передается соответствующий английский звук. Например, наличие единицы электроэнергии *watt* не помешало заменить *е* на *у* в фамилии человека, давшего имя этой единице, — *Уатт*.

Как правило, традиционные имена — это давние заимствования. Фамилия Вана Клиберна, ставшая традиционной в очень короткий срок, — пожалуй, единственное исключение, лишь подтверждающее общее правило. Одним, например поэту А. Кореневу, казалось

Все равно —
Ван Клиберн или Клайберн

а другие, например Г. Нейгауз, напротив, просили сохранить первый вариант имени: «...нас пленил, захватил, зажег Ван Клиберн (позвольте мне называть его по-старому, как в те чудесные дни, когда в Москве звучала его музыка, и — да простят меня лингвисты! — разрешите оставить без внимания новую транскрипцию его имени)». Передача *Ван Клиберн* становится все более распространенной, а форма *Вэн Клайберн*, продолжающая встречаться в некоторых музыкальных изданиях, отступает на второй план. «Думается, что нашим музыкальным издательствам, — пишет в статье „Ван Клиберн или Вэн Клайберн“ лингвист Н. А. Еськова, — следует отказаться от варианта *Вэн Клайберн* и принять форму *Ван Клиберн*, — в соответствии с традицией, хотя и недолгой, но очень прочной, и с желанием самого Вана Клиберна» («Вопросы культуры речи». Вып. 4. М., 1963).

Таким образом, есть существенные причины для последовательного и регулярного уточнения транскрипции заимствованных собственных имен. И как бы нам ни хотелось, чтобы однажды воспринятые русским языком собственные имена впоследствии никогда не менялись, это практически неосуществимо потому, что (не говоря об указанных уже причинах) постоянно пополняются, уточняются наши знания о произношении передаваемых имен и совершенствуются способы их передачи на русский язык.

Невозможно также произвольно заменять принцип практической транскрипции на другой принцип — транслитерацию, как это предлагает рижский ученый Я. Лоя в статье «Против искажений» («Известия», 6 июля 1966). Практической транскрипцией, как наиболее распространенным способом передачи заимствованных собственных имен, пользуются теперь во всем мире. Отказавшись от него, легко можно оказаться в положении купринского поручика Ромашова, который, как известно, один шел в ногу,

тогда как вся рота шла не в ногу. Практическая транскрипция вовсе не выдумана профессором А. А. Реформатским и А. В. Суперанской, как предполагает Я. Лоя; но ими и их сторонниками, в том числе и рижскими лингвистами, очень много сделано для усовершенствования этого способа передачи заимствований собственных имен. Непонятно также, на основании каких работ Я. Лоя установил противоречия во взглядах А. М. Сухотина, Л. Р. Зиндера, М. И. Матусевич, с одной стороны, и А. А. Реформатского — с другой. В опубликованных работах этих ученых противоречий, о которых говорит Я. Лоя, обнаружить не удалось.

Но помимо неизбежного разнобоя, вызванного, так сказать «издержками производства» (т. е. невозможностью точно передать русскими звуками и буквами звуки и буквы языков, из которых заимствуются собственные имена), существует в передаче заимствованных собственных имен ненужный и нежелательный разнобой, проистекающий от несогласованности действий отдельных издательств, от различного подхода к одной и той же фамилии у редакторов разных газет, журналов, книг и т. п. Например, одновременно в трех газетах председатель Британской футбольной ассоциации был назван: Миарс («Комсомольская правда», 29 марта 1966), Меерс («Советский спорт», 29 марта 1966) и Миерс («Неделя», 1966, № 14). Установить, что речь идет об одном и том же человеке, можно было лишь по содержанию статей. К сожалению, этот случай не единичен.

Уже упомянутые имя и фамилия победителя Первого конкурса имени П. И. Чайковского существовали в трех вариантах: Ван Клиберна, Вэн Клайберн, Ван Клайберн; в трех вариантах встречается имя и другого американского пианиста: Байрон Джейнис, Джайнис и Джанис; в пяти вариантах — фамилия известного писателя: Генрих Белль, Бель, Бёль, Бёлль, Болль, — но вполне возможно, что где-нибудь существуют еще не обнаруженные новые варианты этой фамилии (например, Воль). Список курьезов можно продолжать до бесконечности. Но стоит ли продолжать до бесконечности ничем не оправданный разнобой в передаче собственных имен и особенно фамилий.

Очевидно, настало время для создания организации, занимающейся вопросами передачи собственных имен (точно так же, как Комитет технической терминологии и созданный в 1965 году Всесоюзный институт технической информации, классификации и кодирования занимаются вопросами упорядочения терминологии, а Отдел транскрипции ЦНИИГАиКа — вопросами транскрипции географических названий). В эту комиссию могли бы войти лингвисты, переводчики, представители печати и другие заинтересованные организации и лица. Такая постоянно действующая комиссия должна была бы выработать единые правила транскрипции заимствованных собственных имен, кроме того, в ее обязанности могло бы входить регулярное издание списков фамилий (например, ученых, сгруппированных по их принадлежности к определенной науке или группе наук, писателей, политических деятелей и т. п.). Такие списки (наподобие издаваемых списков терминов Комитета технической терминологии), разосланные во все издательства, служили бы эталоном для передачи соответствующих фамилий. Все это помогло бы устранить разнобой в передаче собственных имен, ведь внимательное отношение к заимствованиям и последовательная их передача свидетельствуют о культуре языка.

НАЗВАНИЯ НОВЫХ НАУК

XX век — век атома и гена, космонавтики и кибернетики, электроники и синтетики, век бурного развития науки и техники. В наше время, при жизни одного поколения, появились и активно развиваются планетология и интроскопия, бионика и металлוגения, гелиоэнергетика и биогеоценология и т. д.

Названия новых наук, как правило, создавались в соответствии с имеющимися словообразовательными моделями:

сложение не используемых ранее для названий наук греко-латинских основ (наркология, реаниматология, эргономика и т. д.);

сложение греко-латинских основ (ставших в русском языке продуктивными частями сложных слов) с уже имеющимися названиями наук: астрогография, астрофизика, биогеохимия, космофизика, космохимия, магнитогидродинамика, метаматематика, палеопатология, палеорентгенология и т. д.;

сложение русских основ: науковедение, наукознание, наукоучение;

сочетание двух уже известных ранее названий наук, но в новой комбинации: биологическая химия, математическая лингвистика, промышленная эстетика, техническая эстетика и т. д.;

сочетание старого слова — названия уже известной науки с неологизмом — названием новой науки: космическая медицина, космическая физика, химическая кибернетика и т. д.

В названиях новых наук возможна вариантность: науковедение, наукознание, наукоучение; палеорентгенология и рентгенопалеопатология; эргономика и эргономия и т. д. О некоторых новых науках, появившихся в последнее время, о том, как они названы и почему именно так, будет рассказано в этой статье.

Астрогеография (греч. *ἄστρον* 'звезда', 'светило', *γῆ* 'земля' и *γράφω* 'пишу') — наука, изучающая географию далеких планет и тем самым помогающая раскрыть многие тайны нашей земли. «Астрогеография... заставила меня задуматься над тайнами загадочной планеты (Венеры)» («Советская Россия», 3 марта 1966).

Биогеоценология (греч. *βίος* 'жизнь', *γῆ* 'земля', *κοινός* 'общий', *λόγος* 'учение') — наука, занимающаяся комплексным изучением живой природы. Биогеоценология очень важна для народного хозяйства. Она помогает более целесообразно использовать природные богатства («Известия», 10 июня 1965).

Биокибернетика (греч. *βίος* 'жизнь' и *κυβερνάω* 'управляю') — наука, возникшая на грани биологии и кибернетики. «В течение последнего десятилетия буквально на наших глазах родилось новое научное направление — биокибернетика. Ее главная задача — изучить общие закономерности, благодаря которым в живом организме, находящемся в непрерывном взаимодействии с внешней средой, осуществляются процессы самоуправления и самоорганизации» («Известия», 6 июня 1965).

Мезометеорология (греч. *μέσος* 'средний, промежуточный', *μετέωρα* 'атмосферные явления', *λόγος* 'учение') — наука, изучающая промежуточные, средние (мезомасштабные) атмосферные процессы. «Опять вме-

сто обещанного солнца — дождь! — нередко жалуемся мы друг другу. Однако винить в этом вряд ли стоит службу погоды. В ошибках ее прогнозов виноваты, оказывается, недавно открытые атмосферные процессы, которыми занимается новая наука — мезометеорология» («Неделя», 1965, № 43).

Науковедение, или **наукосзнание** (науко- и ведение или знание) — наука, изучающая закономерности развития науки как системы и специфические формы ее деятельности. «Предметом изучения науковедения является общий строй науки, способ формы ее функционирования, а целью — разработка теоретических основ организации планирования и управления наукой, то есть системы мероприятий, опирающихся на объективную логику развития науки, обеспечивающих оптимальные темпы ее развития и повышение эффективности научных исследований» («Вопросы философии», 1966, № 5).

Палеопатология (греч. παλαιός 'древний', πάθος 'страдание', λόγος 'учение') — наука о болезнях древнего человека, исследуемых на палеонтологическом материале. «Чем глубже проникает палеонтология в далекие времена, тем очевидней становится, что жизнь человека была все короче и короче» («Огонек», 1965, № 23).

Палеорентгенология (греч. παλαιός 'древний' и рентгенология), или **рентгенопалеопатология** (рентген и палеопатология) — наука, изучающая болезни древних людей при помощи рентгена палеонтологических материалов. «Изучая при помощи рентгена останки исторических деятелей прошлого, палеорентгенология уточняет их возраст, что часто вносит существенные поправки в исторические изыскания. Кроме того, палеорентгенология имеет большое значение и для современной медицины. Эта наука устанавливает, какова была средняя продолжительность жизни в прошлом, как происходило старение костей и суставов, как часто болели древние люди. Все это помогает медицине сегодняшнего дня успешно

бороться за продление жизни человека» («Огонек», 1965, № 23).

Радиокосмология (лат. radiāre 'излучать' и греч. κόσμος 'мир', 'вселенная', λόγος 'учение') — наука, изучающая космос при помощи методов радиоастрономии. «Изучение... (далеких планет) методами радиоастрономии породило новую науку — радиокосмологию, которая, правда, делает пока еще свои первые шаги. Благодаря всем этим исследованиям наши знания об окружающем и дальнем космосе значительно обогатились» («Правда», 6 февраля 1966).

Реаниматология (лат. reanimāre 'оживлять' и греч. λόγος 'учение') — наука о полном восстановлении основных жизненных функций организма после клинической смерти. «Сегодня удастся добиться полного восстановления жизненных функций даже после того, как остановилось дыхание и кровообращение. Новая отрасль медицины — реаниматология, исследуя закономерности угасания жизни, ищет пути ее восстановления» («Известия», 7 октября 1963).

Эргономика, или **эргономия** (греч. ἔργον 'дело, работа' и νόμος 'закон') — наука о закономерностях, об улучшении условий и повышении эффективности трудового процесса. «Проблема условий труда оператора, главной фигуры автоматизированного производства, занимает новую науку — эргономику и ее важнейшую часть — инженерную психологию» («Правда», 28 декабря 1964); «Дизайн тесно связан с эргономикой — областью науки, учитывающей, какие, к примеру, движения должен совершить рабочий, чтобы обслужить свой станок, как влияет на его самочувствие, а значит, и на производительность труда окраска цеховых стен и оборудования, шум, запахи нагретого металла» («Литературная газета», 18 июня 1966).

К. А. ЛОГИНОВА,
научный сотрудник
словарного сектора
Института русского языка АН СССР

ЗВУКИ И БУКВЫ

Говорят, один человек, впервые увидев жирафа, воскликнул: «Не может быть!» Примерно так реагируют многие говорящие по-русски, если им сказать, что они постоянно произносят согласный звук, который, как и соответствующая буква, называется йотом. Этот звук знают, например, те, кто изучал немецкий язык. С него начинаются слова: *Jahr* ‘год’, *jung* ‘молодой’, *jetzt* ‘теперь’. Но многих так и не удается убедить, что тот же самый звук постоянно произносится и в русских словах.

Интереснее всего то, что люди, не верящие в йот, часто поступают так, как будто прекрасно знают о его существовании. Это легко доказать. Один предлог в русском языке мы употребляем в двух видах: то *о*, то *об*. Мы скажем: *о книге, о матери*, но *об отце, об искусстве*. Если кто-нибудь скажет *об матери* или *о отце*, это будет воспринято как необычное употребление. От чего же зависит употребление *о* и *об*? Совершенно ясно: перед словами, начинающимися с согласного звука, мы говорим *о*, если слово начинается с гласного — *об*.

А как вы думаете, каким звуком начинается слово *ёлка*? Наверное, очень многие уверены, что гласным звуком *ё*. Проверим это с помощью нашего предлога. Мы скажем: *о ёлке (об ёлке звучит так же, как об матери или об слове), о яблоне, о юности, о ереси, о ёмкости*. Почему? Очень просто: все эти слова начинаются не с гласных *я, ю, е, ё*, а с одного и того же согласного, за которым следуют звуки *а, у, э, о*. И этот согласный звук — тот самый йот, которого не хотят признавать очень многие, хорошо говорящие по-русски.

Произнесите слова *яма, юг, ёлка, ехать*, внимательно вслушиваясь в звуки, из которых они состоят: вы непременно услышите в начале каждого слова один и тот же согласный звук. Если точно изобразить на письме начальные звуки этих слов, получится так: [jа]ма, [jу]г, (jo)лка, (jэ)хать. (Звуки даются в квадратных скобках.)

Почему же многие не подозревают о существовании йота? Одна из причин в том, что йот часто не изображается особой буквой. Большинство же людей привыкли верить буквам. Про ребенка, например, говорят, что он научился говорить «букву *р*» (удивительно: мальчик или девочка еще только года через два научится читать и вдруг, оказывается, уже говорит... букву!). Если есть

буква, люди способны услышать даже то, чего нет, и они не верят в существование звука, если для него нет особой буквы.

Эту ошибку совершают даже некоторые авторы популярных книг о русском языке. Так, писатель Борис Тимофеев в книге «Правильно ли мы говорим?» предлагает прочесть фразу, в которой стоят подряд девять гласных: «Я знаю её и её июльское увлечение». Здесь действительно идут подряд девять гласных букв: *аю её и её ию*. Но они не соответствуют девяти гласным звукам. Если изобразить на письме, как звучит этот отрезок фразы при отчетливом произношении, то получится так: «Я зна[á]у јя²jó и јя²jó пјў]льское увлечение» (с помощью *и²* передан звук, средний между *и* и *э*, который произносится на месте буквы *е* в слове перед ударением). Б. Тимофеев не распознал йота, так как он ни в одном из этих слов не передан особой буквой.

От смешения букв и звуков не застрахованы литературоведы и писатели, когда они анализируют звучание стихов. Например, в книге Юрия Олеши «Ни дня без строчки» есть такое наблюдение:

«И пусть у гробового входа...

Пять раз подряд повторяющееся „о“ — „гробовоговхо“. Вы спускаетесь по ступенькам под своды, в склеп. Да-да, тут под сводами — эхо!».

Олешу обманула орфография: пять *о* в этой строке есть только на письме. А произносится это место так: «И пусть у [грѣбавѡвъ фхѡдѣ]». Всего два звука *о* в этой пушкинской строке! Они звучат под ударением. А в остальных случаях на месте буквы *о* произносятся звуки, совсем непохожие на звук [о]. В первом и конечном слогах слова *гробового* произносятся короткие неясные звуки, похожие на [ы], они изображены у нас буквой [ъ]. А на месте второй буквы *о* в этом слове произносится звук, близкий к [а].

А вот еще один любопытный случай. У поэта Давида Самойлова есть ироническое стихотворение «Дом-музей». Бойкий экскурсовод так заканчивает рассказ о жизни маститого поэта:

Здесь он умер. На том канале.
Перед тем прошептал изреченье
Непонятное: «Хочется пе...».
То ли песен? А то ли печенья?
Кто узнает, чего он хотел,
Этот старый поэт перед гробом!

Первые слоги слов *песен* и *печенья* пишутся одинаково. А как они произносятся? Вслушайтесь внимательно в их звучание. (Только произносите естественно!) Для большей ясности попробуйте воспроизвести только первые слоги этих слов. Надо сделать так: начать произносить слово целиком, а потом неожиданно остановиться после первого слога. Если вы сумеете услышать свое произношение, то убедитесь, что начальные слоги слов *песен* и *печенья* звучат неодинаково: [п^{бэ}]сен — с ясным звуком [э] под ударением, [п^{и²}]ченья — со звуком, средним между *и* и *э*, в слове, пред-

шествующем ударному (здесь и дальше буквы с маленьким ь паверху справа изображают мягкие согласные звуки).

Если бы умирающий поэт произнес: «Хочется [п^бэ]...», это могло бы быть недооконченной фразой: «Хочется [п^бэ]сен»; но [п^бэ] не может быть началом слова [п^би^э]чénья. Наоборот, если бы поэт сказал: «Хочется [п^би^э]...», можно было бы предположить, что недосказанное слово — [п^би^э]чénья (но не [п^бэ]сен). Значит, здесь тоже не учтена разница между звуками и буквами.

В случае с йотом (вернемся к нему) неразличение букв и звуков приводит, как мы видели, к особенно серьезным недоразумениям: многие вообще отказываются верить в существование звука, который постоянно произносят. Как же йот изображается на письме? В разных случаях по-разному. Есть особая буква — й, существующая специально для передачи йота; но она изображает не всякий йот, а лишь такой, который стоит на конце слова или перед согласным: *рой, буй, лейка, майка*. У этой буквы предательское название — «и краткое» (из первоначального «и с краткой»; «кратка» — надстрочный знак $\smile$). Чтобы объяснить, почему гласная буква *и* используется при передаче согласного звука йота, надо подробно рассказать о гласных и согласных, что может быть темой особой статьи.

А йот, за которым следуют гласные звуки, в русском письме не передается особой буквой. (Правда, есть исключения; среди них — слово *йот*, которое все время употребляется здесь; ср. также: *йод, йог, майор, район* и другие заимствованные слова.) Звук йот вместе со следующим гласным звуком изображают те самые буквы, которые ввели в заблуждение Б. Тимофеева: *я, ю, е (ё)*. Буква *я* равна сочетанию [j + а] (яма = [ja]ма, струя = стру[ja]); *ю* = [j + у] (юрта = [ju]рта, даю = да[jy]); *е* = [j + э] (ель = [jə]ль, поел = по[jə]л); буква *ё* (употребляемая, как известно, непоследовательно) равна [j + о] (ёлка = [jo]лка, паёк = па[jo]к).

Но сложности на этом не кончаются. Буквы *я, ю, е, ё* передают сочетания «йот + гласный» только тогда, когда они начинают слово или следуют за гласной буквой (примеры см. выше). Написанные после согласных букв, они приобретают совершенно другое значение: показывают (кроме изображения гласного звука), что предшествующая буква должна читаться как мягкий согласный звук: *мья* = [m^бa]л, *люк* = [l^бy]к, *нет* = [n^бэ]т, *вёл* = [v^бo]л. К йоту такие *я, ю, е, ё* не имеют никакого отношения.

Есть еще одна сложность. Как передать на письме сочетание «согласный + йот + гласный», если *я, ю, е, ё*, написанные после согласных букв, не способны передавать сочетания «йот + гласный»? На помощь приходят буквы *ъ* и *ь* — так называемые разделительные знаки. Написание *тя* передает звучание [т^бa] (без всякого йота!); а вот написания *тья* или *тья* изображают как раз то, что нужно: [тja] или [т^бja] (отъявленный = [отja]вленный, *статья* = ста[т^бja]). Сравните также, как пишутся и произносятся слова: *гостя* — гóстя, *сестя* — сьестя, *о чём* — о чьём. Такие *ъ*

и сами не передают никаких звуков, они лишь предупреждают, что следующие буквы *я, ю, е, ё* нужно читать как «йот + гласный» (можно бы и называть их не разделительными, а «предупредительными» знаками).

Большинство читающих и пишущих по-русски, прекрасно умея практически соотносить написание с произношением, отчетливо не осознают, каким звукам какие письменные изображения соответствуют. И звук йот оказывается для них надежно скрытым за всеми хитроумными способами его письменной передачи.

В заключение предлагаем вам выполнить небольшое задание.

Известно, что слова можно читать наоборот, от конца к началу: *том — мот, тол — лот, кот — ток* и т. п. Можно воспроизвести в обратном порядке и звуки, составляющие слово. Для приведенных слов результат получится тот же, что и при обратном чтении букв. Но так бывает не всегда. Например, имя *Аня*, прочтенное наоборот по буквам, дает *Яна* (такое имя тоже есть). А что получится, если воспроизвести в обратном порядке составляющие его звуки? Оказывается: *Аня* = [ан^Ьа], а наоборот... тоже [ан^Ьа]. Слово *яр*, прочитанное наоборот по буквам, дает *ря*. А что получится при обратном произнесении звуков? *Яр* = [jar], а наоборот — [raj], т. е. *рай*.

Ниже даны семь слов. Найдите среди них две пары, которые при обратном произнесении звуков переходят друг в друга (как *кот — ток* и *яр — рай*). Найдите также три слова, звучание которых не изменится, если их звуки произнести в обратном порядке (как у слов *шабаш, кабак, Аня*).

Вот эти семь слов:

ЕЛЬ, ЕЙ, КУЛЬ, АСЯ, ЛЕЙ, ЛЮК, ЕЛЕЙ

Только помните: если читать слова наоборот по буквам, ничего не получится. Ответы помещены на стр. 87

Н. А. ЕСТЬКОВА,
научный сотрудник
Института русского языка АН СССР

**В следующем номере
„РУССКОЙ РЕЧИ“
в разделе „Введение в языкознание“
будут напечатаны статьи
об изучении истории русского языка
и о современных русских говорах**

О СУФФИКСЕ *-щик* ПОСЛЕ *т*

Общее правило орфографического разграничения суффиксов *-чик* и *-щик* хорошо известно. В школьном «Учебнике русского языка» С. Г. Бархударова и С. Е. Крюčkова оно сформулировано так: «...после *д, т, з, с, ж* пишется суффикс *-чик*, после остальных согласных — *-щик*. Например: переводчик, летчик, возчик, переписчик, перебежчик; но: банщик, фонарщик» (ч. 1. М., 1961, стр. 114). В других работах можно найти уточнения: суффикс *-чик* появляется после основ на *д, т, з, с, ж* и на *к, ц, ч, г, зд, ст* (А. А. Дементьев. Агентивные суффиксы *-щик, -чик* в русском языке.— «Ученые записки Куйбышевского пед. ин-та». Вып. 2. 1938; В. В. Виноградов. Русский язык. М.— Л., 1947, стр. 99; А. Б. Шапиро. Русское правописание. 2-е изд. М., 1961, стр. 97).

Это не меняет приведенного школьного правила, так как звуки *к, ц, ч* и *г* перед суффиксом *-чик* заменяются звуком *т* и *ж*, а в сочетаниях *зд* и *ст* конечные звуки — *д* и *т*.

Однако, вопреки правилу, суффикс *-щик* иногда оказывается там, где должен бы быть *-чик*, например: асфальтщик, ремонтщик и др. В школьном учебнике исключение из правила не дано, но соответствующую справку можно легко найти во многих пособиях для учителей. Хуже то, что само исключение в данном случае не сформулировано четко; нет и полного перечня слов, подпадающих под это исключение, обычно приводят одни и те же два-три слова, например: флейтщик, ремонтщик. В пособиях имеется указание на иноязычный характер производящих основ, от которых образуются существительные на *-щик* после *т*, что каким-то образом уточняет сферу необычного применения этого суффикса.

Уточнения, еще более ограничивающие сферу применения суффикса *-щик*, находим у А. Б. Шапиро («Русское правописание». М., 1961, стр. 97): *-щик* может писаться после *т*, а также после *д* «лишь в немногих словах, обычно более позднего образования» от основ существительных (не глаголов): асфальтщик, бриллиантщик, алиментщик, позументщик и др.; у А. М. Земского и др. («Русский язык». Ч. 1 М., 1963, стр. 145): «Некоторые слова, образованные от основ иноязычного происхождения, имеющие перед *т* согласную или *й*, получают суффикс *-щик* (а не *-чик*): флейтщик, асфальтщик, и др.»; и в академической «Грамматике русского языка» (т. I. 2-е изд. М., 1960, стр. 217): *-щик* после *т* появляется лишь в том случае, если *т* предшествуют носовой, плавный или *й*. Наконец, в указанной статье А. А. Дементьева, специально посвященной суффиксам *-щик, -чик*, сказано следующее: «Иногда суффикс *-щик* может присоединиться и к основам на *д, т* в том случае, когда мы имеем основу слова иноязычного происхождения, оканчивающуюся на два согласных звука (большей частью на *-ент, -ант*): бриллиантщик, монументщик, алиментщик».

Приведенные формулировки противоречивы, так как объединяет их только общее положение: слов рассматриваемого типа немного, чаще всего они образованы от иноязычных основ. В более конкретной характеристике условий необычного появления суффикса *-щик* единства нет. Появляется ли суффикс *-щик* после *т* и *д* только в том случае, если перед ними стоят согласные? Если да, то какие согласные — любые или только некоторые, и какие именно? Это наиболее важный вопрос. Ответить на него можно, только обратившись к фактическому языковому материалу.

Как уже было отмечено выше, иллюстрацией данного орфографического явления служат в общей сложности всего 6 слов: алиментщик, асфальтщик, бриллиантщик, позументщик, ремонтщик, флейтщик — на *-щик* после *т*. На самом деле таких слов гораздо больше. По словарям и специальной литературе (в первую очередь здесь должны быть названы сборники официальных наименований профессий — тарифно-квалификационные справочники, а также словари занятий, алфавитные и систематические, составленные в связи с переписями населения СССР в 1939 и в 1959 годах) обнаружены следующие слова с суффиксом *-щик* после *т* и *д*:

акцидентщик	контактщик	реагентщик
алебардщик	монументщик	ремонтщик
алиментщик	обвертщик	ротапринтщик
асфальтщик	орнаментщик	ретортщик
биллиардщик	пеперментщик	руберойдщик
бриллиантщик	пергаментщик	свертщик
гирляндщик	перевертщик	штандартщик
кобальтщик	позументщик	флейтщик
комплиментщик	процентщик	экстрактщик

— всего 27 слов, из них 3 (обвертщик, перевертщик, свертщик) образованы не от иноязычной производящей основы.

Перечисленные слова имеют перед суффиксом *-щик* два согласных звука: *т* или *д* с предшествующими *н*, *р*, *й* и *ль*, *к* (только перед *т*). В зависимости от звукосочетаний, предшествующих суффиксу *-щик*, эти слова распределяются следующим образом: с предшествующим звукосочетанием *-нт-* — 13 слов; *-нд-*, *-йт-*, *-йд-* — по одному слову; *-рт-* — 5 слов; *-рд-*, *-льт-*, *-кт-* — по два слова.

Приведенный материал позволяет сделать следующие выводы:

1. Условие появления суффикса *-щик* после *т* и *д*, указанное академической «Грамматикой» (наличие перед *т*, *д* гласных, носовых и *й*, т. е. вообще сонорных), соответствует подавляющему большинству случаев, но не всем. Слова: *контактщик*, *экстрактщик*, имеющие перед *т* не сонорный звук, а шумный *к*, противоречат этому условию. Следует отметить, что это условие нарушается и в том случае, когда при предшествующем *р* после *т* может быть и суффикс *-чик*: *завертчик*, *навертчик*, *обертчик*, *подвертчик* (ср. слова того же корня с *-щик*: *обертщик*, *перевертщик*, *свертщик* — явное орфографическое колебание).

2. Другое условие появления *-щик* после *т* и *д*, называемое некоторыми авторами (наличие перед *т*, *д* любого согласного), хотя и объясняет написание всех приведенных выше слов, однако вступает в противоречие с написанием целого ряда других слов: *винипластчик*, *дефектчик*, *оснастчик*,

очистчик, разверстчик, объездчик, подъездчик. (См. и приведенные в пункте 1 слова: завертчик, наvertчик и т. п. — всего 12 слов: 4 — на *-ст-чик*, в том числе на *-рст-чик*; 2 — на *-зд-чик*, 1 — на *-кт-чик* и 5 — на *-рт-чик*.)

Если предпочесть точку зрения академической «Грамматики», то правило о написании *-чик* после *т* и *д* с предшествующим им сонорным звуком можно сформулировать в самой категорической форме, без какого-либо исключения, написание слов, противоречащее этому правилу (с одной стороны — *контактчик*, *экстракчик*, с другой — *наvertчик* и др.; см. выше), изменить, привести в соответствие с общим правилом. Тем более, что написание их нельзя пока считать нормированным; в большом «Орфографическом словаре русского языка» (Институт русского языка АН СССР) указано только слово *завертчица*, а в печати наблюдается разнoбoй: однoтипные слова, а иногда даже одно и то же слово, пишутся по-разному (*контактчик* и *контактчик*, *обvertчик*, но *обертчик* и т. п.). Приводить ряд слов в виде исключения из правила в данном случае нецелесообразно.

Вторая точка зрения, считающая условием появления *-чик* после *т* и *д* наличие перед ними любого согласного, также имеет известные основания. В ее пользу говорит и тот факт, что общее количество слов с *-чик* после двух согласных значительно превышает количество с *-чик* в тех же условиях: в обратном словаре Х. Х. Бильфельдта (Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart. Berlin, 1958) первых зафиксировано 13, а вторых — только 2; в моих материалах имеется соответственно 43 и 14 слов (к перечням, данным выше, надо прибавить для *-чик*: аморфчик, анклепчик, бассейнчик, ванник, геклингчик, досмотрчик, кормчик, надсмотрчик, насмотрчик, осмотрчик, пасбургчик, пересмотрчик, присмотрчик, просмотрчик, стренгчик, тюбингчик; для *-чик*: обдержчик, резонансчик).

Слова и типы слов с колеблющимся написанием (*контактчик* и *контактчик* и т. п.; см. выше) более всего тяготеют к написаниям с *-чик*, так как последних большинство. Ряд слов, известных сейчас в написании с *-чик* после двух согласных (с последним *т*), легко перенесет изменение написания: *дефектчик*, *винипластчик* и т. п., тем более, что в «Орфографическом словаре русского языка» они не зафиксированы, а следовательно, написание их еще не нормировано. Остаются слова: *объездчик*, *подъездчик*, *завертчица*, *оснастчик*, которые даны в «Орфографическом словаре». Два первых слова к тому же закреплены в таком виде длительной традицией и изменение в их написании может встретить возражение. Но в то же время их можно включить в общее правило с *-чик* после групп согласных.

Общее правило написаний суффиксов *-чик* и *-чик* в этом случае будет сформулировано примерно так: *-чик* пишется только после одиночных *т*, *д*, *с*, *з*, *ж*; *-чик* — после других одиночных согласных и после любых их сочетаний. Второй вариант проще первого, но он потребует пересмотра орфографической практики, а иногда и действующих установок в отношении большого количества слов.

Но возможен и третий вариант: установить написание *-чик* только после одиnочных *т* и *д*, а во всех остальных случаях (после других оди-

ночных согласных и после любых сочетаний согласных) писать *-чик*. Правило будет очень простым (в самой формулировке его можно оговорить лишь условия употребления *-чик*, например: «Суффиксы *-чик*, *-чик*: *-чик* пишется только после одиночных *т* и *д*»). Оно найдет ощутимую опору в произношении: звуко сочетание на стыке корня и суффикса в образованиях от основ на *-т* или *-д* произносится как долгое (двойное) *ч* (*леччик*, *прохоччик*), что невозможно передать буквой *ц*, и поэтому должно быть передано сочетанием букв *тч* или *дч*. В образованиях же от основ на *с*, *з*, *ж* произносится *ш'ч* или *ц* (перепиш'чик или перепищик, обмаш'чик или обмашик, перебеш'чик или перебешик), чему более соответствует буква *ц*, а не сочетания *сч*, *зч*, *жч*. Конечно, перед *ц* должны быть сохранены в силу морфологического принципа орфографии и корневые *с*, *з* или *ж*. Здесь, таким образом, *ц* будет принадлежать целиком суффиксу, что является, по существующим «Правилам русской орфографии и пунктуации» (М., 1956, § 54), одним из основных условий употребления *ц* вообще (только в орфографическом отношении, но не по произношению).

Если будет принят этот вариант, то отмечаемые академической «Грамматикой русского языка» (т. I, стр. 220) как возможные лишь в фамильно-бытовой речи слова с *-чик* после *с* (автобусчик) орфографически будут вполне нормативными. Кстати, там же и с той же оговоркой приводится и слово *аппалягчик* (с *-чик* после нечередующегося *г*). Но такое написание не противоречит и существующим правилам, ср. *центрифугчик*, а также *пассбургчик* и *геклингчик*, *стренгчик*, *тюбингчик* (после *г* с предшествующим *н*). Такое написание должно сохраниться и по новому правилу.

Итак, возможны три варианта правила о правописании суффиксов *-чик*, *-чик*:

1. Суффикс *-чик* — после одиночных *т*, *д*, *с*, *з*, *ж* и после *т*, *д* с предшествующими несонорными согласными; *-чик* — после других одиночных согласных и после *т*, *д* с предшествующими сонорными (по академической «Грамматике русского языка»).

2. Суффикс *-чик* — только после одиночных согласных *т*, *д*, *с*, *з*, *ж*; *-чик* — после всех других согласных и после любых сочетаний согласных (по А. А. Дементьеву);

3. Суффикс *-чик* — только после одиночных *т* и *д*; *-чик* — во всех остальных случаях (новый вариант).

Третий вариант потребует пересмотра и упорядочения большего, чем первый и второй варианты, количества имеющихся написаний, в том числе и устоявшихся, но он очень прост и более других соответствует фактам языка.

А. И. МОИСЕЕВ,
доцент ЛГУ

**В следующем номере
„РУССКОЙ РЕЧИ“
читайте материалы по истории
русского правописания**

ВНИМАНИЕ: КАВЫЧКИ!

Перед нами — газетная заметка под рубрикой «Вчера нам сообщили».

«ЗВЕЗДОЧЕТ» УЕЗЖАЕТ ДОМОЙ

Из Ленинграда в Баку отправился «пассажир», которому пришлось предоставить несколько платформ. Гигантский телескоп «АЗТ-15» с маркой Ленинградской оптико-механической фирмы адресован Шемахинской астрофизической обсерватории... Баку — не конечная точка его путешествия: телескопу еще предстоит «совершить восхождение» на плато Пиркули, где воздвигнуты башни новой обсерватории. ...Инструмент-великан снабжен разнообразными автоматическими устройствами. Его фотогид, взяв «на прицел» звезду, не выпускает ее из поля зрения до конца наблюдения... Новый «звездочет» — второй астрономический инструмент такого типа, уезжающий из Ленинграда на Кавказ. Его старший брат — телескоп «АЗТ-10» работает в Бюраканской астрофизической обсерватории... («Правда», 12 ноября 1965).

Уже при беглом чтении этого текста видно обилие в нем кавычек: «звездочет», «пассажир», «совершить восхождение», взяв «на прицел»... Общеизвестны со школьной скамьи правила употребления кавычек — для обозначения прямой речи, цитат, условных наименований (газета «Правда», атомоход «Ленин»). В приведенном отрывке мы имеем дело с более сложными случаями, когда кавычки выделяют «слова, употребляемые не в своем обычном значении; слова, употребляемые иронически; слова, впервые предлагаемые или, наоборот, устарелые и необычные и т. п.» («Правила русской орфографии и пунктуации». М., 1956, § 193). Кавычки в заметке — знак того, что слова и выражения употреблены здесь не в прямом, а в переносном значении.

Если постановка кавычек при цитате или названии атомохода — обязательное правило, несоблюдение которого расценивается как ошибка, то постановка кавычек при переносном или ироническом употреблении — дело сугубо добровольное, правило здесь не имеет принудительной силы. И в приведенной заметке есть другие слова и выражения, которые автор мог бы взять в кавычки (*путешествия, уезжающий, старший собрат, работает*), однако он этого не сделал. В газетах нередки примеры такой непоследовательности. Например: «За „круглым столом“ „Комсомолки“», а рубрика называется «Круглый стол комсомольских проблем» («Комсомольская правда», 21 апреля 1966). Вот почему в «Правилах орфографии и пунктуации для работников печати» К. И. Былинского и Н. Н. Никольского (М., 1957) дана более гибкая формулировка этого правила: «Кавычками выделяются: а) слова непривычные, малоупотребительные, если автор хочет обратиться на это внимание; б) слова устарелые и совсем новые, если автор хочет подчеркнуть эту их особенность...» (§ 228. Разрядка моя.— Б. Ш.).

Но может быть, такие «необязательные» кавычки вообще не нужны и лучше было бы ограничить правила употребления кавычек выделением прямой речи, цитат и условных наименований? Тем более, что в «необязательных» случаях для пишущего могут быть сложные моменты, такие, как определение «первого употребления» или «устарелости» конкретного слова,

а сама формулировка: «не в своем обычном значении» — недостаточно четкая, слишком емкая. Такое заключение можно вывести из диалога о кавычках писателей А. Крона и Л. Успенского («Литературная газета», 16 октября 1965). Их точка зрения по существу сводится к следующему: «Кавычки стали орудием перестраховки... В нем слились все виды недоверия: недоверие к читателю, будто бы неспособному понять из контекста истинные намерения автора; недоверие к автору, повлекшее злоупотребление цитатами, и, наконец, недоверие автора к самому себе» (А. Крон); «...в кавычках, как в трусиках (sic!), — всё спокойно: и сам знаю, что вульгаризм, а нарочито, с некоторым допустимым легкомыслием им играю... А чтобы было, чем оправдаться, — пожалуйста, кавычки! ...Вот так кавычки и перерастают в какбычегоневычки..., которые чаще всего являются не знаком препинания, а знаком гражданской робости, знаком снятия с себя ответственности за сказанное...» (Л. Успенский).

Сравнив определение кавычек в двух словарях — В. И. Даля («Знаки... чужих слов») и под редакцией профессора Д. Н. Ушакова («Знак... для выделения чужих слов, цитаты, прямой речи действующих лиц..., а также названий литературных и других произведений и слов, употребляемых в ироническом или условном, несобственном смысле»), — Л. Успенский ужасается: «Смотрите-ка, как она развивается, кавычка!» Совершенно верно! Функции кавычек не остаются неизменными, и «необязательные» случаи употребления кавычек есть результат этого развития.

Действительно, в XIX веке кавычки почти всегда «знак чужой речи». Но постепенно в газетно-журнальной практике складывались новые, дополнительные функции кавычек. Об этом свидетельствуют и такие наблюдения языковедов: «Кавычками отмечаются также отдельные слова в речи, на которые пишущий желает обратить особенное внимание читателя» (В. Зелинский. Указатель (систематический и алфавитный) при расстановке знаков препинания. М., 1892); «Кавычками выделяются слова и выражения, чужие по отношению к пишущему, т. е. сказанные другим лицом, и такие, которые автор хочет представить читателю чужими» (С. Н. Браиловский. Знаки препинания и другие знаки, употребляемые в современном русском правописании. — «Русский филологический вестник», 1905); наконец, кавычки — «предполагаемый и возможный знак иронии» (И. А. Бодуэн де Куртене. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912).

Чем вызывалось развитие новых функций кавычек? Прежде всего необходимостью каким-то образом выражать на письме различные и весьма сложные смысловые оттенки, чаще всего — переносный характер слов и выражений. Стремясь помочь читателю избежать буквального понимания, мы ставим кавычки, например, в таком тексте: «Сегодня на новогодней елке в Большом Кремлевском дворце смогут „побывать“ миллионы школьников Польши, Чехословакии, ГДР, Венгрии: из Кремля будет вестись телепередача» («Вечерняя Москва», 6 января 1962). И при отсутствии кавычек читатель, дочитав текст до конца, поймет, конечно, что слово *побывать* означает здесь не «посетить какое-либо место», а «увидеть». Постановка кавычек в данном случае экономит время читателя, предупреждает его: «Внимание! Переносное употребление!».

Такого рода предупреждение, стремление отмечать кавычками переносное употребление стало в некоторых жанрах газеты обычным. Этому спо-

собствует, например, специфика газетной информации: большую часть ее текста составляют привычные (для данной сферы деятельности) термины и словосочетания и так называемые штампы. Естественно поэтому стремление авторов «оживить» текст средствами образности. И тогда появляются заголовки типа «Электрическая река» — в информации о строительстве высоковольтной линии электропередачи («Правда», 15 мая 1966) или «„Золотые“ лыжи Алевтины» («Вечерняя Москва», 22 февраля 1962); привычными становятся уже «мушкетеры» вместо *фехтовальщики* (хотя *мушкетер* происходит от названия огнестрельного оружия — мушкета; здесь, вероятно, сказывается влияние романов Дюма — в них Д'Артаньян и его друзья в основном орудовали шпагами...).

В одной из своих статей поэт Павел Антокольский говорит о таких стихах, «когда всё приходится понимать в смысле прямо противоположном буквальному» («Новый мир», 1966, № 4); для газетной информации характерна противоположная установка — обеспечение максимально быстрого и точного (адекватного замыслу автора) понимания текста. И кавычки служат этой установке, впрочем, не только в данном жанре, а и в других, сигнализируя подчас о настоящем — противоположном! — смысле слова, например: «Я очень тронут тем, что ты хлопочешь за противного тебе человека — ведь я знаю твою „симпатию“ к Кашкиной...» (Н. Усова. Перечитывая дневники).

В письменной речи, кроме того, ощущается потребность показать отношение пишущего (в самом широком смысле). В устной речи в подобных случаях на помощь приходит интонация; в письменной речи эту функцию стали выполнять кавычки (недаром мы часто, не надеясь на интонацию, говорим: *специалист в кавычках*). Иногда такие кавычки — знак неприятия каких-либо жизненных явлений и понятий, например: «А в гардеробе по-прежнему царят старые законы: за обслуживание брать „часовые“... Правда, он старается взять „на чай“ незаметно» («Вечерняя Москва», 24 мая 1962); «...скучны и однообразны „мероприятия“, организуемые воспитателями» («Вечерняя Москва», 19 июня 1962).

Особый случай — так называемые иронические кавычки. В статье «Словарь Ленина-полемиста» Ю. Тынянов показал, какую важную роль в ленинской полемике играл этот прием: «Слова: *коалиционное, национальное, парламентское* правительство — взяты в кавычки. Слово вышиблено из его позиции. Слово заподозрено в его конкретном значении. Слова „национальное, коалиционное, парламентское“ — слова с сомнительным конкретным значением» (Ю. Тынянов. Проблема стихотворного языка. Статьи. М., 1965).

Чем более развит литературный язык, тем большим количеством различных стилей он представлен. А каждый стиль литературного языка (будь то деловой или научный, публицистический или разговорно-бытовой) характеризуется определенным подбором слов, выражений, конструкций: когда меняется характер речи, мы и говорить начинаем иначе, подбирая другие слова и обороты.

В газетном тексте, как ни в каком другом, наиболее часто сталкиваются слова и выражения из разных стилей. Например, в цитированной заметке «„Звездочет“ уезжает домой»: и старинное книжное *звездочет*, и спортивное (альпинистское) *совершить восхождение*, и военное или охотничье

взять на прицел — рядом с техническими терминами *автоматическое устройство* и *фотогид*. Слово, наиболее резко контрастирующее с текстом, являющееся как бы цитатой из другого стиля, мы часто ставим в кавычки. Вот типичный образец: «А представители Китая, Индии, Бирмы — энтузиасты подледного лова. В предвкушении крупных трофеев „высокие стороны“, облачившись в валенки и тулупы, разошлись в разных направлениях» («Чудесная погода, великолепный отдых!» — говорят зарубежные послы. «Вечерняя Москва», 16 января 1961). Дипломатический оборот выделен на фоне фразы разговорного характера. А вот пример, когда разговорное выделяется на фоне научно-популярного текста: «Когда к кристаллу прикладывается напряжение, соседний электрон „прыгает“ в дырку, в новую „дырку“ опять прыгает соседний электрон... и „дырка“ пришла в движение» (А. И. Китайгородский. Порядок и беспорядок в мире атомов. М., 1959).

Очевидно, что общеизвестные правила употребления кавычек, удовлетворяющие нужды школы и деловой речи, совершенно недостаточны для тех, кто имеет дело с языком как «орудием производства». В руководствах по правописанию кавычки рассматриваются главным образом со стороны обозначения «чужой речи» или общепринятых условных наименований и только очень робко приоткрывается завеса над случаями «необязательными». Именно в газетно-журнальной практике особенно ярко проявляется вторая, новая функция кавычек — как оценочного знака, своего рода стилистической или семантической пометы слова в письменном тексте, важнейшего средства стилистики письменной речи (важнейшего, но не единственного: в той же роли, что и кавычки, используются курсив, полужирный шрифт, разрядка).

И совершенно закономерно, что употребление такого тонкого и сложного средства письменной речи является необязательным. Пишущий должен обладать высоко развитым языковым чутьем, чтобы ощущать «необычное», «ироническое» и т. п. Но и одного чутья, конечно, недостаточно: нужно обладать необходимой языковой культурой, чтобы соблюсти такт в применении этого графически отчетливого, бросающегося в глаза знака.

При тенденции в газете заключать в кавычки образное или переносное употребление слова, естественно, может возникнуть злоупотребление кавычками. Сплошь и рядом в кавычках употребляют слова, метафорическое значение которых стало уже привычным (так называемые языковые метафоры): «Прямо на глазах парашюты у сходов в тоннель „одеваются“ широкими коричневыми плитами» («Вечерняя Москва», 6 февраля 1962); «„Зеркало“ состязаний — турнирная таблица» («Правда», 10 июня 1962). Берутся в кавычки даже образные фразеологические выражения или их компонент, представляющийся переносным: «„Старый морской волк“, отдавший морю полвека жизни, написал эту книгу» («Новый мир», 1964, № 3); «взяв „на прицел“» (в приведенной заметке «„Звездочет“ уезжает домой»).

Встречаются и случаи «перестраховки», о которых говорил Л. Успенский. Например: «Думаете, что вас „на пушку“ берут, как говорят уголовники. На испуг?» (Л. Шейнин. Дебют). А вдруг подумают, что автору свойственно употребление этого выражения! И автор в прямой речи персонажей ставит кавычки, а то и дублирует их, указывая: «как говорят уголовники». Вот уж поистине недоверие и к другим, и к себе!

Можно было бы, наконец, указать на целый ряд слов и выражений, которые уже много лет не могут вырваться из плена кавычек. Это, например: *зеленая улица, узкое место, под занавес*, ставшая уже древностью *авоська, болеть* (а иной раз и *болеющий*) и многие другие.

Однако все эти — весьма многочисленные — случаи злоупотребления не могут бросить тень на самую оценочную функцию кавычек (как и случаи злоупотребления заимствованными словами, о которых писал еще Ленин, не должны и не могут привести к отказу вообще от использования заимствованных слов). Надо только не «нестрелять» кавычки такого типа (к чему призывает Л. Успенский), а разобраться в конкретных условиях применения и в их функции в разных контекстах. Материалом для такого анализа может служить множество примеров из самых разных жанров (и прежде всего газетных), например, превосходные научно-популярные статьи Вл. Орлова.

Кавычки в оценочной функции стали привычным орудием всех пишущих: и журналистов, и писателей, и самих читателей, когда они берутся за перо. Показателен, например, факт, когда один из старейших наших писателей, доказывая, что слово *шуршать* (которое Тургенев считал орловским) в наши дни стало общепринятым, пишет: «...никому из поэтов, писателей и вообще никому не приходило в голову брать в кавычки слово *шуршать*, относить его к речениям местным, областным» (К. Федин. Как мы пишем. М., 1966, стр. 15). Это замечание свидетельствует о том, что для К. Федина кавычки — привычный способ оценки слова.

Так все возрастающая потребность в разнообразии изобразительных средств закономерно привела к появлению новых функций кавычек — оценочно-стилистических. Это представляет пишущим громадные возможности. Но приводит ли в каждом данном случае использование кавычек к более точному и яркому выражению мысли или результатом оказываются «трусикки», перестраховка автора — все зависит от самого пишущего, от его понимания и знания языка.

Б. С. ШВАРЦКОПФ,
научный сотрудник
Института русского языка АН СССР

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

Исправьте предложения:

1. В декабре наш завод отмечает тридцатилетнюю годовщину со дня своего основания.
2. Отстающие и недисциплинированные ученики отда ны под попечение родительского комитета.
3. В решении местного комитета указывается о недопустимости нарушений трудовой дисциплины.
4. Звание чемпиона республики занял молодой спортсмен из общества «Труд».
5. Все ремонтные работы решено закончить на месяц досрочно.
6. Выставка уже готова к приему посетителей и днями будет официально открыта.

(Ответы см. на стр. 87)

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ В СОЧИНЕНИЯХ

Анализ сочинений поступающих в МГУ показывает, что в последнее время значительно увеличилось количество стилистических ошибок. Школа уделяет сейчас больше внимания орфографии и пунктуации, чем способам выражения мысли, использованию словарных ресурсов языка. Поэтому нередки случаи, когда на пороге высшего учебного заведения оказываются люди, плохо владеющие русским языком, недостаточно знакомые с нормами словоупотребления. Поступающие нередко не соглашались с оценкой, заниженной экзаменатором за существенные речевые недочеты. Некоторые из абитуриентов полагают, что оценка за стилистические неправильности произвольна, что экзаменаторы слишком строги. На самом деле преподаватели при оценке стилистической грамотности сочинений руководствуются утвержденными Министерством просвещения РСФСР «Нормами оценки письменных работ учащихся», в которых говорится о том, какая оценка должна быть выставлена при ошибках «в выборе слов и построении предложений».

В русском языке существуют исторически сложившиеся нормы (в том числе и нормы в области стиля). Под нормой понимается совокупность наиболее правильных, совершенных элементов, отобранных из того множества слов, грамматических форм и произносительных вариантов, которые предоставляет язык в распоряжение каждого из нас. Нормативное употребление слов зафиксировано толковыми словарями, там же сообщаются важнейшие сведения о сочетаемости слов в предложениях.

Следовать существующей норме языкового выражения мысли обязан каждый грамотный человек. Раскрывая тему сочинения, экзаменуемый должен излагать мысли логично и последовательно, простым, ясным и вместе с тем выразительным языком, подбирая наиболее подходящие слова и выражения, конструируя предложения по законам русского синтаксиса. Отклонения от норм русского литературного языка в употреблении, образовании, изменении, сочетании слов и построении предложений являются стилистическими ошибками.

Многие стилистические ошибки связаны с тем, что пишущий сочинение плохо понимает значение употребляемых им слов. Например: «Можно с уверенностью сказать, что мы, **современники**, многое унаследовали от наших **сверстников**; подвиг молодогвардейцев всегда будет вдохновляющим примером для нашей молодежи»; «На образе Павла Корчагина мы видим, как закалялись и мужали наши **современники** в годы борьбы за Советскую власть». Ошибки в этих предложениях легко будут поняты, если обратиться к толковому словарю русского языка: **ровесник** 'человек одинакового с кем-либо возраста'; **современник** 'тот, кто живет в одно время с кем-либо'.

Особенно часто путают слова, напоминающие одно другое по звучанию и различающиеся только суффиксами, например: **социальный** и **социалистический**, **идейный** и **идеальный**, **идеологический** и **идеалистический**, **популярный** и **популяризаторский**. Это же относится и к словам **существование** и **сосуществование**, первое из которых является производным от глагола **существовать** 'быть, иметься в наличии', а второе — от **сосуществовать** 'существовать одновременно или совместно с кем-либо'. Ошибки типа «Советский Союз проводит политику мирного **существования** с капиталистическими странами» и «Мы не имеем права забывать о **сосуществовании** буржуазной идеологии» очень распространены.

Нередко у поступающих появляется желание щегольнуть каким-нибудь необычным, научным (с их точки зрения) термином. Неточное знание истинного значения того или иного иностранного слова приводит к неверному словоупотреблению, искажающему содержание самой мысли: «12 апреля 1961 года весь мир потрясла величайшая **ассоциация**» (вместо **сенсация**).

Нечеткое представление о значении слов порождает лексико-стилистические ошибки, находящиеся на границе с логическими: смешение понятий образа и героя, писателя и его творчества, например: «**Образ** Базарова **был** **подмечен** Тургеневым верно»; «**Образ** Лютикова **показывает** руководящую роль партии в напряженной схватке с врагами»; «**В изображении** Собакевича **показан** эгоист, для которого все — мошенники и воры».

Часто ошибки вызваны тем, что автор, хотя и правильно понимает значение слова, но не учитывает возможностей сочетания данного слова с другими словами: «Коммунизм **поднимает** на огромную высоту **господство** людей над природой»; «Роман Шолохова „Поднятая целина“ является **действительным отражением** борьбы за строительство социалистического хозяйства»; «Речь Павла полна **политическими словами**: „частная собственность“, „социализм“, „партия“»; «Наш народ сумел **завоевать революцию** и перейти к новой, счастливой жизни»; «Я постоянно буду расширять свой **кругозор о нашей природе**; Кавказ, Алтай, Памир — это будущие места моих путешествий».

Сочетания **играть роль** и **иметь значение** часто заменяются неправильными оборотами **играть значение** и **иметь роль**.

Очень распространенный, чуть ли не преобладающий стилистический недочет — повторение одних и тех же слов: имен собственных, местоимений, существительных, предлогов между однородными членами предложения. Это именно недочет, а не ошибка, ибо здесь нет нарушения литературной нормы. Однако повторения неизбежно вызывают у экзаменатора мысль о бедности словаря абитуриента. Русский язык богат синонимами как среди знаменательных, так и среди служебных частей речи; если своевременно и уместно ими воспользоваться, не появятся такие предложения: «**Уже** страшные заболевания: чума, холера — стали не такими **уж** страшными»; «Многие альпинисты **или** исследователи попадали в камнепады **или** в снежные лавины»; «В невиданно короткие сроки, **перекрывая** все расчеты и нормы, советские люди **перекрыли** Ангару и построили крупнейшую гидростанцию мира»; «Некрасов горячо любит забитый и угнетенный русский **народ** и благодарит природу за то, что она посылает **народу** заступников, которые борются за **народ**»; «Ураганы **колоссальной** силы несли **колоссальные** массы песка и снега». Автор последнего предложения свободно мог избежать стилистической погрешности, используя синонимы **большой, огромный, громадный**. Неудачны и словосочетания «под **руководством руководителей**», «**объединены единой целью**» и многие им подобные.

В некоторых предложениях нагромождение сходных по звучанию слов приобретает катастрофический характер: «Добролюбов говорил, **что** многие молодые люди, вступающие в жизнь, задают себе эти вопросы, **что то, что** ты сейчас делаешь, это не **то, что** есть **что-то** лучшее, **что-то** необыкновенное, **то**, к чему ты должен стремиться».

К стилистическим недочетам экзаменаторы относят и повторение одинаковых выражений. Нередко в сочинениях мы встречаем такие, отнюдь не анафорические, начала соседних абзацев: «**Вслед за Маниловым перед нами встает помещица Коробочка**»; «**Вслед за Коробочкой перед нами встает Ноздрев**».

В экзаменационных работах нередко встречаются просторечные слова, формы и выражения, употребление которых нельзя объяснить какой-либо стилистической целью: «Поэт говорит, что он мечтает так **помереть**, как сделал это Нетте». Автор приведенного предложения смешивает литературные и обиходные, просторечные слова и формы.

Бывает и так, что в нейтральном по стилю повествовании абитуриентов появляются канцеляризмы: «Образом Павла Корчагина автор доказывает, что только тот может приблизить свое будущее к действительности, кто все отдает **текущему моменту**». Встречаются в сочинениях слова, придуманные самими поступающими: **упорность** вместо **упорство**, с исчерпывающей **полностью** вместо **полнотой**, **времяпровождение** вместо **времяпрепровождения**.

дение, взятничество вместо **взяточничество**, **преклонник** всего иностранного вместо **поклонник** и т. п.

Перечисленные лексико-стилистические ошибки являются наиболее распространенными. Гораздо меньше ошибок другого типа — морфолого-стилистических. К ним относятся случаи неправильного образования форм косвенных падежей существительных, прилагательных, местоимений; неверное конструирование глагольных форм; ошибки в образовании степеней сравнения прилагательных. Например: «Холмы по **обоим** сторонам дороги...»; «Сначала Павел был **довольный** своей жизнью»; «Древний Рим погиб от нашествия **варвар**»; «Фашисты **зверско** относились к пленным»; «В чертах характера Ноздрева ясно чувствуется самоуверенность и вместе с тем **явнейшая** глупость».

Некоторые абитуриенты считают возможным образовать форму множественного числа отвлеченного существительного: «Партизанские **движения** сыграли крупную роль в победе»; «Он говорил об их **отношениях** к науке» или употребить в одном предложении разные видо-временные формы глагола: «Ноздрев — почитатель кутежей и карт, любитель **купить, менять** все свои вещи»; «Лучшие представители революционного дворянства **отреклись** от своих либеральных взглядов, **замыкались** в тесном мирке личных интересов».

Другие погрешности в области стиля представляют собой разного рода синтаксические ошибки. В русском языке есть правило: если подлежащее выражено собирательным существительным, имеющим значение количества (**ряд, большинство, часть** и т. п.) в сочетании с существительным в родительном падеже множественного числа, то сказуемое употребляется в форме множественного числа, когда речь идет об одушевленных предметах, и в единственном — при обозначении неодушевленных. Это правило часто нарушается. Например: «В годы перед войной **были подписаны ряд** мирных договоров»; «Целый **ряд** советских писателей **создает** замечательные образы, которые живут и трудятся для блага и прогресса всего человечества» (здесь, помимо синтаксической, уже отмеченная прежде логико-стилистическая ошибка).

Напомним еще одно правило, касающееся согласования в числе сказуемого с несколькими подлежащими. Сказуемое, употребленное после подлежащих, ставится во множественном числе; если же оно предшествует подлежащим, то согласуется в числе с ближайшим из них. Вспомнив это правило, вы без труда найдете ошибки в предложениях «**Природа и животный мир** тайги очень **разнообразен**»; «**Партия и правительство поставило** перед народом величественные задачи».

Значительная часть ошибок вызвана неправильным конструированием сложных предложений. Союзное слово **который** поступающие отделяют от определяемого им члена предложения словом или группой слов: «Новая жизнь пришла в кочевья наро-

дов Севера. Это уже не **дикари**, у которых русские купцы за бесценок скупали собольи меха, **которые** постепенно вымирали»; «Плюшкин жил в **доме**, имевшем запущенный вид и у которого почти все окна были забиты досками или закрыты ставнями».

Завершая обзор стилистических ошибок, обратим внимание еще на одну, чрезвычайно распространенную — употребление самостоятельного деепричастного оборота: «Молодогвардейцы навсегда вошли в сердца советских людей. Перечисляя в конце романа имена погибших, звучит оптимизм его»; «Учась в школе, наши учителя давали нам глубокие знания. В школе я научилась понимать жизнь». Надо твердо запомнить, что в личном предложении деепричастие относится к подлежащему. В подобных конструкциях деепричастие следует заменять придаточными предложениями времени с самостоятельным подлежащим.

Таковы основные типы стилистических ошибок и недочетов. Чтобы избежать их, надо учиться наблюдать языковые явления в разговорной речи, в художественных произведениях, следить за собственной речью, обращаться в трудных случаях к специальным справочникам. Читая художественное произведение, многие учащиеся обращают внимание лишь на содержание, развитие действия, следят за судьбой литературного героя. И мало тех, кто серьезно, внимательно вчитывается в строки, отмечая особенности языка писателя, выразительные слова и обороты, которые могут обогатить и украсить речь каждого человека. Без вдумчивого чтения незнакомые слова остаются непонятными, запас слов пополняется крайне медленно.

Хотелось бы в связи с этим напомнить слова Д. И. Писарева, который говорил, что книги «хороши только для тех, кто умеет их читать». Некоторым может показаться странным совет читать русские книги, художественную литературу со словарем. А это нужно. Нужно для того, чтобы ни одно из новых для вас слов не осталось непонятым, чтобы верно осмысленные новые слова входили в ваш словарный состав, делали речь богаче.

Что касается справочников, то из важнейших назовем в первую очередь однотомный «Словарь русского языка» под редакцией профессора С. И. Ожегова (лучше пользоваться шестым изданием, М., 1964). Здесь вы получите необходимые сведения о значении слов, образовании отдельных грамматических форм, о глагольном управлении. Очень полезен вышедший недавно словарь-справочник «Правильность русской речи» (издание второе, М., 1965), в котором анализируется около шестисот трудных случаев современного словоупотребления. При подготовке к экзамену полезно выполнить упражнения по практической стилистике, имеющиеся в книге Д. Э. Розенталя «Пособие по русскому языку для поступающих в вузы» (можно пользоваться любым изданием, М., 1960, 1962 или 1965).

А. Н. КАЧАЛКИН,
преподаватель МГУ

ТРУДЫ А. М. СЕЛИЩЕВА

В ближайшее время выходит из печати том избранных трудов выдающегося советского слависта Афанасия Матвеевича Селищева. Имя этого ученого известно каждому человеку, интересующемуся русским языком, его историей. Но до сих пор его многочисленные статьи, освещающие разные вопросы русского языка, были разбросаны по малодоступным научным журналам и сборникам. Некоторые исследования А. М. Селищева, выходявшие в 20-е годы и не потерявшие своего значения и в наши дни, с тех пор не перепечатывались и стали библиографической редкостью.

Издательство «Просвещение» собрало наиболее интересные и давно не переиздававшиеся работы ученого. В том избранных трудов включены работы по истории русского языка, ономастике, топонимии, диалектологии русского языка, сравнительному языкознанию.

Думаем, что даже неспециалист по русскому языку с интересом прочтает работу А. М. Селищева «Из старой и новой топонимии», в которой рассказано о том, как создавались и создаются названия населенных пунктов. Сам ученый отмечал, что топонимия представляет один из ценнейших источников наших сведений по истории этнографии, общественной и экономической жизни страны. В статье «Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ» на большом фактическом материале показаны пути формирования фамилий, средства языка, при помощи которых они создавались и создаются.

Читатель сможет познакомиться со статьями и исследованиями А. М. Селищева, освещающими важнейшие стороны истории русского и других

славянских языков: «Соканье и шоканье в славянских языках», «Критические замечания о реконструкции древнейшей судьбы русских диалектов», «О языке „Русской правды“ в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка» (в этой статье А. М. Селищев опровергает гипотезу С. П. Обнорского о происхождении русского литературного языка).

Анализу новых процессов, происходящих в языке в советский период, посвящены публикуемые в томе статьи «Революция и язык», «Выразительность и образность языка революционной эпохи», «О языке современной деревни». В первых двух статьях А. М. Селищев анализирует новые явления в языке — повышенную эмоциональность речи, появление новых слов, возникновение новых значений у слов, существовавших в языке, выясняет особенности стилистики нового времени.

Статья «Русский литературный язык и местные говоры (ознакомление с местной речью в связи с краеведением)» очень полезна и в наши дни учителю-краеведу, интересующемуся историей родного края.

В книге помещены такие классические работы А. М. Селищева как «Диалектологический очерк Сибири» с рецензией Е. Ф. Будде, извлеченной из малоизвестного издания «Казанский библиофил», и «Заметки по великорусской диалектологии», в которых анализируются типы аканья в русских говорах.

Впервые после многих лет забвения можно будет познакомиться с первой попыткой А. М. Селищева создать оригинальный курс «Введения в сравнительную грамматику славянских языков» на русском языке, который вышел в свет на правах лито-

графированного курса в Казани в 1914 г.

Комментарии к работам даны доктором Е. А. Василевской. Ею же написаны две статьи о жизни и науч-

ной деятельности А. М. Селищева и приведен полный список его трудов.

Это издание заинтересует всех тех, кто любит русский язык и занимается его историей.

ПЛАНЫ ИЗДАНИЯ СЛОВАРЕЙ

Редакция русских словарей издательства «Советская энциклопедия» (Москва) вот уже свыше 30 лет ведет работу по изданию словарей русского языка. Словари не только помогают успешно решать задачу повышения культуры речи и грамотности в самом широком смысле слова, но и являются ценнейшими хранилищами богатств языка, способствуют решению теоретических вопросов языкознания. Редакцией были подготовлены к печати и изданы два типа толковых словарей русского языка: два четырехтомных словаря («Толковый словарь русского языка». Под редакцией Д. Н. Ушакова. 1933—1940, второе издание — 1947—1948; «Словарь русского языка». 1957—1961) и однотомный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, выдержавший шесть изданий (тиражом свыше одного миллиона экземпляров; первое издание — 1949). Кроме толковых словарей, были изданы большой и карманный словари иностранных слов, орфографический словарь, словарь-справочник «Русское литературное ударение и произношение» (1959), «Словарь ударений для работников радио и телевидения» (1960).

За последние годы тематика словарей русского языка стала более разнообразной. На книжных полках читателей появились словари новых типов: «Словарь сокращений русского языка» (Д. И. Алексеев, И. Г. Гозман, Г. В. Сахаров, 1963), «Словарь названий жителей РСФСР» (коллектив составителей, под редакцией А. М. Бабкина. 1964), «Словарь русских пословиц и поговорок» (В. П. Жуков. 1966), «Словарь лингвистических терминов» (О. С. Ахманова. 1966).

В последние годы мы начали готовить к изданию «специализированные» словари, в которых дается описание словарного состава языка под каким-либо одним углом зрения. В словарях этого типа находит практическое применение теория фразеологии, омонимии, синонимии, паронимии и т. д. Словари такого рода будут не только служить справочным целям, но явятся базой для создания более совершенных, универсальных толковых словарей русского языка.

Большое место в тематическом плане редакции занимают и словари-справочники для самых широких кругов читателей — серия маленьких и средних словарей по разным вопросам лексики, грамматики, орфографии и орфоэпии. Редакция планирует также издание серии так называемых учебных словарей для нерусских, которые имеют свою методику создания, свою специфику.

Над какими темами работает редакция сейчас? Какие словари русского языка выйдут в свет в 1967 году и в ближайшие два-три года?

В настоящее время находится в печати «Фразеологический словарь русского языка» (под редакцией А. И. Молоткова). В этом новом типе толкового словаря собрано свыше четырех тысяч фразеологизмов (выражений типа: собаку съест, огород городить, плыть по течению и т. п.). В словаре показано, как фразеологизмы употребляются в речи, даны толкования значений, различные формы употребления, синонимы и антонимы, а в некоторых случаях — сведения о происхождении фразеологизма. Этот словарь выйдет в свет во второй половине 1967 года.

На прилавках книжных магазинов уже появился «Словарь русских личных имен» Н. А. Петровского (под редакцией О. Д. Митрофановой). В словаре представлена сложная картина соотношений разных форм одного имени — его документальная (паспортная), разговорная, просторечная и устаревшая формы. При именах даются отчество, уменьшительно-ласкательные формы, сведения о происхождении имени.

В этом году выйдет в свет второе, дополненное и переработанное издание «Словаря ударений для работников радио и телевидения» Ф. Л. Агеевко и М. В. Зарвы (под редакцией Д. Э. Розенталя). Это издание существенно дополнено новыми словами и формами, представляющими особую трудность в произношении и употреблении.

Редакция готовит к изданию еще несколько интересных словарей, которые будут выпущены в свет в 1968, 1969 и 1970 годах. В 1967 году будет завершена редакционная подготовка «Словаря синонимов русского языка» Э. Е. Александровой (под редакцией Л. А. Чешко). Наши читатели давно испытывают острую потребность в таком словаре. Это будет сравнительно небольшая книга, удобная для пользования, в которой даются синонимические ряды слов и словосочетаний с пометами-пояснениями. Например, читатели найдут в словаре с соответствующими пояснениями такие синонимы к наречию *дешево*: недорого, нипочем, даром, копейки, гроши, за полцены, по дешевой (сходной, доступной) цене, по дешевке, за бесценок, задешево, по божеской цене, втридешева, за копейку, дешевле пареной репы. Все эти синонимы группируются в словарной статье в соответствии с их стилистическими и другими речевыми особенностями. Словарь выйдет в свет в первой половине 1968 года.

Завершается работа над небольшим и совсем новым типом словаря — словарем паронимов. Он будет называться «Словарь трудных случаев употребления созвучных слов русского языка» (авторы — Ю. А. Бельчиков и М. С. Панюшева). Авторы словаря отвечают на вопрос о том, в каких речевых контекстах употребляются такие слова, как: же-

ланный и желательный, жизненный и житейский, база и базис, единственный и единый и т. д., указывая на некоторые случаи ошибочного употребления этих слов в речи.

В редакции ведется также работа по составлению обратного (инверсионного) словаря русского языка. В этом словаре свыше 150 тысяч слов русского языка будут сгруппированы по алфавиту, в котором учитывается не начальная буква слова и все последующие, а конечная буква слова и все предыдущие. Например, в букве «а» будут сгруппированы все слова, оканчивающиеся на -а: баба, жаба, слава, нога и т. д. Такая группировка позволяет узнать, какое количество слов в русском языке имеют суффиксы -ость, -ство, -тель и др., сколько в русском языке слов среднего рода с окончанием -о или -е, получить многие другие статистические данные. Преподаватель русского языка найдет в таком словаре без особого труда все нужные ему слова, например, с суффиксом -ин-, который, как известно, школьники часто пишут неправильно, и любые другие группы слов. Словарь станет базой для самых различных методических пособий и учебников русского языка (для школьников, студентов, иностранцев и т. д.). К каждому слову будут даны соответствующие пометы об источниках, о принадлежности слова к той или иной части речи, а также статистические подсчеты по отдельным частям речи. Словарь поможет более углубленному изучению особенностей морфологического состава русского языка. Он выйдет в свет в 1968 или в самом начале 1969 года.

Еще в 1966 году началась работа по подготовке к переизданию «Словаря русского языка» С. И. Ожегова (посмертное издание). В нем будут зафиксированы максимально полно для словаря такого типа те изменения, которые произошли в языке за последние восемь-десять лет; в словарь включается много живых, разговорных слов и выражений, меняется состав и толкование технической терминологии. Работа по подготовке к переизданию этого словаря займет около двух-трех лет. Читатели получат новое, дополнен-

ное и переработанное издание словаря, по-видимому, не раньше 1969 года.

В редакцию поступили рукописи (полностью или частично), работа над которыми еще не началась, но начнется в 1967 или в начале 1968 года. Это — орфографический словарь-справочник «Слитно или раздельно?» (коллектив составителей, под редакцией Д. Э. Розенталя), где будут собраны самые трудные случаи слитного или раздельного написания наречий с предлогами, сложных слов, слов с отрицанием «не». К словарю будут приложены соответствующие правила; «Словарь морфем русского языка», в котором даны корневые, префиксальные и суффиксальные морфемы (составители А. И. Кузнецова и Т. Ф. Ефремова); «Словарь омонимов русского языка» (составитель О. С. Ахманова); «Словарь трудностей русского языка» (составители Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова); «Исто-

рико-этимологический словарь русского языка» (составитель П. Н. Черных).

В договорном портфеле редакции есть несколько очень интересных и нужных читателям словарей. Уже в 1967 году в редакцию поступят рукописи двух словарей, необходимых людям самых разных профессий: 1) словарь «Русское литературное ударение и произношение» (Институт русского языка АН СССР. Издание второе, дополненное и переработанное). В этом словаре будут отражены произносительные нормы наших дней, словарь существенно изменится по сравнению с первым его изданием; 2) «Грамматический словарь русского языка» (составитель А. А. Зализняк). Словарь будет давать справку о любой грамматической форме русского слова.

И. К. САЗОНОВА,
зав. редакцией русских словарей

Лингвистическая задача

В рассказе Виктора Лихоносова «И хорошо и грустно» изображен такой разговор между учительницей и учеником:

«— Валера. Что сегодня было на математике?»

Валера опустил голову и молчал.

— Да что он... — сказал недовольно. — Ни за что попал. Вы же знаете, как я вчера готовился. Я повернулся на уроке к Гайтнян, она толкает и толкает. Я ей хотел сдачи дать и разлил на тетрадь чернило...

— Чернила.

— Ну, чернила.

— Без „ну“...

— Хорошо, без „ну“. А он взял отдал ей мою тетрадь, поставил двойку и выгнал с урока.

Валера, не „он“, а Андрей Евсевич.

Ну, Андрей Евсевич.

(«Новый мир», 1964, № 9, стр. 57)

Одна деталь этого диалога неправдоподобна, потому что автор допустил лингвистическую ошибку: не учел разницы между буквами и звуками. Найдите эту ошибку и исправьте текст. (Заметим, что ошибка автора станет для вас совершенно очевидной, если вы попробуете прочесть приведенный отрывок кому-нибудь вслух.)

Ответ см. на стр. 87

ЛАВРЕНТЬЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

590 лет тому назад, 20 марта 1377 года, монах Лаврентий закончил летопись, получившую в науке сначала название Пушкинской (по имени владельца рукописи графа А. И. Мусина-Пушкина) и Суздальской (в дальнейшем это заглавие закрепилось лишь за второй частью летописи). Затем летопись стали называть Лаврентьевской. В Послесловии (приписке) к летописи сообщается, что работа была выполнена для великого князя Дмитрия Константиновича в Суздале. Свою радость по поводу окончания тяжелого, изнурительного труда Лаврентий выражает весьма поэтично, сравнивая ее с тем чувством, которое испытывает торговец, получивший прибыль, кормчий, достигший гавани, странник, пришедший в свое отечество. Этому тексту присущ даже определенный ритм. Приведем его, раскрыв надстрочные знаки (титла) и заменив вышедшие из употребления буквы современными:

«Радуется купецъ прикупъ створивъ и кормчии въ отишье приставъ и странникъ в отечество свое пришедъ тако же радуется и книжныи списатель дошедъ конца книгамъ».

Лаврентьевский список летописи содержит в себе «Повесть временных лет», которая заканчивается 1110-м годом, и Суздальскую летопись, заключающую события Суздальской Руси с 1111 по 1305 год. Хранится этот драгоценный памятник, написанный на пергамене, в Библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Интерес к Лаврентьевской летописи, в частности к помещенному в ней «Поучению» Владимира Мономаха к своим детям, проявляется у нас уже в XVIII веке, но заметно усилился он в начале XIX века, когда приступили к ее изданию. Полностью Лаврентьевская летопись была издана лишь в 1846 году. Лучшее воспроизведение типографским способом рукописи этой летописи относится к 1926—1927 годам: Вып. 1. «Повесть временных лет»; Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку.

Изучением Лаврентьевской летописи занимались историки, языковеды, литературоведы, фольклористы, писатели, историки права, астрономы (их интересовали содержащиеся в летописи сведения о кометах, солнечных и лунных затмениях), географы.

Для языковедов особенно важно то, что летопись имеет точную дату написания — 6885 год (по нашему летосчислению — 1377 г.). Это облегчает возможность приурочить те или иные языковые явления к определенному времени. Важно и то, что вторая часть летописи — Суздальская летопись — в отличие от «Повести временных лет» написана, а не переписана составителем с готового текста.

Исследовали Лаврентьевскую летопись историки русского языка М. А. Колосов, И. И. Срезневский, А. А. Шахматов (в ряде работ дана характеристика различных летописных сводов, установлена их взаимосвязь), Д. Н. Кудрявский, Е. Ф. Карский (исследовал синтаксис памятника), В. И. Борковский, Ф. П. Филин и многие другие. С. П. Обнорскому мы обязаны лингвистическим анализом «Поучения» Владимира Мономаха в труде «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода» (М.— Л., 1946). Благодаря вышедшему в 1926—1927 годах под редакцией Е. Ф. Карского названного выше издания Лаврентьевской летописи с вариантами из других летописей, издания, от-

личающегося от предыдущих своей точностью, читатели получили в свое распоряжение книгу, равную рукописи.

Интерес к Лаврентьевской летописи никогда не угасал и не угасает, как не угасает он и к другим летописным сводам — памятникам русской истории, русской культуры, русского языка.

Как хорошо, что этот интерес к русским летописям возникает уже на школьной скамье, когда ученик заучивает наизусть опозитизированный гениальным Пушкиным летописный рассказ о вешем Олеге или когда со страниц «Бориса Годунова» предстает созданный Пушкиным удивительно реальный образ Пимена, летописца начала XVII века!

В. Б.

СТАРИННЫЙ РУССКИЙ КАЛЕНДАРЬ

(Начало см. на стр. 2)

АВГУСТ

Свое название этот месяц получил от имени римского императора Октавиана Августа. Начальное ударение в русском слове *август* свидетельствует о том, что латинское *augustus* (с ударением на втором слоге) попало к нам через греческое посредство, где ударение в этом слове падает на первый слог: *αὐγύστος*. В древнерусских памятниках это слово имеется в написаниях: *авъгустъ*, *августъ*, *аугустъ*.

В «Изборнике Святослава» 1073 года отмечено название августа — *осмородный*. Это книжное прилагательное возникло как буквальный перевод латинского *Octavianus* — *Октавиан*.

Старинное русское наименование августа *зарець*. Оно отмечено в памятниках XI—XII веков. Похоже на него чешское название сентября — современное *září* и старые *zárĭ*, *zárĭj*. Считается, что это было время осеннего и предзимнего рева зверей. Древнерусское наименование сентября тоже образовано от глагольного корня *реветь*.

Уже к XVIII веку слово *заревь*, по-видимому, вышло из употребления. Об этом свидетельствуют словари того времени. Г. А. Полетика в середине XVIII века в «Словаре на шести языках: российском, греческом, латинском, французском, немецком и английском, изданном в пользу учащегося российского юношества» (СПб., 1763, стр. 236) дает наряду с современным *август* также другое, старинное русское название — *серепень*. Оно известно и сейчас в украинском — *серпень*, польском — *sierpień* и чешском — *srpen*. Происхождение этого названия ясно: в августе наступала пора уборки хлебов, когда особенно много приходилось работать серпу. Здесь уместно будет вспомнить старое народное выражение об этом месяце: «В августе — серпы греют, вода холодит». Ведь август — последний летний месяц, когда уже начинает холодать. Современное белорусское название августа *жнівень* тоже отражает главный вид работы этого месяца — жатву, по-белорусски *жнівё*.

Известно также народное название августа, отмеченное В. И. Далем в старой Владимирской губернии, — *густарь*. В. И. Даль поясняет истоки возникновения этого слова: «всего в избытке, густо едят». Такое объяснение весьма правдоподобно. В августе крестьяне начинали заготовки для будущего года, для голодной и холодной зимы. Не случайно поэтому август называли *соберѣйхой* или *припасѣйхой*. Ведь август — полная противоположность июля, когда кончаются прощелодные запасы. Можно предположить также, что в наименовании *густарь* отражена так называемая народная этимология, которая состоит в том, что иноязычные по происхождению слова осмысливаются с помощью исконных слов. В слове *август* выделился элемент *-густ*, который был осмыслен как корень *густ-*. Затем к этому мнимому корню *густ-* был добавлен суффикс *-арь*: отсюда — *густарь*.

Краткий словарь произношения и ударения

(Начало см. в № 2 и 3, 1967 г.)

Сокращения: *доп.* — допустимое во всех стилях речи; *проф.* — профессиональное; *разг.* — разговорное, употребляемое в обиходной, бытовой речи образованных людей; *устар.* — устарелое, употребляемое в речи представителей старшего поколения.

молочный [*доп.* произношение: мо-
лошный]
монолог [*не* монолог]
мощность, *мнж.* мощности, мощ-
ностей [*не* мощности, *не* мощно-
стей]
музей [*не* музэй]
мусоропровод [*не* мусоропрóвод]
мясопоставки [*не* мясопóставки]
набаловать, -ся [*не* набáловать, -ся]
набеленный [*не* набéленный]
набело, *доп.* набелó
наведенный [*не* навéденный]
навезенный [*не* навéзенный]
навёк [*не* пáвек]
навёрх [*не* нáверх]
наготове [*не* наготовé]
нагруженный, *доп.* нагружéнный
надолго [*не* нáдолго]
наём [*не* найм], найма
назвать, *прош.* назвал, назвала [*не*
назвáла]
налить, *прош.* налил и налил; на-
лила [*не* налила, *не* налила]
наложить [*не* нало́жить], *прош.*
наложил, наложила [*не* нало́жил,
не нало́жила]
намерение [*не* намерéние]
нанесённый [*не* нанéсенный]
нанять, *прош.* нанял, наняла [*не*
наняла, *не* наняла]
наперченный [*не* наперчéнный]
наперчить [*не* наперчítь]
напиться, *прош.* напíлся, напилась
[*не* напíлась]
нарочно (произносится: нарóшно)
насмешка [*не* надсмешка]
насмеяться [*не* надсмеяться]
наудить [*не* наúдить]
начать, *прош.* начал, начала [*не*
начáла]
недуг [*не* нédуг]
некролог [*не* некрóлог]

ненависть [*не* нена́висть]
ненадолго [*не* нена́долго]
непечáтый [*не* непóчатый]
непревзойдённый [*не* непревзóйден-
ный]
нефтепровод [*не* нефтепрóвод]
нивелировать [*не* нивелировáть]
никелировать [*не* никелировáть]
никчёмный [*не* никчёмный]
нововведение [*не* нововвéдение]
нововведённый [*не* нововвéденный]
новозобретённый [*не* новозобрé-
тенный]
новорождённый (*разг.* новорóжден-
ный)
нормированный (*разг.* нормíрован-
ный)
нормировать (*разг.* нормíровать)
носок, *мнж.* носки, носкóв [*не* но-
сók]
пулевóй, *доп.* пулевóй
обведённый [*не* обвёденный]
обделённый [*не* обдéленный]
обеспечение [*не* обеспéчение]
облегчить [*не* облéгчить]
обнять, *прош.* обнял, обняла [*не*
обняла, *не* обня́ла]
ободрить [*не* обóдрить]
обострить [*не* обóстрить]
общество, *мнж.* общества, обществ
[*не* обществá, *не* общéств]
огниво (*разг.* огниво)
одновременно, *доп.* одноврémенно
[*не* одноврémенно]
одновременный, *доп.* одноврémен-
ный [*не* одноврémенный]
одноимённый [*не* одноимéнный]
одождать [*не* одóлжить]
озлобить [*не* озлóбить]
озлоблённый [*не* озлóбленный]
озорничать [*не* озорн́чать]
оклеить [*не* оклейítь]
окно, *мнж.* окна, óкон [*не* окóн]

околёсица (разг. околёсица)
 опе́ка [не опе́ка]
 опе́нок, *мн. опе́нки* (разг. опы́та)
 опла́ченный [не опла́ченный]
 оплетённый [не оплётённый]
 опломбирова́ть [не опломби́ровать]
 опто́вый [не опто́вый]
 осведоми́ть [не осведоми́ть]
 осе́дланный [не осе́дланный]
 осе́длый [не осе́длый]
 остре́е [не остре́е]
 отва́р [не отва́р]
 отве́денный [не отве́денный]
 отве́зённый [не отве́зённый]
 отклю́чённый [не отклю́ченный]
 отку́поренный [не откупо́ренный]
 отку́порить [не откупо́рить]
 отня́тый [не отня́тый]
 отня́ть, *прош. отнял, отняла́* [не отняла, не отня́ла]
 отогну́тый [не отогну́тый]
 отозва́ть, *прош. отозва́л, отозва́ло* [не отозва́ла]
 отомкнутый [не отомкну́тый]
 отцве́тший [не отцве́тший]
 отча́сти [не отча́сти]
 офице́р, *мн. офице́ры, -ов* [не офице́ра, -ов]
 оце́нённый [не оце́нённый]
 оче́редь, *мн. оче́редь* [не оче́редя́]
 оче́шник (произносится: оче́шник)
 очерствевши́й [не очерствевши́й]
 очерствё́ть [не очерстветь]
 парали́ч, -а́ [не парали́ч, -а]
 партёр [не па́ртер; произносится с твердым т: партёр]
 пате́нт [не пате́нт]
 патефо́н [не патефо́н]
 па́штёт [не па́штёт]
 переве́денный [не переве́денный]
 перевезе́нный [не перевезе́нный]
 перекле́ить [не перекле́ить]
 переклоче́нный [не переклоче́нный]
 перержаве́ть (разг. перержаве́ть)
 перспекти́ва [не перспекти́ва]
 перчи́ть [не перчи́ть]
 পেঁতা,-и (разг. পেঁতা,- ি)
 пионе́р [не пионе́р]
 пи́ть, *прош. пил, пи́ла* [не пи́ла]
 пи́хта, -ы [не пи́хта, -ы́]
 плане́р (разг. плане́р)
 плане́рный (разг. плане́рный)
 плати́ть, плачу́, пла́тишь [не плóтишь]

пла́то [не пла́то], *нескл.*
 плéсневеть [не плесневе́ть]
 пломбирова́ть [не пломби́ровать]
 плб́скость, *мн. плб́скости* [не плоско́сть]
 плб́щадь, *мн. плб́щади* [не пло́щадь]
 плб́клый [не плб́клый]
 плб́кнуть [не плб́кнуть]
 погну́тый [не погну́тый]
 погб́н, *мн. погб́ны, погб́н* [не погб́нов]
 подбодрё́ть [не подбо́дрить]
 подве́денный [не подве́денный]
 поде́ленный [не поде́ленный]
 подклю́чённый [не подклю́ченный]
 подложы́ть, *прош. подложил, подложи́ла* [не подложил, не подложы́ла]
 поднесе́нный [не подне́сенный]
 подопе́чный [не подопе́чный]
 по́дпись, *мн. по́дписи, -ей* [не подпи́сы, -ей]
 поиме́нный [не поиме́нный]
 покле́ить [не поклейи́ть]
 покрывле́нный [не покрывле́нный]
 поли́ть, *прош. поли́л, доп. поли́л; поли́ла* [не поли́ла, не поли́ла]
 положи́ть, *прош. положи́л, положи́ла* [не положи́л, не положи́ла]
 поло́ска́ть, поло́щу, поло́щешь (разг. поло́скаю, поло́скаешь)
 полча́са [не полча́са]
 помидо́р, *мн. помидо́ры, помидо́ров* [не помидо́р]
 помпе́зность [не помпе́зность]
 помпе́зный [не помпе́зный]
 понесе́нный [не понесе́нный]
 пони́ть, *прош. пони́л, пони́ла* [не пони́л, не пони́ла, не пони́ла]
 поржаве́вший (разг. поржаве́вший)
 пор́т, *мн. пор́ты* [не пор́ты, не пор́та], порто́в (*устар. портов*)
 портве́йн [не портве́йн]
 пор́тер [не порте́р]
 портфе́ль [не пор́тфель, не портфе́ль]
 поселе́нный [не поселе́нный]
 поставщи́к [не поста́вщик]
 поста́мент [не поста́мент]
 по́хороны, похоро́н, похоро́нам [не по́хорон, не по́хоронам, не похоро́нам]
 по́черк [не по́дчерк], *мн. по́черки, -ов* [не по́черка, -ов]

(Продолжение в следующих номерах)

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Сотни писем сгрудились на редакционном столе. Вот некоторые из них. Плотник Андрей Ильич Машаров из г. Малоархангельска Орловской области, Михаил Федорович Захаров из г. Куйбышева просят редакцию уделить больше внимания вопросам ораторского искусства. Двадцативосьмилетний журналист из г. Лузы Кировской области и машинисты тепловоза Николай Пашенко и Александр Жиров из Макеевки советуют расширить раздел «Практикум по стилистике». Пенсионер Семен Иванович Алексейцев из Новой Каховки предлагает ввести в русский язык новое слово **мёдно** в смысле 'сладко'. Ученик седьмого класса А. Ефремов из Ленинграда спрашивает: «Как развить речь?»

В редакцию присылают вырезки из газет со стилистическими и орфографическими ошибками, образцы неграмотно написанных объявлений и вывесок. Из города Энгельса Саратовской области мы получили конфетную обертку. Здесь всего четыре слова, но две ошибки: «конфеты малютка» (в бумажку была завернута одна конфета!) и сбоку — «Энгельский горпищеторг» (с одной буквой **с** вместо двух!). А ведь такие «произведения» печатают миллионными тиражами.

В письмах звучит любовь к родному языку, желание знать о нем больше. Решительный протест вызывают коверканье языка, вульгаризмы, злоупотребление словесными штампами и канцеляризмами. Читатели приводят примеры нарушения норм литературного языка, призывают бороться за чистоту устной и письменной речи. И многие совершенно правильно связывают культуру речи с общей культурой человека. Московская текстильщица Галина Николаевна Иванова считает наиболее распространенной речевой ошибкой «грубое отношение друг к другу... Люди, как правило, употребляют грубые слова, не вникая в их смысл». Эти мысли перекликаются с высказываниями замечательного советского лингвиста профессора Г. О. Винокура (см. его статью: «Русская речь», 1967, № 3).

Можно ли стать культурным человеком и не овладеть в совершенстве родным языком? Не есть ли бедность языка первое свидетельство бедности мысли? Допустима ли небрежность в речи? Инженер-химик из Воркуты Мина Степановна Вольф пишет: «Объявление на проходной завода: „На заводе кроме специально отведенных мест курить воспрещается“. Сидя рядом с директором и его заместителем на совещании, шепчу: „Все равно специально отведенные места никто курить не будет, курильщики почему-то предпочитают сигареты и папиросы“. На меня посмотрели, как на сумасшедшую». Видимо, чувство языка не всем дано, точнее — не всем привито.

В чем же причины подчас массового низкого уровня речевой культуры? Винаватых, как правило, мы ищем на стороне: недостатки школьных программ, не всегда безупречная речь дикторов радио и т. п. Но не прошли ли Вы спо-

койно, уважаемый читатель, мимо прилавка, где на горке конфет красуется бумажка с надписью «коромель»? Сделали ли Вы замечание тому незнакому мальчишке, который «вылазит на следующей остановке»? (И кстати, удалось ли Вам обнаружить в двух предыдущих фразах злополучное «ли ли» — бедствие для всех пишущих?)

Здесь, пожалуй, не поможет и организация добровольного общества любителей слова по типу Общества охраны природы. Ведь речь сопровождает всех нас повсюду, и язык — в прямом смысле всеобщее наше богатство и общая наша забота. Итак, первое — внимание к языку.

Другая важная проблема, о ней пишут многие наши читатели, — лингвистическое образование народа. Надо больше выпускать популярных книг о языке, разнообразных словарей и пособий, публиковать серьезные языковедческие статьи в массовых изданиях.

С выходом первых номеров «Русской речи» у журнала появились тысячи друзей и сотни корреспондентов. Планы редакции, содержание журнала теперь в значительной мере будут определять наши читатели. Но в письмах не только предложения и пожелания. Читатели обращаются к нам с просьбой ответить на интересующие их конкретные вопросы о языке. С этого номера мы начинаем публиковать ответы на письма читателей.

СЛОВАРИ ЯЗЫКА ПИСАТЕЛЯ

Б. А. Вайнштейн (Ростов-на-Дону) спрашивает: «Составляются ли сейчас словари русских и советских писателей, подобные „Словарию языка Пушкина“, и какая существует литература по вопросу составления словарей языка писателя?».

1. В СССР, кроме четырехтомного «Словаря языка Пушкина» (М., 1956—1961), составлен двухтомный «Словник мови Шевченка» (Київ, 1964), издан «Словарь к роману П. И. Мельщикова-Печерского „В лесах“» (Ученые записки Московского областного пединститута им. Н. К. Крупской. Т. СП. М., 1961). В разных городах нашей страны составляются словари и словники различных авторов или отдельных произведений: Словарь автобиографической трилогии Горького (Ленинград, Университет); Словарь к «Мертвым душам» Гоголя (Ленинград, Словарный сектор Института русского языка); Словарь произведений Паустовского (Рязань); Словарь Тютчева (Куйбышев); Словарь Некрасова (Ярославль); Словарь Тургенева (Курск, Орел); Словник к роману Л. Н. Толстого «Война и мир» (Тула); Толковый словарь неологизмов Маяковского (Одесский и Днепрпетровский университеты); Словарь лирики Маяковского (Ленинград, Пединститут им. А. И. Герцена); Словники к произведениям Блока, Маяковского и Есенина (Горький, Университет); Словники к произведениям Блока, Есенина, Твардовского и Исаковского (Шадринск).

В Институте русского языка АН СССР ведется работа над «Словарем языка русской советской поэзии». Его цель — зафиксиро-

ровать только ту часть лексики, которая подверглась в языке поэзии «образно-эстетической трансформации». В нем будут показаны словарные выразительные средства, использованные различными советскими поэтами.

2. Специальная литература по этому вопросу очень немногочисленна. Это главным образом инструкции по составлению конкретных словарей или их проекты, а также отдельные статьи, являющиеся обобщением лексикографической работы. Например: Проект Словаря Пушкина (М.—Л., 1949); В. В. Виноградов. Предисловие к «Словарю языка Пушкина» (т. I. М., 1956); Ю. С. Сорокин. Инструкция по составлению словаря к «Мертвым душам» Н. В. Гоголя (М., 1960); В. П. Григорьев. Словарь языка русской советской поэзии (М., 1965); Б. А. Ларин. Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М. Горького, Л. С. Ковтун. О специфике словаря писателя.— В книге: «Словоупотребление и стиль М. Горького» (Л., 1962); В. С. Ващенко и П. А. Петрова. Шевченкова лексика (словоуказатель к поэтическим произведениям Т. Г. Шевченко) (Киев, 1951).

В КРЫМ, но НА КАВКАЗ

А. Т. Прямоносов (Челябинск) пишет: «Почему мы говорим: „Я живу на Урале, но в Сибири? Я еду в Польшу, но на Кубу? Отправиться в Крым, но на Кавказ?“».

Употребление предлогов *на* и *в* в конструкциях с существительными в винительном и предложном падежах определяется их семантикой. Хотя оба предлога обозначают в этом случае направление движения (куда?) или вместилище, местонахождение (где?), один из них, а именно *на*, оказывается более общим по значению, а другой — *в* — более узким и конкретным. Сравните, например, выражения *в лесу*, *в озере* (т. е. глубинах его вод), *в соревнованиях* (будучи непосредственным их участником), с одной стороны, и *на озере* (т. е. на его поверхности или в его окрестностях), *на соревнованиях* (т. е. во время соревнований) — с другой. Эти смысловые различия, имеющие исторические объяснения, в настоящее время в значительной мере потеряны; они уступили место отношениям и различиям чисто формальным, грамматическим.

Нет однозначного ответа на вопрос, почему в одних случаях мы говорим и пишем *в* (в Крым, в Сибирь, в горы), а в других случаях *на* (на Кавказ, на Кубу, на Волгу). Зато мы всегда можем установить, как именно надо употреблять эти предлоги. Для этого есть одно простое правило. В современном русском литературном языке предлоги *на* и *в* имеют антонимы — противоположные по значению предлоги. Для — *на* это предлог *с*, а для *в* — предлог *из*. По этим парам легко установить правильное употребление предлогов или проверить себя в сомнительных случаях:

на завод — с завода
на вокзал — с вокзала
на Кавказ — с Кавказа
на Кубу — с Кубы

в армию — из армии
в Крым — из Крыма
в Польшу — из Польши
в Сибирь — из Сибири

Оговорка о том, что эти отношения существуют в пределах литературного языка наших дней, весьма существенна. Дело в том, что в просторечии и в южнорусских говорах (под влиянием украинского языка) происходит нередко смешение предлогов *с* (*со*) и *из*: говорят и пишут, например, *со школы* вместо правильного *из школы*, *с Донбасса* вместо *из Донбасса*, *с армии* вместо *из армии*.

„СОБАКУ СЪЕЛ“

«Как сложилась идиома „собаку съел“?» — спрашивает А. Т. Прямоносов.

Происхождение этого выражения не вполне ясно, во всяком случае надежных объяснений на русской почве найти нельзя.

Между тем во многих древних и новых языках Европы известны сходные выражения: *съесть крокодила, сердце льва, язык быка* и т. п. У разных народов мира существовали древние поверья о том, что съеденные кусочки или органы каких-либо животных имеют магическую силу — передают человеку свойство их обладателей: храбрость льва, силу буйвола, гнев крокодила, хитрость и мудрость змей и т. п.

Древние греки употребляли выражение *скорпиона съел* (о человеке, ставшем вдруг яростным, беспощадным, ядовитым, как скорпион). У древних римлян были выражения *собачий язык съел* и *собачье красноречие* (о людях, говорящих без меры, или о едкой, зубастой речи вообще).

По-видимому, именно через латынь — язык древних римлян — познакомились с этими выражениями русские бурсаки, воспитанники семинарских училищ. «Он на этом деле собаку съел», — говорили семинаристы об опытном спорщике, умелом участнике жарких богословских диспутов. Со временем это выражение оторвалось от быта бурсаков и богословов, в котором было рождено, и приобрело более широкий смысл. Его стали применять вообще к знатоку какой-нибудь науки или ремесла — ученому или просто умелому и опытному человеку.

Собаку съел — значит стал докой в чем-нибудь, изучил досконально какое-нибудь дело, ремесло, приобрел опыт и сноровку. В народной речи *собаку съел* пришло в смысловое взаимодействие с такими образными выражениями, как *собачий нюх, собачья хватка, насобачиться в чем-нибудь* (т. е. натереть в каком-нибудь деле), что, конечно, немало способствовало упрочению в русском языке этого заимствованного по происхождению оборота.

О РЕАЛЬНОМ МНОЖЕСТВЕ И ГРАММАТИЧЕСКОМ ЧИСЛЕ

«Почему говорят и пишут: „Изделия имеют спрос у нашего покупателя“, а не „у наших покупателей“?» — спрашивает Н. Г. Залазницкая (Москва). С подобным же вопросом обратилась к нам А. И. Вехвиляйнен (Ленинград): «Правомерно ли получившее в последнее время у работников торговли выражение: „Продается яйцо“ вместо привычного „Продаются яйца“?».

Действительно, возможно ли употребление существительных в единственном числе там, где речь идет о множестве предметов?

На первый взгляд, это невозможно. Но дело в том, что соотношение единственного и множественного чисел не сводится к соотношению единичности-множественности. Основное грамматическое значение единственного числа имен существительных — отсутствие количественной характеристики обозначаемых предметов — дает возможность использовать форму единственного числа для обозначения реального множества. Исследователи русского языка по-разному называют это явление (обобщенно-собирательное, собирательное), но все признают, что в основе его — обозначение определенного множества называемых предметов.

Использование формы единственного числа для передачи значения множества в современном языке продуктивно и употребляется достаточно широко, но во всех случаях это употребление сопровождается отчетливой стилистической окраской. Например, для языка газеты это яркая публицистичность. Интересно отметить, что в прессе такие формы четко лексикализировались, т. е. распространились на относительно постоянный языковой пласт. Это в основном одушевленные существительные, обозначающие лиц: *зритель, читатель, современник, покупатель* и т. п. Ср.: «Поднятый партией к вдохновенному творчеству, наш современник прекрасен богатством своего духовного мира, неутолимой жаждой расширить его» («Вечерняя Москва», 26 июля 1965); «Что представляет Красноярский ТЮЗ сегодня? Во-первых, это самый популярный театр города. Его любят, в него ходят, он воспитал своего зрителя, в основном молодежь» («Комсомольская правда», 17 марта 1966); «Пусть покупатель скажет спасибо!» (заголовок. «Правда», 12 августа 1965).

В других речевых контекстах употребление единственного числа для обозначения реальной множественности может сопровождаться экспрессией разговорности или даже просторечности. Ср.: «Клоп или таракан, — авторитетно разъясняет инструктор тов. Михаленко, — это наш паразит. Все остальные уничтожаются силами самого населения» («Вечерняя Москва», 23 июня 1966).

НЕСГОРАЕМЫЙ

«Как произошло слово *несгораемый* (несгораемый шкаф) и правомерно ли его существование?»

Слово *несгораемый* имеет суффикс отглагольных прилагательных *-ем-*, который лишь по форме совпадает с суффиксом страдательных причастий настоящего времени (сжигаемый, рекомендуемый, привозимый и т. п.). Такие причастия возможны только при переходных глаголах несовершенного вида. Прилагательные же с омонимичным суффиксом *-ем-* или *-им-* образуются от различных глаголов независимо от их вида и переходности. Основное значение этих прилагательных — признак, характеризующийся возможностью (или невозможностью) совершения действия, обозначаемого глагольной основой. Например: *несгораемый* — такой, который не может сгореть; *незабываемый* — такой, который нельзя забыть; *устранимый* — такой, который можно устранить; (не) *поправимый* — такой, который можно (нельзя) поправить. Значение невозможности действия могут иметь в русском языке и действительные причастия настоящего времени с частицей *не*, например: *нержавеющая* сталь, *небьющаяся* посуда. В некоторых случаях даже наблюдаются синонимы типа: *неувядающий* — *неувядаемый*, *неиссякающий* — *неиссякаемый*. Но в словах-терминах обычно закрепляются либо суффикс *-ем-* (*-им-*), как, например, в сочетании *несгораемый шкаф*, либо суффикс действительного причастия *-ущ-* (*-ащ-*), как в сочетании *нержавеющая сталь*.

ТРУЖЕНИК, ПУТЕШЕСТВЕННИК

Д. О. Фролова из Ставрополя спрашивает: «Почему в слове *труженик* одно *н*, а в слове *путешественник* два?»

Сложный суффикс в слове *путешественник* — это сочетание суффикса прилагательных *-енн-* и суффикса существительных *-ик*. Суффикс *-енник* с двумя *нн* употребляется вместо суффикса *-ник* в образованиях от основ на некоторые группы согласных и, в частности, от основ на *-ств-*:

производственник	ср. наставник
хозяйственник	дорожник
предшественник	туберкулезник
соотечественник	сотрудник

В слове *труженик* исторически выделяется суффикс *-ик*, такой же, как и в словах *мученик*, *ученик*. Образованы они были от страдательных причастий (труженный, мученый, ученый). Устаревший ныне глагол *трудить* и связанное с ним первоначальное значение слова *труженик* определены в словаре Даля: «**трудить** кого, **тружати** стар. — утруждать, налагать труд, работу, заставлять что-

либо делать; беспокоить, тревожить»; «труженик — обреченный или сам обрекшийся на тяжкие труды, сподвижник, мученик, трудящийся неумоимо».

ОТКУДА «ИЗЪЯН»?

Д. О. Фролова пишет: «Правильно ли, что *изъян* — иностранное слово?»

Изъян — слово действительно заимствованное. Оно пришло в русский язык непосредственно из тюркских языков: ср., например, татарское *зыян* «вред, ущерб»; в свою очередь тюркские языки заимствовали его из персидского, где слово *zjūān* также означает «вред». В русском языке это слово изменилось: в нем появилось начальное *и*, причем первый слог совпал по звучанию с русской приставкой *из-*. Вероятно, причиной такого звукового изменения было чисто внешнее сближение с глаголом *изъять*.

ОДНА КОЧЕРГА, — ПЯТЬ КОЧЕР...?

А. Я. Криволата (Ярославль) спрашивает: «Как будет форма родительного падежа множественного числа от слова *кочерга*? Как сказать: „Выпишите мне пять — чего?“».

Этот вопрос волновал и персонажей известного рассказа Мих. Зощенко «Кочерга» (1940): «Три кочерги — ясно. Четыре кочерги — тоже понятно. А пять? Пять — чего?». И только старая машинистка разрешила проблему: «Нужно писать — *пять кочерг*. Но допустимо сказать и *пять кочерег*». Слово *кочерга*, заключает Зощенко, — «каверзное, доступное Академии наук и машинистке с тридцатилетним стажем».

Нам, привыкшим пользоваться словарями, мучения зощенковских героев могут показаться наивными (а москвич, наверное, не преминул бы позвонить по телефону Г 6-18-43...). Действительно, во всех словарях современного русского литературного языка мы найдем один и тот же определенный ответ на вопрос: «род. мн. *кочерёг*». Употребление этой формы объясняется тем, что слово *кочерга* относится к существительным женского рода с группой согласных на конце основы (*земля, сосна, серьга, сестра*); в родительном падеже множественного числа у этих существительных появляется беглое *е* или *ё* между двумя согласными: *земель, сосен, серёг, сестёр*.

А как же рекомендация зощенковской машинистки — *пять кочерг*? Это форма устарелая, аналогичная устарелым *сестр* и *сосн* — родительный падеж множественного числа (примеры из Ломоносова и Жуковского приводятся в книге В. И. Чернышева «Правильность и чистота русской речи», СПб., 1911, § 10).

Какого рода РЭБ?

Инженер Н. В. Мясников (Москва) спрашивает:

1. Почему слово ТАСС употребляется в мужском роде (ТАСС уполномочен заявить), хотя речь идет об агентстве, а слово ГЭС — в женском (Красноярская ГЭС)?

2. На речном транспорте есть ремонтно-эксплуатационные базы (РЭБ). Как надо писать: Череповецкая РЭБ или Череповецкий РЭБ?

Буквенные сокращения, оканчивающиеся на согласный (вуз, ЖЭК, ГЭС и т. п.), по-разному ведут себя в языке. Одни из них, широко употребляемые в речи, принимают форму существительных мужского рода, склоняются; определение и сказуемое при таких словах ставится в форме мужского рода, например: наш вуз; вуз провел день открытых дверей; нэп был переходным периодом и т. п. Другие сокращения указанного типа не вошли в морфологическую систему русских слов, не склоняются. Род этих сокращений (и, значит, род согласованных с ними определений или сказуемых) определяется родом стержневого, главного слова полного наименования, например: Череповецкая РЭБ. Слово *ТАСС* в письменной речи не склоняется (хотя в разговорной речи обычно: звонили из ТАССа; работает в ТАССе), но сказуемое при нем ставится в форме мужского рода.

КАК СКЛОНЯТЬ ФАМИЛИИ?

Т. В. Ключевиткина (Москва) обратила внимание на надпись «Академику Вильямс В. Р.», сделанную на памятнике у Тимирязевской академии. «Разве не нужно склонять мужские фамилии типа *Шамес, Вильямс, Лацис*? — спрашивает она. Мне так и хочется дописать окончание *-у* — *Вильямсу*».

Справедливое желание. Все русские и иноязычные мужские фамилии, оканчивающиеся на согласный звук, склоняются. Значит, нужно говорить и писать: работы В. Р. Вильямса, картины Роксуэлла Кента, романы Лациса, письма Шамеса, рассказы Марка Твена и т. п.

Несклоняемая форма фамилий на согласную указывает на женский род. Если написано: ответ Ойстрах, книга Вильямс, рекорд Пресс, выступление Гилельс, то естественно предположить, что речь идет о женщинах.

Следовательно, правильной и недвусмысленной была бы надпись: «Академику В. Р. Вильямсу».

Вопросы о склонении имен собственных наиболее часты в письмах наших читателей: «Как правильно сказать: с инженером Коваленко или Коваленкой? письмо от Черных или Черныха? рассказ о Петре Дёгте, Дёготе или Дёготь?».

Самый общий ответ таков: если конечные элементы собственных имен совпадают с основными типами окончаний, свойственных словам русского языка, они должны склоняться. Значит, нужно говорить и писать: Институт им. Н. Ф. Гамалеи, стихи Неруды, знакомство с Тарасом Бульбой, разговор с Семеном Сквородой, в гостях у Дёгтя и т. п. Там, где совпадения нет, создаются специальные правила для собственных имен. Например, нельзя склонять украинские фамилии на *-ко*: с Василенко, о Василенко — ведь в русском языке нарицательные существительные на *-о* могут быть только среднего рода. Не склоняются иностранные фамилии типа Шоу, Моне, Франсуа и т. п.

Однако, несмотря на достаточно четкие правила, мы нередко встречаемся с отклонениями от существующей нормы. Они вызваны разными причинами: установившейся традицией, стилем речи, «непривычностью» звучания склоняемой формы имени собственного. Так, в современной художественной литературе можно встретить склоняемые фамилии на *-ко*: с Коваленкой, у Коваленки, потому что эти формы отражают разговорную речь. По установившейся традиции не склоняются грузинские, японские фамилии на неударяемые *-а*, *-я*: узнать о Гулия, Мацакария; к Мацумура и т. п.

Вопреки правилам нередко не склоняются фамилии, созвучные с названием животного или неодушевленного предмета, следовало бы написать: ответ Дёгтю, Медведю, Крысе, Сквороде, Льву, а пишут: ответ Дёготь (или Дёготю), Медведь, Жук и т. д. Пишущим склоняемые формы кажутся неловкими, непривычными, а иногда и обидными, они хотят отделить фамилию от омонимичного имени нарицательного.

Подробные правила о склонении имен и фамилий можно найти в «Справочнике по правописанию и литературной правке» Д. Э. Розенталя (М., 1967, § 149).

Много интересных сведений об этом читатели могут получить также из статьи А. В. Суперанской «Склонение собственных имен в современном русском языке» (сб. «Орфография собственных имен», М., 1965).

На письма читателей ответили научные сотрудники Института русского языка АН СССР: В. А. ИЦКОВИЧ, В. В. ЛОПАТИН, Л. К. МАКСИМОВА, Г. И. МИСЬКЕВИЧ, В. А. ПЛОТНИКОВА-РОБИНСОН, Л. И. СКВОРЦОВ, Б. С. ШВАРЦКОПФ

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

(Ответы)

1. В декабре наш завод отмечает тридцатую годовщину (или тридцатилетие) со дня своего основания.
2. Отстающие и недисциплинированные ученики отданы на попечение родительского комитета.
3. В решении местного комитета указывается на недопустимость нарушений трудовой дисциплины.
4. Звание чемпиона республики завоевал молодой спортсмен из общества «Труд».
5. Все ремонтные работы решено закончить на месяц раньше срока.
6. Выставка уже готова к приему посетителей и на днях будет официально открыта.

Ответы к стр. 55

ель — лей [jэл^Ь — л^Ьэj]

куль — люк [кул^Ь — л^Ьук]

ей [jэj]

елей [jэл^Ьэj]

Ася [ас^Ьа]

Ответ на лингвистическую задачу, помещенную на стр. 73

Учительница не могла исправить ошибку в речи мальчика потому, что не могла ее заметить: правильная форма *чернила* (именительный падеж множественного числа, не имеющий соответствующей формы единственного числа) и неправильно употребляемая вместо нее форма единственного числа *чернило* звучат одинаково. В том и в другом случае на конце произносится не звук [а] и не звук [о], а короткий неясный звук, средний между *о* и *а*. (Конечно, мы имеем в виду правильное литературное произношение, потому что в рассказе нет никаких указаний на то, что мальчик Валера бкал).

Между тем слова мальчика легко переделать так, чтобы учительница могла заметить и исправить его ошибку. Для этого нужно, чтобы мальчик употребил слово, в котором он ошибается, в каком-либо другом падеже: *чернила* (вместо *чернил*), *чернилу* (вместо *чернилам*), *чернилом* (вместо *чернилами*), *в черниле* (вместо *в чернилах*). Например, текст можно изменить так:

- ...Я ей хотел сдачи дать и испачкал ее тетрадь чернилом.
- Чернилами.
- Ну, чернилами.

Дорогие читатели!

В Институте русского языка АН СССР готовится новое издание словаря-справочника «Русское литературное произношение и ударение», вышедшего под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова в 1959 г.

Мы просим всех, кому приходится пользоваться этим словарем, прислать нам свои пожелания и замечания. Наш адрес: Москва, Г-19, Волхонка, 18/2, Институт русского языка АН СССР. Сектор культуры русской речи.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор), **Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ**, **В. В. ВИНОГРАДОВ**,
В. Я. ДЕРЯГИН (ответственный секретарь), **С. А. КОПОРСКИЙ**, **Л. М. ЛЕОНОВ**,
И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), **Л. И. СКВОРЦОВ**, **Ю. С. СОРОКИН**,
Ф. И. ФИЛИН, **Н. Ю. ШВЕДОВА**

Редакция: **И. Г. Бландова** (зав. редакцией), **К. И. Елагина** (зав. отделом языка художественной литературы), **С. А. Иванов** (зав. отделом культуры речи), **Л. Е. Лопатина** (зав. отделом информации и писем),
Ю. Ф. Хаустова (старший литературный сотрудник)

Адрес редакции: Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: Г 6-29-33

Рисунки **М. С. Гликина**, **В. П. Нефедова**. Фото **А. И. Вернигоры**

Технический редактор **Т. А. Михайлова**

Корректоры **Н. Н. Глаголева**, **Г. Н. Шамина**

Сдано в набор 4/V-1967 г. Т. 08097 Подписано к печати 4/VII-1967 г. Тираж 55000 экз.
Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Печ. л. 5¹/₂+1 вкл. Бум. л. 2³/₄. Уч.-изд. листов 7,1 Зак. 2570

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10